

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

А. Г. Стефанчук

ИСТОРИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

XX ВЕК

Москва

2015

ББК 63.3(8Нo3)6
С 79

Ответственный редактор
В. П. Николаев

Рецензент
Н. С. Скоробогатых

Стефанчук Л. Г.

С 79 История Новой Зеландии. XX век / Институт востоковедения РАН. – М. : ИВ РАН, 2015. – 268 с.
ISBN 978-5-89282-622-8

В книге рассматривается развитие Новой Зеландии на протяжении XX века. Дается краткий экскурс в историю XIX века, когда закладывались основы новозеландского государства. Автор показывает борьбу политических партий, анализирует проведенные ими социально-экономические реформы. На основе сопоставления статистических материалов других стран со статистическими показателями Новой Зеландии определяется место страны в современном мире.

ББК 63.3(8Нo3)6

ISBN 978-5-89282-622-8

© Стефанчук Л. Г., 2015
© Институт востоковедения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Немного из прошлого	15
ГЛАВА 2. Новая Зеландия в первой половине XX века	39
Годы процветания (1895–1914)	43
Становление новозеландского лейборизма	45
Первая мировая война	49
Новая Зеландия между двумя мировыми войнами	56
Первое лейбористское правительство (1935–1949)	67
Участие Новой Зеландии во Второй мировой войне	76
ГЛАВА 3. Новая Зеландия во второй половине XX века	85
Послевоенные годы и приход к власти Национальной партии ...	85
Краткий период правления лейбористов (1957–1960)	95
Национальная партия снова у власти (1960–1972)	100
Курс на индустриализацию и диверсификацию	103
Новозеландское общество в 60–70-х годах XX века	109
Положение маори и расовая дискриминация	118
Структура и особенности новозеландской экономики	124
Внутренняя и внешняя политика в конце 1960-х годов	130
Третье лейбористское правительство (1972–1975)	134

Правительство Р. Малдуна (1975–1984)	153
Кардинальные экономические и социальные реформы	176
Внешняя политика (1984–1990)	191
Предварительные итоги реформ и поражение Лейбористской партии	194
Последнее десятилетие XX века (1990–2000)	202
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 217
 ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	 231
 ПРИЛОЖЕНИЕ. Краткие биографические данные о губернаторах и премьер-министрах	 245
 БИБЛИОГРАФИЯ	 260
 SUMMARY	 266

ВВЕДЕНИЕ

Государство Новая Зеландия занимает два крупных острова в юго-западной части Тихого океана – Северный и Южный, разделенные проливом Кука, и ряд мелких островов (общая площадь 268,8 тыс. кв. км). Оно включает в себя ассоциированные с ним острова Кука и Ниуэ, самоуправляющуюся территорию Токелау, а также антарктические земли Росса-Депендеси. Страна значительно удалена от других материков. Ближе всего к ней расположена Австралия. Самое короткое расстояние от Веллингтона, столицы Новой Зеландии, до Сиднея в Австралии – 2300 км.

Население насчитывает 4,5 млн. человек: европейцы – 75%, маори – 15%, кроме того, в стране проживают полинезийцы – выходцы с островов Океании (6,5%), незначительное число китайцев, индийцев и других народностей. 86% населения живет в городах, самые крупные из них: Окленд (1 415 000 жителей), Веллингтон – столица (471 315), Крайстчёрч (436 056), Гамильтон (141 тыс.), Данидин (120 249).

Новая Зеландия расположена в Южном полушарии. Следовательно, когда в Северном полушарии лето, там зима – и наоборот. Природный ландшафт крайне разнообразен: высокие горы (75% территории), покрытые снегами и ледниками, пологие холмы, низменности и холмистые равнины, песчаные дюны. Здесь можно увидеть все красоты природы: действующие и потухшие вулканы, гейзеры, грязевые озера, минеральные источники, фьорды, порожистые реки и водопады.

Путешествие по Новой Зеландии сегодня – одно из наиболее популярных направлений международного туризма. Рекламные буклеты, путеводители по стране наперебой восхваляют этот край прозрачных озер, изумрудно-зеленых лугов и влажных тропических лесов. Сюда тянутся путешественники, искатели при-

ключений, любители экстремального спорта со всех концов планеты. И неудивительно, потому что в этих местах есть все условия для охоты, рыбной ловли и занятий спортом.

Страна расположена в сейсмической зоне, часто происходят землетрясения и вулканические извержения. В 1931 г. в результате землетрясения погибли 236 человек, сильно пострадал город Нейпир. Последнее страшное землетрясение произошло в феврале 2011 г. Мощные подземные толчки разрушили центральную часть города Крайстчёрча, унесли жизни 147 человек, материальный ущерб составил около 15 млрд долл. Большая часть Новой Зеландии (за исключением северной территории Северного острова, заходящей в субтропики) лежит в умеренном климатическом поясе, так что климат в основном мягкий, морской. Разница в температуре наиболее холодного и теплого месяца не превышает 10 градусов; характерны сильные западные ветры, они приносят с собой влагу. Осадки в достаточном количестве выпадают в течение всего года. Такие климатические условия благоприятствуют занятию сельским хозяйством.

Флора и фауна Новой Зеландии на протяжении миллионов лет развивались изолированно от видов растительного и животного мира других континентов, поэтому в основном эндемичны, т.е. состоят из видов, которые нигде больше, кроме как в Новой Зеландии да еще в Австралии, не встречаются. С появлением на островах европейцев растительный и животный мир Новой Зеландии претерпел значительные изменения. Из страны лесов она превратилось в страну лугов. Леса после вырубki поселенцами сохранились только в горных районах. Ценность для строительства представляют гигантские сосны каури. Кроме того, смола каури используется для изготовления лаков, красок, ювелирных изделий. В 1918 г. остались считанные участки лесов, где произрастают каури, так что в настоящее время в стране занимаются восстановлением сведенных лесов. Из древесных пород преобладают вечнозеленый бук, клены, пальмы, лианы и эпифиты, древовидные папоротники. Плодовые, овощные, зерновые культуры были завезены из Европы.

Для своеобразной фауны характерно, и в этом ее отличительная особенность, что из млекопитающих водятся только летучие мыши. Собак, кошек, кроликов, овец, коз, свиней, оленей завезли сюда белые переселенцы. Много птиц, из которых 93% – эндемики. Уникальная ночная нелетающая птица киви с ноздрями на кончике клюва, с перьями, напоминающими шерсть, является символом страны и охраняется законом. Прибрежные воды Новой Зеландии богаты рыбой. Морские млекопитающие – дельфины, тюлени и киты – привлекают любителей дикой природы со всего света.

Одно из богатств страны – роскошная природа, хорошая экология, к которым население относится очень бережно и старается их сохранить. Парки и заповедники занимают примерно треть всей территории страны. Насчитывается 14 национальных, 20 природных и три морских парка, плюс две области под защитой программы ЮНЕСКО «Наследие мира» – это национальный парк Тангариро на Северном острове и Те-Вайхипуона на Южном. Залежи полезных ископаемых в Новой Зеландии не велики, но разнообразны. Здесь есть каменный и бурый уголь, нефть, железная руда, медь, олово, вольфрам, свинец, марганец, золото и серебро, сера, слюда, уран и другие. Из-за небольших объемов они не играют значительной роли в экономике, разрабатываются лишь месторождения газа, нефти, каменного угля (добыча которого растет, треть ее идет на экспорт, главным образом в Японию), железной руды и драгоценных металлов. Освоение месторождений началось сравнительно не так давно: нефти – в 30-х годах (добыча ее постепенно снижается), железистого песчаника – в 60-е, газа – в 70-е годы XX века. Из нерудных полезных ископаемых в большом количестве добываются строительные материалы: песок, бутовый камень, гравий и галька, а также глина, известняк, доломит.

Новая Зеландия – индустриально-аграрная страна. Сельское хозяйство ее эффективнее промышленности. Свою нишу в мировом хозяйстве она нашла в основном как производитель мясной и молочной продукции. Страна занимает первое место в мире по

экспорту масла, молочного порошка, казеина; второе – по экспорту сыра. Кроме мясомолочного производства, она удерживает свои позиции в мировом хозяйстве как крупнейший – второй после Австралии – производитель и экспортер шерсти.

По форме правления Новая Зеландия – парламентарная монархия. Формально государство возглавляется английским монархом, который в соответствии с указаниями новозеландских министров назначает генерал-губернатора со сроком полномочий на пять лет. Власть его чисто символическая. По существу, управляет страной лидер победившей на парламентских выборах политической партии, который занимает пост премьер-министра и формирует правительство. Высший законодательный орган государства – парламент, который состоит из одной палаты представителей и переизбирается каждые три года.

Новая Зеландия входит в состав Содружества. С 1840 г. она находилась под протекторатом Великобритании (сначала в составе австралийского Южного Уэльса, затем с июля 1841 г. была объявлена губернатором Гобсоном отдельной коронной колонией). С 1907 г. Новая Зеландия становится британским доминионом. Ее связь с бывшей метрополией отражена в государственной символике. На темно-голубом флаге Новой Зеландии в левом верхнем углу изображен английский флаг. Четыре красные пятиконечные звезды на полотнище флага представляют наиболее яркие звезды созвездия Южного Креста и символизируют географическое положение страны. Национальный герб Новой Зеландии был разработан в 1911 г., до этого времени она использовала герб Великобритании. Незначительные изменения были внесены в него в 1956 г. В центре герба расположен щит с символическими изображениями: созвездие Южного Креста (символизирует, как и на флаге, географическое положение), сноп пшеницы (земледелие), золотое руно (животноводство), скрещенные молоты (промышленность), три корабля (морская торговля и эмигрантское происхождение жителей). Щит держат, с одной стороны, европейская девушка с флагом Новой Зеландии в руке, с другой – маорийский воин с копьем. Внизу, на листьях папо-

ротника, лента с названием страны. Герб увенчан короной Святого Эдуарда. Государственный гимн «Боже, защити Новую Зеландию!» был принят в 1977 г. Прежний гимн «Боже, храни королеву» ныне звучит редко, только в особенно торжественных случаях, он исполняется на двух языках – английском и маорийском, который с 1987 г. становится наравне с английским официальным государственным языком страны.

* * *

Предваряя исследование истории Новой Зеландии в XX веке, хотелось бы подчеркнуть некоторые специфические, можно сказать, парадоксальные черты развития страны на протяжении этого времени. Так, например, одна из особенностей Новой Зеландии заключается в том, что, будучи современной вполне развитой в экономическом отношении страной, свои основные конкурентные преимущества она получает и реализовывает в торговле с внешним миром, экспортируя не промышленные и тем более наукоемкие товары, а продукцию высокоразвитого сельского хозяйства. Продукция обрабатывающей промышленности составляла в 2000 г. 31%, а в 2010 г. – только 21% всей стоимости товарного экспорта. Еще меньший удельный вес (17%) занимали промышленные товары только в вывозе ее «старшей сестры» Австралии¹. Новая Зеландия прошла промышленную стадию своего развития именно в XX веке, но никогда ее обрабатывающая промышленность не могла конкурировать с индустрией других, даже менее развитых стран.

Между тем именно во второй половине XX века и начале XXI не только развитые, но и развивающиеся страны перешли от вывоза минерального и сельскохозяйственного сырья к экспорту преимущественно готовых промышленных изделий. Так, например, если в 2000–2010 гг. эти виды продукции занимали 72–78% всей стоимости товарного экспорта в развитых в экономическом отношении странах (странах с высокими доходами), то и в развивающихся странах (странах с низкими и средними доходами) величина аналогичного показателя достигала 58–61%². Продол-

жая десятилетиями установившиеся традиции, Новая Зеландия в последнее время одновременно также развивает экспорт продукции информационно-инновационного сектора (компьютерные, информационные услуги, технологии и программы, средства современной связи и др.), а также туризм. Именно на эти две составляющие в Новой Зеландии в конце XIX – начале XX века приходилось 70–80% всего экспорта услуг. Но он все еще меньше, чем экспорт товаров: в 2010 г. соответственно 31,4 млрд долл. и 8,9 млрд³.

В новозеландской экономике, а особенно во внешних экономических связях (без которых она не может существовать), присутствуют черты, характерные как для самых развитых, так и для развивающихся стран. Об этом в дальнейшем будет сказано подробнее. Здесь же достаточно указать на тот факт, что, например, импорт ее типичен для развивающихся стран. 71% его стоимости – это продукция обрабатывающей промышленности. Правда, теперь и в других развитых странах промышленные изделия составляют большую часть товарного экспорта. Так, скажем, в Голландии, тоже небольшой индустриально-аграрной стране, аналогичный показатель составляет 57%. Но при этом примерно такой же процент (57–59%) во всем товарном экспорте Голландии занимает продукция обрабатывающей промышленности. С другой стороны, экспорт продовольствия в Голландии, к примеру, составляет 14%, а в Новой Зеландии – 56%, сырья – соответственно 3% и 11% , энергоносителей – 10 и 5% . В Голландии 52% сервисного импорта – это компьютерные и информационные технологии, в Новой Зеландии они составляют значительно меньшую долю – 36%⁴. Но тем не менее Новая Зеландия – развитая страна с определенной специализацией, так и не изменившейся за последние 150 лет.

Будучи малой страной, она не определяет мировой экономической конъюнктуры и должна принимать ее как данность, вынуждена приспосабливаться к экономической политике крупнейших стран мира и следовать за ее перипетиями. Так, вслед за другими странами Новая Зеландия начала проводить (и сделала

это очень успешно) в середине 80-х годов «перестройку» своего народного хозяйства. Парадоксально то, что за осуществление «рыночных» реформ взялась Лейбористская партия (в Великобритании подобные реформы проводили консерваторы, в США – скорее консервативные республиканцы), которая до этого придерживалась противоположных принципов.

Что касается политики, а точнее социальной политики, то в этой сфере еще в начале XX века Новая Зеландия заслуженно открывала список наиболее демократических и социально ориентированных государств. Еще в конце XIX – начале XX века там были приняты прогрессивные законы о земле и землепользовании, трудовых отношениях, появились зачатки пенсионной системы и социальных гарантий. Государственная политика была направлена на обеспечение широкого доступа населения к начальному и среднему народному образованию, в основном бесплатному здравоохранению. По всем этим позициям Новая Зеландия в целом следовала за своей метрополией, а в чем-то даже опережала ее. Страна оставалась верна Великобритании не только в сфере экономических связей или при проведении ряда социально-экономических реформ, но и в сфере внешней политики, в том числе в самые тяжелые для метрополии времена. Так, например, в годы Первой и особенно Второй мировой войны Новая Зеландия не ограничивалась общей поддержкой Великобритании, а посылала крупные для такой небольшой страны военные силы за океан, мобилизовывала экономику в военных целях; ее населению пришлось столкнуться с неизбежными тяготами военного времени.

Говоря о политической системе Новой Зеландии, стоит также отметить ее немалые особенности. Так, например, в большинстве демократических стран парламентские выборы обычно проходят через каждые 4–5 лет, однако в Новой Зеландии еще с конца XIX века парламент полностью переизбирается каждые три года. Что касается состава парламента, то до 1951 г. он был двухпалатным, а с 1951 г. состоит только из палаты представителей. Но в отличие от Великобритании здесь никогда не было ка-

кого-либо аналога палаты лордов. В целом в стране обеспечивалась свобода слова, совести, собраний массовых организаций и деятельности политических партий, одна из которых обычно стояла у власти, тогда как другая находилась в официальной оппозиции.

Политическая жизнь Новой Зеландии вплоть до конца XX века отличалась относительной стабильностью и консервативностью. Так, в стране до сих пор нет «писаной» конституции, довольно вяло ведутся разговоры об отказе от монархии. Только в 1996 г. мажоритарная избирательная система была заменена на смешанно-пропорциональную, которая открыла доступ в парламент, помимо двух основных партий – Лейбористской и Национальной, многим другим. В результате ни одна из парламентских партий не в состоянии получить там абсолютное большинство, что до некоторой степени поколебало стабильность власти.

Изменения в экономическом положении Новой Зеландии были более разительными. Из процветающей в начале XX века страны, занимавшей по уровню подушевого дохода 3-е место, она опустилась на 24-е, пропустив впереди себя не только страны Европы и Северной Америки, но и города-государства Сингапур, особый район Гонконг и т.д. В отличие от экономических показателей далеко не просто, если вообще невозможно, дать количественную характеристику социально-экономических отношений, и особенно тому, что ныне называется развитием человеческого фактора, или, иначе говоря, человеческого потенциала. Этот показатель, помимо подушевого дохода, учитывает ожидаемую продолжительность предстоящей жизни, уровень развития и доступность образования, здравоохранения и т.д. В начале XX века в исторической и экономической литературе не существовало такого индекса. Но если проанализировать материалы того времени, то можно с достаточной уверенностью предположить, что при его расчете Новая Зеландия находилась бы в первой тройке государств. Единственное, что там было менее развито, чем в других передовых странах – это высшее образование. К концу XX века, в 1990 г., когда был разработан ин-

декс развития человеческого потенциала по странам мира, Новая Зеландия из года в год до 2010 г. располагалась не на первых трех местах, а примерно на 19-м или на 20-м⁵. Однако в дальнейшем был разработан новый метод расчета индекса развития человеческого потенциала, который впервые был опубликован в «Human Development Report» в 2011 г. Мы не будем вдаваться во все тонкости исчисления этого индекса. Поражает другое. Если по старому методу Новая Зеландия оказывалась на 19-м или 20-м месте среди стран мира, то в 2012 г. по новому методу – на 5-м месте. Конечно, с 2009 по 2010 г. никаких принципиальных изменений не произошло.

Таким образом, исходя из двух разных методик, можно сделать два противоположных вывода. Вывод первый: Новая Зеландия за последние 100 лет опускалась как по шкале общего экономического развития, так и развития человеческого потенциала. Вывод второй, возможно парадоксальный: хотя в общем экономическом отношении Новая Зеландия опустилась с 3 до 24 места, она в целом сохранила свои позиции в сфере человеческого фактора. Такая многовариантность, на наш взгляд, показывает, как много может зависеть от тех или иных методов, расчетов, компонентов статистических индексов. В этих условиях автор не считает целесообразным сделать сколько-нибудь окончательного вывода о развитии в сфере гуманитарных отношений.

И коль скоро мы затронули статистику, можно указать еще на один очевидный парадокс. Никто не сомневается, что Новая Зеландия – развитая страна, какое бы место она ни занимала по подушевому доходу. Как правило, такие страны обладают развитой статистической службой, данные которой регулярно публикуются как в национальных, так международных справочниках. В Новой Зеландии же за последние годы некоторые важные статистические показатели, опубликованные в международных ежегодниках, в том числе подушевой ВВП, рассчитанный по паритету валют, часто запаздывают. Их порой невозможно найти даже в тех ежегодниках, где опубликованы и доступны различные индикаторы по другим менее развитым странам. Излишне гово-

рять, что это затрудняет исследование важных социально-экономических процессов и тенденций.

Трудно дать однозначный ответ о поступательном или регрессивном движении в развитии человеческого фактора. А ведь здесь речь шла, пусть о меняющихся методах, но все-таки достаточно определенных показателях и расчетах. Что же сказать в свете многих противоречивых данных об изменениях в сфере таких, вряд ли вообще поддающихся общей количественной оценке процессов, как развитие демократии и формирование гражданского общества, улучшение качества жизни. Приходится признать, что и в этой сфере в Новой Зеландии, как, впрочем, и во многих странах, происходили противоречивые процессы, которые по-разному оценивались исследователями, стоявшими на далеко не одинаковых идейных позициях. Вот почему автор пытался избежать категорических суждений о реально противоречивой, а порой и разнонаправленной динамике экономической и социально-политической жизни Новой Зеландии на протяжении последних 100 лет.

Автор хотел бы подчеркнуть, что не считал целесообразным сколько-нибудь подробно затрагивать те проблемы и процессы, которые достаточно полно изучены российскими (советскими) исследователями и освещены в научной, публицистической и популярной литературе⁶. Основное внимание в работе уделено социально-экономической политике, которая кардинально изменилась, начиная с середины 80-х годов XX века.

Глава 1

НЕМНОГО ИЗ ПРОШЛОГО

Острова Новой Зеландии были открыты голландским мореплавателем Абедем Тасманом 13 декабря 1642 г. Свое нынешнее название страна получила в честь одной из провинций Нидерландов – Зеландии. Однако еще свыше 100 лет она по существу оставалась для европейцев неведомой землей и была вторично открыта капитаном Джеймсом Куком 9 октября 1769 г. Первооткрыватели застали здесь полинезийские племена, которым они впоследствии (начало XIX века) дали название «маори», что означало на местном языке «здешний», «обычный». До сих пор ведутся споры, откуда прибыли предки полинезийцев на острова Тихого океана – из Азии или Америки. Наиболее разработанной представляется «азиатская» гипотеза. Нет точных данных и о времени заселения Новой Зеландии. По археологическим находкам оно могло начаться в IX в. н.э. Много ценных исторических сведений содержится в устных преданиях маори. На основании их годом массовой колонизации Новой Зеландии принято считать 1350-й, когда, согласно легенде, семь лодок с командами, от которых ведут родословную современные маорийские племена, достигли берегов новой земли, поэтически названной ими «Длинное белое облако».

Численность маори до их контактов с европейцами определялась более чем приблизительно: оно варьируется от 100 тыс. до 500 тыс. человек. Жили маори в деревнях общинами. Существовало два типа деревень: один укрепленный, помимо естественных препятствий, частоколами, двойными рвами, земляными валами – па, где они укрывались на случай вражеского нападения; другой – каинга, располагавшиеся на открытой местности и огороженные лишь легкой изгородью. В центре такой деревни находился дом собраний, где решались общинные дела. Занима-

лись маори в основном охотой, рыболовством, собирательством, несколько позднее – земледелием. Между племенами шел интенсивный товарообмен. Частной собственности на землю они не знали. Она принадлежала всем членам общины, и работали на ней коллективно. Общины объединялись в племена, которые состояли из свободных и рабов (ими становились пленные). Среди свободных членов общины наблюдалось социальное расслоение. На высшей ступени иерархической лестницы стояли арики – родовая знать, к ней относились вожди и члены их семей, военачальники и жрецы, не принимавшие участия в коллективном труде. Ниже находился средний слой – рангатира (младшие родственники арики), еще ниже – vare, зависимые от вождей и более влиятельных членов общины. Рабов было немного, и владели ими исключительно вожди. Маорийские племена не представляли собой единого этноса и не имели начатков государственности.

Первые поселения европейцев появились в Новой Зеландии в конце XVIII века. Сюда попадали и порой оставались навсегда китобои, ловцы тюленей, торговцы, беглые матросы, ссыльные, искатели лучшей доли из разных частей света: Австралии, Америки, Европы. Следом шли миссионеры. Первая религиозная миссия была создана в Новой Зеландии капелланом английской колонии в Австралии (Новый Южный Уэльс) Самуэлем Марсденом в 1814 г. Своей главной задачей Марсден считал приобщение маори к цивилизации, в частности обучение их земледелию, что, по его мысли, способствовало бы обращению их в христианскую веру. Но распространялось христианство медленно. Первый обряд крещения состоялся лишь в 1825 г. Зато число миссионерских станций быстро увеличивалось. До провозглашения Новой Зеландии колонией Великобритании их насчитывалось примерно 30 на Северном острове, который в основном и осваивали миссионеры. Заметную роль в активизации их деятельности и ускорении процесса христианизации сыграл У. Вильямс, бывший ранее офицером английского морского флота.

Миссионеры обучали маори возделыванию сельскохозяйственных культур, ремеслам, торговле, грамоте, а также пытались

примирить враждующие племена, смягчить их воинственный нрав, боролись с каннибализмом, рабством. С помощью миссионеров была создана маорийская письменность, и с 1835 г. на ней стали публиковаться первые книги религиозного содержания. В своих мемуарах, корреспонденциях, экспедиционных материалах миссионеры оставили много ценных сведений о природе Новой Зеландии, жизни и обычаях ее коренного населения. Несмотря на то что миссионерам запрещалась мирская деятельность, они нередко приобретали у маори землю и вели с ними оживленный товарообмен.

Вначале Великобритания, потерпевшая поражение в борьбе со своими североамериканскими колониями, не торопилась расширять империю путем официального присоединения к ней Новой Зеландии. Однако усилившееся в 30-х годах соперничество с Францией и боязнь захвата ею новозеландских островов, а также интерес к ним со стороны США подтолкнули Великобританию к закреплению своего владычества. В страну был направлен капитан Уильям Гобсон (1792–1842) с целью склонить вождей маорийских племен к признанию власти английской короны.

На решение правительства оказали влияние и действия созданной в конце 30-х годов XIX века в Лондоне Новозеландской земельной компании, которая намеревалась сосредоточить в своих руках землю и планомерно управлять процессом ее освоения. Компания пыталась осуществить в Новой Зеландии принципы так называемой «систематической колонизации», разработанные английским экономистом Э. Г. Уэйкфилдом. По плану Уэйкфилда, компании следовало закупить в Новой Зеландии как можно больше земель и затем продавать их переселенцам небольшими участками по «достаточной цене» – не слишком дорогой (чтобы ее можно было купить), но и не слишком дешевой (чтобы для ее приобретения пришлось какое-то время отработать наемным рабочим). Вырученные суммы следовало использовать для доставки новой партии иммигрантов. Таким образом колония обеспечивалась бы постоянным притоком рабочей силы. Новозеландская компания без согласия правительства снарядила

экспедицию и приобрела на Северном острове 20 млн акров земли. К 1839 г. в стране было свыше тысячи британских подданных¹. 28 января 1840 г. Уильям Гобсон был назначен первым лейтенант-губернатором Новой Зеландии. В это время Новая Зеландия считалась частью австралийского владения Великобритании – Новый Южный Уэльс.

Договор о признании английского суверенитета над Новой Зеландией был заключен 6 февраля 1840 г. Он получил название Договора Вайтанги по названию реки, где происходила встреча Гобсона с маорийскими вождями. Согласно этому договору, маори добровольно передавали «ее величеству королеве Англии абсолютно и без ограничений все права и власть суверенитета». При этом королева гарантировала вождям и племенам Новой Зеландии полное исключительное и спокойное обладание своими землями, лесами, рыбными угодьями и другими владениями. Правда, туземцы уступали короне преимущественное право покупки земель, которые они захотят продать. Взамен они получали все права и привилегии английских подданных. Некоторые из племенных вождей заподозрили в соглашении какой-то обман; другие считали, что расстаются лишь с иллюзорной тенью; большинство, по-видимому, плохо понимало сущность происходящего. Кроме того, в английском и маорийском текстах договора содержались существенные разночтения. Европейцы же усматривали в подобном соглашении акт гуманизма, основу справедливого общества, в котором две расы, сильно отличающиеся по уровню цивилизации, могли мирно существовать. Более того, Договор как бы объединял их. «Отныне мы один народ», – сказал капитан Гобсон маорийским вождям². В 1841 г. Новая Зеландия была выделена в отдельную колонию Великобритании.

По существу, подписание Договора было прогрессивным моментом в истории отношений маори с колонизаторами. Маори и пакеха (европейские поселенцы) пришли к соглашению как бы за столом переговоров. Правда, маорийские вожди вряд ли полностью осознавали суть этого соглашения. Они были не подготовлены к тому, что в их стране будут находиться тысячи посе-

ленцев вместо сотни солдат и символической полиции. Суверенитет для маори был новым и незнакомым понятием. Ему не было эквивалента в их языке. Вождям было важно, что королева гарантировала им владение землей. Они согласились продавать землю только короне. Преимущественное право на покупку маорийских земель действовало в течение 22 лет.

«Иммигранты, которые прибывали с Британских островов в Новую Зеландию на первой стадии ее существования в качестве английской колонии, были тщательно отобраны. Это были люди с хорошим характером, обладавшие физической силой... Более того, среди них имелся существенный процент лиц с достаточным капиталом, могущих оплатить свой проезд в каюте и получивших некоторое образование»³. И все же, заключает автор приведенной цитаты, «было бы ошибкой считать, что в колонии даже вначале преобладали образованные и обеспеченные люди»⁴. По данным Н. А. Ерофеева – исследователя народной эмиграции из Англии (он ссылается на цифры, приведенные официальной статистикой в 1856 г.), фабричные рабочие составляли 53% всех выехавших, а вместе с рабочими мелкой кустарной и домашней промышленности – даже 73%⁵. Не исключено, что известная часть их (большинство уезжало в Соединенные Штаты Америки) прибывала в Новую Зеландию. По сравнению с Англией подавляющее число переселенцев из Шотландии были людьми малообеспеченными. Об этом свидетельствует то, что на пароходах, следующих в Новую Зеландию, они заполняли трюмы или в лучшем случае каюты третьего класса. Помощь Ново-зеландской компании при переезде до некоторой степени содействовала тому, что могли эмигрировать не только обеспеченные слои населения, но и просто рабочие, ремесленники, домашняя прислуга и лица, не имеющие определенной квалификации⁶.

Вначале маори были благосклонны к европейцам как носителям более развитой технологии и новых идей. Но европейцы не понимали мистического отношения маори к земле, их гордости за владение ею как землей предков. Поселенцам притязания маори, чьи предки частично утратили свои земли, казались ил-

люзорными. Они видели, что только незначительная часть земли обрабатывается, а участки для охоты, рыбной ловли, традиционные тропы оставались нетронутыми. Они считали, что только земли, которые действительно использовались маори для строительства, посевов, должны принадлежать коренным жителям, а остальные – перейти к короне и стать доступными для поселенцев. Таким образом, возник конфликт между пришельцами, жаждущими получить землю, и исконными жителями, стремящимися сохранить ее в своем владении.

Однако долгие годы Договор Вайтанги не имел никакого практического значения и рассматривался колониальным правительством как не имеющий юридической силы. Вопреки Договору началось безудержное присвоение европейцами исконных маорийских земель. Осуществлялось это путем обмана, приобретением земли за ничтожную плату, причем для того, чтобы маори могли продавать землю (ведь она находилась у них в общинном пользовании), были созданы специальные земельные суды, в компетенцию которых входило установление индивидуального права на землю, разбор многочисленных жалоб. Разрушался привычный уклад жизни, маори лишались средств существования. Пытаясь добиться соблюдения Договора Вайтанги, маори посылали петиции в Лондон с требованием исправить законы, противоречащие ему, однако все их попытки заканчивались неудачами. Земельная политика колонизаторов привела к жестоким и длительным войнам (1843–1872), известным в истории как маорийские.

В середине 40-х годов XIX века страну постигла первая экономическая депрессия. К этому времени отношения между маори и поселенцами обострились. Капитан Гобсон, исполнявший обязанности губернатора Новой Зеландии, заболел и умер в 1842 г. На посту генерал-губернатора его сменил Роберт Фицрой (1805–1865) – командир экспедиции на корабле «Бигль», в которой принимал участие Чарльз Дарвин. Фицрой мало что мог сделать для разрешения земельного конфликта. У короны не было средств, чтобы скупать земли (а только она имела право на это),

и Фицрой разрешил ограниченные земельные сделки между маори и поселенцами, т.е. действовал незаконно. В 1845 г. после резкой критики его правления в парламенте Великобритании он был отозван. Первые губернаторы Новой Зеландии были профессиональными военными, не искушенными в вопросах политики и управления. Они мало подходили для порученной им роли. Как отмечает историк Л. П. Савельева, «в литературе по колонизации Новой Зеландии, пожалуй, не найдется автора, который позитивно оценил бы деятельность первых двух губернаторов»⁷.

В эти критические годы губернатором колонии был назначен Дж. Грей (1812–1898)⁸. По мнению историка К. Синклера, это был один из выдающихся деятелей Новой Зеландии – «Цезарь в провинции». Он был молод, но имел уже достойный послужной список. Четыре года проучился в Ирландии. В ранге капитана оказался в Австралии, где в 1840 г. стал губернатором колонии Южная Австралия. По природе своей первопроходец, он обладал настойчивостью, инициативой и бесстрашием. Ему удалось заложить основы туземной политики. Он впервые начал изучать язык маори, их верования и предания; по-настоящему интересовался их повседневной жизнью; пользовался уважением вождей, что позволяло добиваться продажи земельных участков маори белым поселенцам. Правда, далеко не все исследователи согласны с такой трактовкой личности Дж. Грея. «Кому-то из современников, – пишет Л. П. Савельева, – Дж. Грей казался прагматичным, жестким и хитрым политиком, безжалостно расправлявшимся с аборигенами в период англо-маорийских войн»⁹.

Сумев, в отличие от Фицроя, получить от британского правительства кредит на покупку коронной земли, он затем с выгодой перепродавал ее поселенцам, пополняя тем самым казну колонии. Была скуплена почти вся земля на Южном острове и значительная часть на Северном. Много земельных участков оказалось доступными для приобретения Новозеландской компанией. Позже он стал премьер-министром, но его пребывание на этом посту историки расценивают как неудачное. Другим источником

дохода колонии стал таможенный налог на продажу сельскохозяйственных продуктов в Австралию, где в связи с открытием золотых приисков требовался дополнительный приток товаров для снабжения возросшего населения. Грей старался получить поддержку своей политике как у белых, так и у туземцев, надеясь, что, в конце концов, два народа соединятся, т.е. произойдет европеизация маори. Но и Грею не удалось разрешить земельный конфликт между маори и поселенцами мирным путем.

Свое право на землю маори отстаивали с оружием в руках, но силы были неравны. Они потерпели поражение, часть земель воюющих племен была конфискована. И все же стойкое, мужественное сопротивление маори английским войскам, превосходившим их по численности и вооружению, дало результаты. Маори удалось отстоять относительно больше своих земель и добиться сравнительно лучшего политического и экономического положения, чем многим другим колониальным народам. В процессе борьбы они осознали преимущества объединения отдельных племен и создали свое независимое образование «Страну короля», ее автономию были вынуждены признать английские власти. За пределами этой страны маори также добились формально равного с белыми поселенцами права перед законом, представительства, правда, ограниченного (4 места), в новозеландском парламенте.

Иммигранты, прибывавшие в страну, были люди, обладавшие физической силой и стойкостью духа. Многим хотелось стать сельскими жителями, и Новая Зеландия с ее благодатной природой представлялась им землей обетованной. Вследствие целого ряда топографических и климатических условий, а также удаленности от крупных рынков сбыта и трудностей с транспортом наиболее выгодным занятием здесь оказалось овцеводство. Планы Э. Уэйкфилда создать в колонии в основном сельскохозяйственные поселения оказались несбыточными. Овцеводство в отличие от земледелия требовало больших площадей и небольшого числа рабочих рук. Прибывшим в Новую Зеландию с капиталом, а таких было много (доля предпринимателей среди иммигрантов

составляла в 1844 г. 100%, 1845 – 42,8%, 1846 – 96%), удалось приобрести огромные участки земли, на которых овцы (не надо было даже тратить на специальные зимние постройки) могли круглый год пастись под минимальным присмотром.

Разбросанные вдали друг от друга скотоводческие фермы, да и их хозяева, мало походили на предполагаемый Уэйкфилдом образ компактного земледельческого поселения, по модели лучших английских графств с фермерами-джентльменами. Новозеландский хозяин скотоводческой фермы трудился от зари до зари, жил в хижине, вел полуголодное существование и нанимал пропорционально площади, которой владел, крайне малое число работников. Земледелием занимались менее состоятельные колонисты из числа иммигрантов, бывших на родине сельскохозяйственными рабочими или разнорабочими. С одной стороны, оно требовало больших усилий по расчистке участка, с другой – вследствие трудностей со сбытом продукции было менее прибыльным и имело в основном самообеспечивающий характер. Поселенцы могли, если им это было нужно, покупать или выменивать товары у маори, которые вплоть до 60-х годов XIX века производили большую часть продуктов питания, потребляемых в Новой Зеландии или экспортируемых в Австралию. Типичной для небогатого европейца была небольшая (в несколько акров) ферма, обрабатываемая хозяином с помощью членов своей семьи и специализирующаяся на производстве молочных продуктов, фруктов и овощей. Таким образом в Новой Зеландии сосуществовали огромные по размеру овцеводческие хозяйства и маленькие семейные фермы. Развитие сельского хозяйства тормозил абсентеизм, то есть отсутствие на приобретенном участке фактического хозяина. Необработанная земля, подчас купленная заочно, удорожала проведение работ в соседних хозяйствах, мешала прокладке дорог, рытью каналов и т.д.

Земельная политика правительства была крайне непоследовательной. Сменивший Гобсона на посту губернатора колонии Фицрой фактически отменил исключительное право короны на покупку земли у маори. Следующий губернатор Дж. Грей был

против этой отмены. У него были две основные задачи: цивилизовать маори и открыть путь к процветанию мелким фермерам. Он провел в 1853 г. земельную реформу, в результате которой цена на землю оказалась значительно снижена. Цель этой реформы заключалась в том, чтобы способствовать появлению слоя мелких собственников, владельцев небольших доступных им по цене участков земли. Однако, не ограничивая размеры земли, которая могла быть приобретена одним лицом, Грей, напротив, способствовал формированию крупных хозяйств. Он также ввел 14-летнюю аренду для скотоводов.

В период правления Грея началась активная борьба белых поселенцев за самоуправление. Грей был против его скорого предоставления, так как считал несправедливым, чтобы горстка европейцев управляла значительно превосходившими их по численности маори. Но, опасаясь растущего недовольства, которое могло бы привести к вооруженным столкновениям (как это случилось в Канаде в 1837–1838 гг., памятуя о Войне за независимость США), требование поселенцев поддерживали правящие круги Великобритании. В январе 1846 г., став министром по делам колоний, У. Е. Гладстон начал политику незамедлительного предоставления колонии самоуправления. Будучи в основном выходцами из Британии, поселенцы в своих представлениях об институтах власти следовали за метрополией, которая была для того времени демократическим государством. На их воззрения оказало влияние и чартистское движение, получившее распространение в Великобритании в 30-х годах XIX века¹⁰.

Первый Конституционный акт Новой Зеландии, прошедший через английский парламент в 1846 г., разделил в 1847 г. страну на две провинции: Новый Ольстер – на Севере и Новый Манстер – на Юге. Управление в провинциях должно было основываться на избранных населением муниципальных организациях, которые подчинялись бы местному парламенту, состоящему из губернатора и двух палат – палаты представителей и законодательного совета¹¹. С созданием представительного правительства центральная власть имела бы единый законодательный орган –

Генеральную Ассамблею, также состоящую из палаты представителей и законодательного совета. Во главе колонии оставался губернатор. Однако введение Конституционного акта было отложено на пять лет, и переселенцы обвиняли в этом Грея. Он предполагал ввести акт не откладывая в Манстере, а в Ольстере подождать, поскольку на Севере наблюдались земельные распри между европейцами и маори. Грей стремился к абсолютной власти, которая позволила бы ему лично уладить расовые конфликты, а также провести земельную реформу «в интересах маленького человека».

Для борьбы за самоуправление жители городов Веллингтона и Нельсона создали Ассоциацию содействия конституции. Ее поддерживало Общество колониальных реформ в Лондоне, которое посылало свои петиции в британский парламент. В Окленде общественное движение разделилось на сторонников и противников Грея. В 1848–1852 гг. будущий Конституционный акт широко обсуждался в стране. Свои предложения, помимо Грея и Ассоциации по содействию конституции, вносили чиновники британского Министерства колоний, Э. Уэйкфилд и другие. Но во многом Акт, который опирался на демократические принципы и был более прогрессивным, чем конституции, действующие в других английских колониях, был все же творением Грея.

Окончательно Конституционный акт, даровавший Новой Зеландии самоуправление, был принят английским парламентом в 1852 г. Разделенная с 1847 г. на две административные области, колония превратилась в федерацию, объединившую шесть провинций, которые образовались из первых поселений: Окленд, Нью-Плимут (позднее переименована в Таранаки), Веллингтон – на Северном острове; Нельсон, Кентерберри, Отаго – на Южном, позднее их число выросло до десяти. Каждая провинция управлялась суперинтендантом и провинциальным советом, выбранными на 4 года. Члены совета пожизненно назначались губернатором. Провинциальная власть занималась распределением и продажей коронных земель, регулированием иммиграции, во-

просами народного образования и здравоохранения, охраной общественного порядка, строительством дорог, мостов и т.д.

Как и предполагалось ранее, в колонии создавалась Генеральная Ассамблея, состоявшая из двух палат. Выборной была только палата представителей, члены которой в составе от 24 до 42 избирались сроком на пять лет. В законодательный совет 10–20 членов назначались губернатором. (Со временем число членов обеих палат увеличилось.) Избирательным правом пользовался каждый мужчина, достигший 21 года, чей имущественный ценз отвечал определенным требованиям; причем он имел права голоса во всех округах, где владел собственностью, т.е. действовал так называемый «плюральный вотум». Благодаря ему крупные собственники пользовались политическими преимуществами. Ограничение избирательных прав имущественным цензом приводило к тому, что только состоятельная часть общества могла принимать участие в политической жизни страны. На маори, как уже отмечалось выше, избирательные права полностью не распространялись: они голосовали в своих специальных округах и могли претендовать только на четыре места в палате представителей. Политика в отношении коренного населения оставалась непосредственно в ведении губернатора до 1864 г.

Конституционный акт 1852 г. не устанавливал системы «ответственного» правительства. Никаких изменений не претерпел исполнительный совет, его полномочия не были ограничены законодательством, и отношения между губернатором с его исполнительным советом, который был при губернаторе как бы совещательным органом, и Генеральной Ассамблеей оставались неясными, что послужило причиной многих политических конфликтов в 1854–1856 гг. Но главные принципы представительной системы – выборность и коллегиальность были воплощены в жизнь. Колония получила право на нормоустанавливающую деятельность. Отныне Генеральная Ассамблея Новой Зеландии могла принимать акты, не противоречащие законам Британии, хотя окончательное решение по всем важным вопросам оставалось за

Лондоном. Внешняя политика также была прерогативой британского парламента.

Первая сессия Генеральной Ассамблеи открылась 27 марта 1854 г., после отъезда в конце 1853 г. Грея из Новой Зеландии. На ней сразу же встал вопрос о создании «ответственного» правительства. Первое такое правительство, созданное по английскому образцу в 1856 г. во главе с Генри Сьюэллом (1807–1879), просуществовало недолго. Стабильный кабинет (1856–1861) удалось сформировать только Э. Стаффорду (1819–1901). С тех пор в Новой Зеландии действовало конституционное соглашение, по которому губернатор при принятии решений придерживался мнений, высказанных министрами. Министры (начиная с первого правительства 1856 г.) должны были быть членами парламента и нести перед ним ответственность. В спорных вопросах, касающихся прерогатив королевы и имперских интересов, губернатор обращался за советом и помощью к Лондону. В 1857 г. был принят закон, согласно которому поселенцы могли изменить, если потребуется, свою конституцию.

Вначале верхняя и нижняя палаты Генеральной Ассамблеи были близки как по функциям, так и по своему составу. Основная законодательная роль отводилась палате представителей. Ее функции определялись Актом о парламентских привилегиях 1865 г. и включали работу над законами, контроль над правительственной администрацией, рассмотрение петиций. Работа в законодательном совете сводилась к пересмотру законодательства, зачастую по желанию правительства. Социальный состав обеих палат был более или менее однороден и состоял из фермеров и крупных скотоводов. Конечно, были и исключения, но в основном до начала 1890-х в составе палат не было представителей рабочих и низших слоев среднего класса. Наблюдалась прямая зависимость между размерами земельной собственности, которой владел поселенец, и его политическим влиянием. Члены палат нередко переходили из одной в другую: активные политики из совета выбирались в нижнюю, а постаревшие, утратившие энергию, отправлялись в верхнюю. В 1850–1860-е годы в парла-

менте существовали две достаточно аморфные группы: «централисты», то есть сторонники унитарного государства, и «провинциалисты», ратующие за федеративное устройство.

Север и Юг страны развивались неравномерно. Вначале лидирующей была сельскохозяйственная провинция Окленд, расположенная на Северном острове. Она опережала другие по темпу роста населения, торговли, промышленности. До 1865 г. город Окленд был столицей новозеландского государства. В дальнейшем маорийские войны привели к стагнации Севера, нанесли его хозяйству значительный урон. Содержание войск требовало денег и отягощало финансовое положение северных провинций; дефицит их бюджета покрывался центральным правительством за счет южных. И лишь с установлением мира в Уаикато, получении военной компенсации, а также открытием месторождения золота на полуострове Коромандель в 1868 г. положение на Севере стало улучшаться.

С середины и до конца XIX века ведущее место в экономике страны занимал Южный остров, особенно провинции Кентерберри и Отаго, природные условия которых благоприятствовали разведению овец. В 60-е годы овцеводство было доминирующей отраслью экономики. Хозяева овцеводческих ферм имели больше экономического и политического влияния, чем другие группы населения, занимавшиеся сельским хозяйством. В то время даже бытовала поговорка: «В Кентерберри овцы были политиками и политики были овцами»¹². Шерсть находила сбыт в развивающейся промышленности метрополии и в отличие от других продуктов могла выдерживать длительные морские перевозки.

Толчком к развитию земледелия в Новой Зеландии послужила золотая лихорадка. В провинциях Нельсон, Отаго, Окленд в 1857 и 1867 гг. было обнаружено золото. Золотой бум вызвал приток иммигрантов в страну. К 1861 г. европейское население колонии достигло 99 тыс. человек, а к 1871 г. — уже 256,3 тыс.¹³ Это повлекло за собой повышение спроса и цен на продукты питания, в первую очередь зерно и муку, и таким образом стимулировало развитие земледелия и производство пшеницы. В этот

период золото, наряду с шерстью, являлось основной статьей новозеландского экспорта. Власти, особенно в Кентерберри и Отаго, накопили большие средства и могли вкладывать их в развитие своих территорий. Кроме того, быстрое истощение золотых запасов приводило к переливу рабочей силы из горнодобывающей промышленности в другие отрасли, в частности в сельское хозяйство.

Золотые лихорадки в Новой Зеландии были непродолжительными, но они оказали заметное влияние на развитие Южного острова. Основную выгоду от золотого бума получили не столько золотодобытчики, сколько фермеры благодаря повышению спроса на продовольствие, банкиры, скупавшие золото, агенты по продаже земли, стоимость которой возросла. В результате европейское население в 60-х годах XIX века выросло на Южном острове с 50 тыс. до 159 тыс., тогда как на Северном – с 42 тыс. до 97 тыс.¹⁴ Однако сепаратизм наблюдался не столько по линии Север – Юг, сколько в соперничестве между провинциями, население которых имело специфические черты, перенесенные с прежней родины: свои традиции, религии, устои, понятия и даже, насколько это было возможно в новых примитивных условиях, стиль жизни. Золотая лихорадка принесла процветание провинции Отаго, западному побережью, но в целом по стране экономический рост был медленным, и в конце 1860-х годов началась стагнация, связанная с падением цен на продукты новозеландского экспорта. Многие овцеводы оказались в долгах. Из 100 обследованных в тот период хозяйств 70 были проданы или заложены¹⁵. Провинции не имели достаточно средств для дальнейшего развития и привлечения новых иммигрантов.

В 1870-е годы значительную роль в истории Новой Зеландии сыграл сначала ее казначей (1869), а затем премьер-министр Джулиус Фогель (1835–1899), который стремился создать общий колониальный рынок посредством развития инфраструктуры. Он хотел связать в единый узел интересы Великобритании и Новой Зеландии. Процветание колонии, считал он, должно базироваться на английских займах. Предложенная им схема развития стра-

ны содержала три основных направления, зафиксированные в законопроектах об общественных работах, иммиграции и займах, строительстве железных дорог. Экономического прогресса, притока британских капиталов было легче добиться в условиях унитарного государства и сильной центральной власти. Именно при Фогеле, в 1876 г., самоуправление в провинциях было упразднено и все законодательные и исполнительные функции перешли к единым колониальным органам. Страна была разделена на графства, управляемые выборными советами, занимающимися чисто административными делами.

Федеральное устройство просуществовало свыше 20 лет. Целесообразность его во многом обуславливалась изолированностью колоний, отсутствием дорог. Связи между провинциями и центральной администрацией были затруднены и эпизодичны. До 1865 г. в стране не было судоходства. В 1860–1870-е годы сепаратистские настроения были довольно сильны, нередко возникали конфликты между представителями центрального и местных правительств, что вызывало беспокойство не только у колониальной администрации, но и у правительства метрополии. Кроме того, обособленность и соперничество провинций мешали экономическому развитию Новой Зеландии, которая и так имела весьма ограниченные ресурсы.

В 1879 г. была проведена избирательная реформа. Срок действия палаты представителей сокращен с 5 до 3 лет; в законодательный совет назначались уже не пожизненно, а на 7 лет. Фактически был отменен имущественный ценз, а также принят закон, по которому представительство в парламенте определялось исходя из числа жителей каждой провинции, а не как прежде – на основе численности избирателей. При этом сельскому населению, дабы в парламенте не возобладали депутаты от городов, где концентрировалась основная масса белых поселенцев, предоставлялась дополнительная квота: численность сельских жителей в округах превышалась на 25, а позже – на 29%. Ее добились сильная в то время сельская буржуазия. Квота эта в нарушение всех демократических принципов сохранялась до 1945 г.

С повышением уровня жизни, отменой имущественного ценза все большее число жителей участвует в выборах. Так, в 1879 г. голосовало лишь 53% лиц, внесенных в списки, в 1877 г. – уже 64%¹⁶. Члены палат стали получать вознаграждение, правда, небольшое за свою работу. Все это способствовало демократизации парламента. В палате представителей появились люди из различных социальных слоев. Формирование кабинета было прерогативой парламента. За 1856–1891 гг. сменилось 25 кабинетов: 12 из них просуществовали менее года и 7 – менее трех месяцев. Заседавшие в парламенте группы имели столь разные взгляды, что правительство не могло рассчитывать на твердую поддержку легислатуры. Еще не сформировались партии, могущие влиять на управление государством, хотя поляризация интересов земельной олигархии и городской буржуазии была очевидной. Постепенно выделилось два идеологических течения: либеральное (левое) и консервативное (правое). Политическая система колонии на ранних этапах становления создавалась и развивалась, что вполне естественно, по английскому образцу.

Премьер-министр Дж. Фогель заложил основу политики внешних займов, которая впоследствии приобретала все большие масштабы. За десятилетие было взято в долг, главным образом у Великобритании, 20 млн ф. До трети всех государственных расходов направлялось на строительство дорог, мостов. Протяженность железных дорог увеличилась с 234 км в 1873 г. до 1840 км в 1889 г.; было проведено до 6,5 тыс. км телеграфных линий¹⁷. Фогеля называют «отцом государственного предпринимательства». При нем началось все усиливающееся в дальнейшем государственное вмешательство в экономическую и социальную жизнь граждан. Государство брало займы, контролировало банки и организовывало общественные работы. Были созданы системы социального страхования. В 1876–1877 гг. оформились государственные департаменты по делам иммиграции, общественных работ, просвещения. Число государственных служащих достигло 5,5 тыс. человек. Стремясь увеличить белое население колонии, новозеландское правительство стало субси-

дировать иммиграцию, в результате в 1881 г. уже насчитывалось около 490 тыс. поселенцев¹⁸.

Однако хозяйство страны развивалось недостаточно интенсивно, чтобы справиться с таким притоком населения. В итоге появились безработные. Пытаясь оживить экономику за счет займов, страна попадала во все бóльшую зависимость от Великобритании. Чтобы погасить займы и проценты по ним, надо было расширять производство экспортных товаров.

Годы 1878–1895 называли в прошлом годами долгой депрессии. Основной причиной начавшейся в Новой Зеландии стагнации явилась ее зависимость от мирового хозяйства, главным образом метрополии. Со своей огромной задолженностью, остро реагирующая на падение цен на шерсть и сельскохозяйственную продукцию (а они падали вследствие конкуренции со стороны США и России), Новая Зеландия попала в тяжелое положение. Экспортные товары не находили достаточного сбыта у переживавшей спад промышленности Великобритании и ее беднеющего населения. Кризис поразил финансовую систему Новой Зеландии. В 1879–1888 гг. наблюдалось самое большое на протяжении XIX века число банкротств. Долг центрального и местного правительств достиг 40 млн. ф. ст.

Колония оказалась не в состоянии поглотить и обеспечить работой прибывших во времена «фогельского» бума иммигрантов. В 1892 г. было приостановлено субсидирование иммиграции. В ухудшающихся экономических условиях новозеландский парламент принял в 1881 г. закон о введении ограничений для въезда в страну китайцев, положивший начало политике «белой» Новой Зеландии. В 1889 г. был принят еще один закон об ограничении иммиграции в Новую Зеландию всех выходцев из Азии. Низкая заработная плата, безработица, обнищание вынуждали многих англо-новозеландцев покидать страну. В 1885–1891 гг. эмигрировало более 20 тыс. человек, главным образом в Австралию.

Усилилось социальное напряжение, обострилась политическая борьба между городской и сельской буржуазией. Набирало

силу рабочее движение. В 1885 г. в Данидине была проведена первая большая конференция профессиональных союзов, которые стали возникать в колонии в 40-х годах XIX века. Вначале маленькие, разрозненные, организованные по цеховому принципу и созданные по английской модели, они к 1880-м годам приобрели известное влияние. Наиболее крупными рабочими организациями, насчитывающими тысячи членов, оказались профсоюзы железнодорожников и моряков. В 1889 г. профсоюз моряков объединился с союзами докеров и шахтеров, создав крупную организацию Морской совет, поддержавшую в 1890 г. забастовочную борьбу австралийских коллег. Однако стачки 1889–1890 гг. были жестоко подавлены правительством. Профсоюзы решили вести политическую борьбу через парламент и в 1890 г. провели туда 21 депутата из рабочих.

Большое значение для последующего развития Новой Зеландии стало изобретение и внедрение в стране холодильных установок. В 1882 г. судно-рефрижератор с мороженой бараниной отбыло к берегам Англии. Отныне Новая Зеландия могла экспортировать в Европу скоропортящиеся мясо-молочные продукты. Были созданы компании по продаже мороженого мяса «Нью Зиленд Рефрижерейтинг», «Кентербери Фрозенмит», «Гирмин». Однако вначале новое производство развивалось медленно. Оно требовало значительных капиталовложений, а это было трудно сделать в условиях депрессии. Низкие цены на мясо не поощряли производителей, и корабли часто уходили полупустыми, так как владельцы их в свою очередь отказывались снижать стоимость перевозок и тем самым уменьшали возможную прибыль фермеров. В конечном счете все упиралось в спрос населения Великобритании. К 1890 г. холодильная промышленность насчитывала 43 предприятия. Мороженое мясо вытеснило золото в качестве второй по значению (после шерсти) статьи новозеландского экспорта.

Организация холодильной промышленности стала важнейшим фактором, благодаря которому страна смогла выйти из длительного экономического застоя и дала толчок дальнейшему раз-

виту сельского хозяйства. В различных частях Новой Зеландии появились мясохладобойни, маслобойни и сыроваренные заводы. В 1896 г. было 276 тыс. молочных коров и 176 фабрик, производивших в год 5100 т масла и 4300 т сыра. Экспорт мяса приносил стране 1300 тыс. ф., масла – 300 тыс.¹⁹ Благоприятные условия для развития экспортного и откормочного животноводства обусловили ведущее положение Северного острова в экономике страны, которое он начинает занимать с конца XIX века. Войны с маори закончились и не мешали больше дальнейшей колонизации острова. Дабы возместить военные расходы, правительство конфисковало часть маорийских земель. Многие племена были оттеснены в малопродуктивные районы и изолированы друг от друга. Общинное владение землей было заменено частным. Земельным судам надлежало определить индивидуального хозяина. Судебные разбирательства длились годами и подчас не доводились до конца. Передачей земельных наделов в частные руки правительство стремилось устранить препятствия для их продажи поселенцам. В результате к 1892 г. менее одной шестой части земли оставалось во владении маори, причем четверть ее арендовали европейцы. Маори вымирали. К 1896 г. их насчитывалось только 42 тысячи.

Борьба маори за свои права нашла выражение в деятельности маорийского парламента (1892–1902), законопроекты которого, нацеленные на национальную автономию и уравнивание в правах с белыми, долгое время терпели неудачу, так как отклонялись новозеландским парламентом. В ответ маорийский парламент призвал соплеменников игнорировать земельные суды, прекратить продажу и сдачу земли европейцам. В начале 90-х годов группа молодых маори – выпускников колледжа Те Ауте создала ассоциацию для улучшения условий жизни маорийского народа. Впоследствии она стала фундаментом для создания организации, получившей название Младомаорийской партии, основная цель которой заключалась в помощи маори наладить собственное рентабельное хозяйство на сохранившихся у них землях. Младомаорийское движение стало реальной политической

силой. Партия выдвигала на отведенные маори четыре места в парламенте своих депутатов, которые защищали интересы маорийского народа.

В период затяжной депрессии разгорелась борьба между мелкими и средними фермерами, производящими молочную продукцию, и крупными овцеводами – скваттерами. Окончательно размежевавшиеся консервативное и либеральное течения оформились в партии, выражающие интересы противоборствующих сторон. Лейбористы примыкали к либералам, образуя с ними Либерально-лейбористскую федерацию. Долголетняя борьба между консерваторами и либералами окончилась в 1890 г. победой последних. Программу Либеральной партии, выражающей интересы мелких и средних фермеров, поддерживали профсоюзы, городской люд, безработные. В ее парламентскую фракцию вошли шесть депутатов, представляющих Рабочую партию (будущую Лейбористскую). В правительстве было всего шесть человек: Джон Баланс (премьер), министры Ричард Седдон, Роберт Стаут, Джон Маккензи, Джозеф Уорд и Уильям Ривз. В 1893 г. Джон Баланс внезапно заболел и умер. Кабинет возглавил Джон Седдон. Роберт Стаут после борьбы с Седдоном за премьерство ушел в отставку. В результате необыкновенные по своему масштабу и демократизму реформы, начатые Либеральной партией в 1890 г., продолжили четыре необычайно ярких и талантливых человека. Все они были по духу социалистами, стремившимися сделать из Новой Зеландии справедливое государство.

Отсутствие пережитков феодальной системы, а также активность профсоюзов способствовали сравнительно легкому превращению в жизнь реформ, проводимых Либеральной партией. Наиболее болезненным, требовавшим безотлагательного решения, был аграрный вопрос. В стране наблюдалось крайне неравномерное распределение земельной собственности. В 1891 г. европейские поселенцы занимали около 20 млн акров земли (7 млн из них арендовали), причем 95% белых владели каждый менее 1000 акрами (28% всей земельной собственности); более поло-

вины земельной площади принадлежало 584 лицам²⁰. Концентрация собственности в руках земельной олигархии мешала развитию мелких фермерских хозяйств, усиливала скопление населения в городах, обуславливала рост армии наемного труда и одновременно число безработных.

В 1892 г. либеральное правительство приняло закон, призванный уменьшить концентрацию земли в частном владении и способствовать увеличению класса мелких земельных собственников. По этому закону государство получало право закупать (а с 1894 г. принудительно отчуждать) землю у крупных собственников и, поделив ее на небольшие участки, затем перепродавать или сдавать арендаторам. Размеры приобретаемых участков строго ограничивались 640 акрами земли первого сорта, 2000 – второго, 5000 – третьего. Лица, стесненные в средствах, могли объединяться и сообща покупать землю в частную собственность. Вводился прогрессивный поземельный налог. Чтобы стимулировать фермеров, государство обеспечивало их денежными ссудами, кредитами, удобрениями, техникой, инвентарем.

Закон 1892 г. позволил правительству, с одной стороны, получить дополнительные финансовые средства, с другой – дать работу на земле городским люмпенам и малообеспеченным слоям. Правительство также скупало земли у маори (с 1892 по 1900 г. у них было приобретено 2729 тыс. акров), но действие земельного закона на них не распространялось. Однако этот закон, стимулировавший спрос на рабочую силу в сельской местности, помог маори найти способ выживания – работать батраками на фермах европейцев. Таким образом они обрели хоть какой-то способ существования.

Другой важной сферой, где Либеральная партия претворила в жизнь прогрессивные законы, была сфера наемного (фабричного) труда. В стране развивалась обрабатывающая промышленность (с 1867 г. по 1891 г. число предприятий выросло более чем в 7 раз – с 348 до 2570, а число занятых в 10 раз – с 2865 до 29 880)²¹, которая имела три основных направления. Первое –

работала на экспорт (главным образом переработка сельскохозяйственной и лесной продукции); второе – использовала местное сырье для производства товаров на внутренний рынок; третье – производила окончательную обработку, сборку импортных изделий. В колонии строились шоссейные и железные дороги, прокладывались электрические и телеграфные линии, росло число занятых на транспорте, в сфере торговли, обслуживания. В 1891 г. в фабричной промышленности было занято до 11% самодеятельного населения, в ремесленном производстве – 7%, на транспорте – 13, в торговле и обслуживании – 26%²². В том же году был создан департамент труда, который стал заниматься проблемами безработицы. Правительство разработало 40 законов о труде, регулирующих его продолжительность, касающихся техники безопасности, санитарных условий, компенсации при несчастных случаях и т.д. Но главные положения новозеландского фабричного законодательства были утверждены в 1894 г. и дополнены в 1896 г. Фабричный акт 1894 г. гарантировал регулярную инспекцию предприятий, определял условия труда мужчин, женщин и подростков, сокращал в большинстве отраслей продолжительность рабочей недели до 48 часов. Акт о работе магазинов и учреждений регламентировал труд служащих. Специальные постановления касались санитарных условий, нарушения закона карались штрафами.

В 1894 г. парламентом был принят Закон об индустриальном примирении и арбитраже. Автором его был Уильям Пембер Ривз (1857–1932 гг.) – один из видных государственных деятелей Новой Зеландии. Блестяще образованный, он обладал разнообразными талантами: наряду с политическими сочинениями писал стихи и поэмы, которые пользовались в то время популярностью и оставили заметный след в новозеландской художественной литературе. Перу Ривза принадлежат фундаментальные исследования по истории Новой Зеландии: «Длинное белое облако» (1898) и «Государственное экспериментирование в Австралии и Новой Зеландии» (1902). Историк, журналист, поэт, министр труда, У. Ривз в своей политической деятельности был сторонником

фабианства, стремился эволюционным путем, посредством реформ, преобразовать капитализм в социализм. С 1887 г. он член новозеландского парламента. В 1891–1896 гг. совмещал посты министра образования, юстиции и труда. Главные принципы его знаменитого закона, на которых строились отношения между хозяевами и наемными работниками, просуществовали около ста лет. Закон был нацелен на сглаживание противоречий в интересах труда и капитала, разрешение их мирным путем. Арбитражная система получила в Новой Зеландии широкое распространение и вызвала быстрый рост числа профсоюзов, так как только официально зарегистрированные организации подпадали под ее действие.

Во время длительной депрессии стала очевидной социальная незащищенность определенных групп населения. И стремясь улучшить положение в этой сфере, либералы заложили основы самого прогрессивного для того времени законодательства о социальном обеспечении. В 1896 г. в парламент был внесен законопроект о пенсии престарелым. Он вызвал резкое противодействие и не был принят ни в 1896 г., ни в 1897 г. Но все же во многом благодаря влиянию и искусной дипломатии премьер-министра Ричарда Седдона стал в ноябре 1898 г. законом, установившим пенсии по старости для лиц, достигших 65 лет и проживших в стране не менее 25 лет²³.

При либералах была демократизирована избирательная система, реализован принцип один человек – один голос. Благодаря усилиям новозеландских премьер-министров Джона Баланса и Роберта Стаута право избирать в парламент и быть избранным туда было распространено и на женщин. Новая Зеландия оказалась первой страной в мире, предоставившей женщинам такое право в 1893 г. Раньше, чем в метрополии, в Новой Зеландии было введено (1887) бесплатное, обязательное начальное образование. Эти и многие другие законодательные акты, претворенные в жизнь страны в конце XIX века, обусловили признание ее мировым лидером в сфере социальных экспериментов, «социально-политической лабораторией».

Глава 2

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Новая Зеландия во многом благодаря курсу социальных реформ, проводимому в конце XIX столетия Либеральной партией, вступила в XX век как страна, стяжавшая славу «передовой демократии мира». Была демократизирована избирательная система: отменен имущественный ценз, право избирать и быть избранными было распространено на женщин, претворен в жизнь принцип один человек – один голос. Коренное население страны – маори могли избирать в парламент четырех представителей от своих маорийских округов. Кроме того, была проведена кардинальная земельная реформа, способствующая уменьшению концентрации земли в частном владении и одновременно увеличению класса мелких собственников. В 1903 г. из всех земельных угодий, составляющих 66 861 тыс. акров, 23 858 тыс. было продано в частные руки, а 16 649 тыс. – сдано в аренду, причем более чем половина ферм (36 935 из 65 035) приходилась на владения, размер которых не превышал 100 акров¹.

Государство получило право выкупать и даже отчуждать землю у крупных собственников и, поделив ее на небольшие участки, затем перепродавать или сдавать арендаторам, причем в этой области, как и в ряде других, например финансах, оно стремилось сохранить собственность в своих руках, предпочитая продаже земли сдачу ее в вечную аренду. Парламентом был выработан прогрессивный земельный налог, в соответствии с которым люди, не живущие на своей земле, платили налог на 20% больше. В результате уменьшилось число крупных хозяйств и

выросло – средних. Так, если в 1892 г. под крупными хозяйствами было занято 7,8 млн акров, то в 1910 г. – 3,5 млн; средние хозяйства (от 200 до 1000 акров) составляли в 1891 г. 20,6%, а в 1911 г. – 25%².

Идея абсолютной свободы, вначале исповедуемая представителями либерального течения, была вытеснена более утилитарной: признанием необходимости частичного государственного контроля над правильным осуществлением права собственности. Государство отныне – самый крупный землевладелец и получатель ренты, собственник почти всех железных дорог, телефонных и телеграфных линий. Государственная служба страхования жизни владела в 1907 г. примерно третью всех страховых полисов. Государству принадлежали экспериментальные овцеводческие фермы, скотобойни; оно ведало складированием, сортировкой, упаковкой грузов; осуществляло медицинский контроль над обработкой и передвижением сельскохозяйственной продукции. Под его контролем находилась созданная в 1891 г. строительная корпорация, с помощью специальных служб оно проводило иммиграционную политику, привлекало в страну богатых туристов и т.д. Государство управляло системой страхования, поддерживало и контролировало больницы, дома для престарелых и психически неполноценных, бесплатно обучало большинство детей. Возникло 12 новых департаментов, в том числе труда, сельского хозяйства, образования. Правительство взяло под свой контроль банк, учредило комиссию по установлению импортных тарифов для защиты местной промышленности от иностранной конкуренции. В 1901 г. была создана государственная угольная компания, на ее шахтах добывалось до 1/8 ежегодной добычи угля в стране; в 1903 г. образовалась государственная компания по страхованию от пожаров, одержавшая победу в конкурентной борьбе с частными организациями. Росло

число государственных служащих, усиливалась бюрократия. Все эти начинания по созданию крупного государственного сектора, по справедливому мнению исследователя Р. Хатчисона, должны были предотвратить рост сильных независимых, заинтересованных в лоббировании своих интересов групп, которые со временем, как это случилось в США, могли бы контролировать политику.

В стране воцарился, правда, ненадолго, классовый мир. Конфликты между трудом и капиталом смягчались с помощью Закона о производственном примирении и арбитраже, решения которого имели юридическую силу. Автор закона Уильям. Ривз констатировал, что благодаря этому закону было зарегистрировано в 1902 г. около 75 предпринимательских и 250 рабочих организаций, тогда как в 1883 г. последних насчитывалось только 37, а к 1906 г. будет уже 274³. Зачинателями этих соглашений между хозяевами и наемными работниками были производители обуви. В 1902 г. таких соглашений существовало уже более 200.

Арбитражная система получила в Новой Зеландии широкое распространение и способствовала быстрому росту числа профсоюзов, так как только официально зарегистрированные организации подпадали под ее действие. К 1907 г. насчитывалось 290 зарегистрированных профсоюзов, охватывающих 45 614 человек; однако половина этих организаций имела менее 15 членов.

Прогрессивное земельное законодательство вначале не распространялось на маори (хотя косвенно помогло им найти источник существования). Младомаорийская партия требовала от правительства уравнивания прав коренных жителей и поселенцев в сфере землевладения, и в 1906 г. маорийские комитеты самоуправления получили право закладывать землю государству, а в 1912 г. — и частным лицам. Был создан банк, предоставлявший ссуды маорийским фермерам. Так постепенно прогрессивное земельное законодательство Новой Зеландии распространялось и

на коренных жителей, включавшихся, несмотря на все трудности, в капиталистическое хозяйство. В результате улучшения условий их жизни приостановилось сокращение маорийского населения.

Высоко оценивали демократические законы Новой Зеландии, особенно в сфере землевладения и трудовых отношений, русские исследователи, пытавшиеся определить в период первой русской революции 1905 г. путь, по которому должна пойти Россия. В частности, один из них, М. Таганский, справедливо указывал, что трудовое законодательство Новой Зеландии «имеет своей целью ограничение социальной мощи крупного капитала и нацелено на то, чтобы не допустить обострения классовых противоречий, классового обособления пролетариата»⁴. В результате, как подчеркивал другой исследователь Н. Чумаков, «рабочие в Новой Зеландии добились весьма и весьма многого, о чем рабочие в других странах еще только мечтают... в Новой Зеландии правительство исполняет волю народа и правит так, как хочет народ»⁵. «Правительство Новой Зеландии, будучи истинно народным, – писал Н. Кабанов, – действительно заботится о том, чтобы земля была в руках народа, а не отдельных богачей»⁶. Новая Зеландия, констатировал В. Байков, «является одной из немногих стран, где благосостояние широких масс рабочего населения не только не ухудшается, но постоянно увеличивается; достигнуто это почти исключительно земельным законодательством – главным образом установлением прогрессивно увеличивающегося земельного налога»⁷.

Годы процветания (1895–1914)

Быстро увеличивалось за счет естественного прироста, а также непрекращающегося потока иммигрантов европейское население. Росло и развивалось промышленное и сельскохозяйственное производство, коммерция, торговля.

Таблица 1

Отраслевая структура товарного производства, %

<i>Отрасли \ Годы</i>	<i>1900</i>	<i>1905</i>	<i>1910</i>	<i>1915</i>
Земледелие	12,0	9,3	7,5	10,5
Пастбищное животноводство	35,6	36,0	38,6	43,2
Молочное хозяйство	10,9	11,7	14,0	16,0
Горнодобывающая промышленность	8,5	9,1	8,6	6,6
Лесное хозяйство	5,9	5,7	5,3	2,7
Обрабатывающая промышленность	15,8	14,8	15,1	13,5
Строительство	11,4	11,3	10,8	7,3
Стоимость продукции в млн ф.	33,9	45,8	53,4	72,3

Источник: Official Yearbook of New Zealand, 1946.

До 1840 г. в Новой Зеландии не было единой денежной системы, имела хождение валюта метрополии – Великобритании, а также денежные знаки других стран. С 1897 г. фунт стерлингов был официально признан законным средством платежа Новой Зеландии. В 1907 г. страна получила статус британского доминиона.

ниона и в обращение был введен новозеландский фунт. За образец новой валюты была взята британская денежная система с фунтом в качестве основной денежной единицы, с делением на 20 шиллингов, которые, в свою очередь, делились на 12 пенсов. В 1967 г. Новая Зеландия перешла на десятичную денежную систему, в оборот вошел новозеландский доллар, который делился на сто центов. В 1985 г., во время перестройки, лейбористское правительство установило плавающий курс новозеландского доллара.

Цены на мировом рынке, к которым Новая Зеландия как страна с зависимым характером экономики особенно чувствительна, в этот период были благоприятны для нее. Они выросли на мясо на 60%, масло – 36%, сыр – на 72%. Шерсть, цены на которую также росли, превратилась в главную статью новозеландского экспорта. На ее долю приходилось в указанный период 25–38% всего экспорта, удельный вес мяса составлял 16–20%, масла – 6–9, сыра 2–9%; доля всей сельскохозяйственной продукции в экспорте выросла с 68 до 82%. В результате увеличивались стада. поголовье овец выросло с 19 млн до 24 млн коров – с 276 тыс. до 750 тыс.⁸ В свою очередь, расширялся объем импорта, цены на который, напротив, снижались. Страна импортировала главным образом металл, нефть, уголь, промышленное оборудование, а также бумагу, чай, сахар, табак и т.д. Основными торговыми партнерами Новой Зеландии выступали Великобритания, Австралия и США. Торговый оборот страны расширился с 16 млн ф. до 45 млн⁹.

Процветание, обусловленное доходами от экспорта мясомолочной продукции, базировалось на развитии холодильной промышленности, которая способствовала диверсификации сельского хозяйства Новой Зеландии, завоеванию новых рынков, в частности таким продуктом, как сыр чеддер. Молочная отрасль сделалась основой сельского хозяйства Северного острова. В 1911 г. здесь производилось 85% всего масла в стране и 67% сыра. Значение земледельческих культур несколько снизилось, хотя наблюдалось временное увеличение их производства в период

Англо-бурской войны, обусловленное снабжением английской армии.

Прогресс в области производства и внешней торговли требовал улучшения коммуникационной системы. В 1908 г. железнодорожная линия связала Окленд и Веллингтон. Она способствовала превращению Уикато в ведущий район по производству масла. В целом протяженность железных дорог накануне Первой мировой войны составляла 2800 миль, трамвайных линий – 160 миль, телеграфных – свыше 13 тыс. Прямой кабель связал Новую Зеландию с Европой и Америкой.

Становление новозеландского лейборизма

В начале XX века производственные отношения, регулируемые принятым либералами фабричным законодательством, были мирными, отсутствовали забастовки, локауты. Пользовался популярностью арбитраж, рабочие казались удовлетворенными условиями своего труда. Неслучайно посетивший Новую Зеландию американский писатель Генри Ллойд назвал свое сочинение о ней, опубликованное в 1900 г., «Страна без забастовок. Визит в арбитражный суд»¹⁰. Однако после 1902 г. минимальная заработная плата увеличивалась незначительно, что вызывало недовольство лиц наемного труда, считавших, что они в отличие от фермеров привязаны к определенному уровню жизни и не в полной мере пользуются плодами экономического прогресса.

Становление новозеландского лейборизма схоже с аналогичными процессами в Великобритании и Австралии. И там и здесь его первоначальной базой служили тред-юнионы. «Тред-юнионистское движение, – как пишет историк Л. Н. Семенова, – становилось закономерной формой социального творчества пролетариата, его ответом на многочисленные притеснения, попыткой сохранить человеческое достоинство, подняв уровень собственной жизни. В условиях рыночной системы профсоюзы были необходимой защитой для такого специфического фиктивного

товара, каким является рабочая сила»¹¹. Продолжительное время новозеландские лейбористы не стремились создать свою партию, находясь в одной упряжке с либералами и соглашаясь на то, чтобы последние представляли их интересы в парламенте. Основным орудием социальных преобразований лейбористы считали государство и ратовали за парламентаризм и легальные меры политической борьбы. По сравнению с британским и австралийским новозеландский лейборизм оказывался более умеренным и консервативным и в конечном итоге более прагматичным. Однако обострение классовых противоречий в 1900 г. способствовало зарождению организаций, провозглашавших своей целью построение социалистического общества.

Одним из приверженцев социализма, стоявшим у истоков Лейбористской партии, был выдающийся новозеландский политик – Гарри Эдмунд Холланд. Он родился в 1868 г. в Австралии, в семье бедного английского эмигранта. Переехав в Новую Зеландию, примкнул к Независимой политической рабочей лиге, которая возникла в 1904 г. и была создана по образцу такой же организации в Австралии. Позже она вошла в Лейбористскую партию. Яростно защищая социалистические принципы, он ратовал за самостоятельную политическую организацию рабочего класса и принимал активное участие в ее создании. Проповедуемые им постулаты были радикальнее, чем у его коллег. Г. Холланд отстаивал национализацию и коллективную собственность на средства производства, распределения и обмена. Сторонник «воинствующего» социализма Гарри Холланд тем не менее верил, что к нему можно прийти мирным путем, поэтому отрицательно относился к опыту Октябрьской революции в СССР. Он умер в 1933 г., не увидев триумфального пришествия к власти своей партии в 1935 г.

В 1901 г. левое течение в новозеландском тред-юнионизме при содействии британских и австралийских социалистов оформилось в Социалистическую партию, которая выступала против системы арбитража как способа держать рабочих в подчинении. Она провозгласила своей целью разрушение капитализма и вы-

брала орудием забастовку. Это были уже не просто нападки на либерализм, а объявление классовой войны. Вместо раздробленных небольших профессиональных союзов социалисты хотели создания федерации, объединяющей не ремесленников, а промышленных рабочих. С помощью социалистов в 1908 г. горняки западного побережья провели забастовку. Успех ее окрылил участников, и в том же году они основали Новозеландскую федерацию шахтеров. В 1909 г., слившись с другими профессиональными союзами, она преобразовалась в Новозеландскую федерацию труда, позднее переименованную в Красную федерацию. Свою анархо-синдикалистскую программу (в ее уставе признавались принципы классовой борьбы) последняя позаимствовала у американской организации Индустриальные рабочие мира. В 1910 г. профсоюзные и рабочие комитеты создали Лейбористскую партию труда, а в 1911 г. – Федерацию труда. В 1912 г. они слились в Объединенную лейбористскую партию со сравнительно умеренной программой, признававшей социализацию средств производства, распределения и обмена, только если эти средства являются в частных руках инструментом угнетения и эксплуатации. Новая партия отстаивала эволюционное развитие и выступала против анархизма и синдикализма.

Наряду с углублением разногласий между трудом и капиталом обострялись противоречия города и деревни. По мере того как росло благосостояние фермеров, усиливалось их недовольство политикой либералов, неприятие эгалитаризма. Они требовали от правительства замены вечной аренды частной собственности на землю, свободной торговли, т.е. отмены тарифов, неограниченного доступа к приобретению земельных участков маори. Промышленники, напротив, ратовали за сохранение тарифов, выступая одновременно против вмешательства государства в экономику, засилья бюрократии. Но и фермеры, и промышленники хотели одного – государственной защиты от растущего влияния профсоюзов и социализма. Социальная база Либеральной партии сужалась, а оппозиции росла. В 1909 г. последняя оформилась в консервативную Партию реформ. Возглавил ее

фермер средней руки Уильям Мэсси, который был вовлечен в политику с 1891 г. С 1903 г. он – лидер реформистов, ключевая фигура в ультраконсервативной Национальной ассоциации. В своей программе Мэсси отказался от требования фермеров о свободной торговле, чем привлек на свою сторону городскую буржуазию, кровно заинтересованную в сохранении тарифов.

На парламентских выборах 1911 г. ни одной из существовавших партий не удалось завоевать большинства голосов. Представители рабочих получили в парламенте четыре места. Разочарованный результатами выборов, премьер-министр Джозеф Уорд подал в отставку. Его преемник Томас Макензи продержался у власти всего несколько месяцев. В следующем году депутаты правого крыла Либеральной партии и независимые поддержали Партию реформ, которая победила и сформировала новое правительство. Так закончился 22-летний период правления либералов, вошедший в историю страны как один из самых прогрессивных этапов ее развития.

Новое правительство консерваторов вступило в конфронтацию с профсоюзами. С мая по ноябрь 1912 г. прошли забастовки горняков на золотых приисках в Ваихи. В 1913 г. различные ветви лейбористского и социалистического движения начали действовать сообща. Красная федерация созвала объединенную конференцию, в результате которой возникли две новые организации: Социал-демократическая партия и Объединенная федерация рабочих. Последняя взяла на себя руководство в конфликте между докерами Веллингтона и предпринимателями. В октябре 1913 г. конфликт перерос в стачку, к которой присоединились портовые рабочие других городов. Бастующие потерпели поражение, против них наряду с полицией были использованы войска, а также добровольческие отряды из представителей фермерства и средних городских слоев. Многие забастовщики, их лидеры, в том числе Гарри Холланд, были арестованы. В результате был восстановлен порядок и принят ряд законов, ограничивающих деятельность профсоюзов; нанесен значительный урон политическим организациям рабочих. Но им все же удалось про-

вести в парламент в 1914 г. шесть своих представителей (два от Социал-демократической партии), образовав там рабочую фракцию. По их инициативе в 1916 г. окончательно оформилась Лейбористская партия, которая и поныне является одной из основных политических организаций страны.

Первая мировая война

Внутриполитическое и экономическое развитие страны сопровождалось попытками получить некоторую автономию в рамках Британской империи. Как подчеркивают в книге «Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии» ее авторы А. И. Мартынов и О. К. Русакова: «Буржуазия даже “самой верноподданной” колонии не желала подчинять свободу своих действий интересам метрополии. Она настаивала на юридическом “единстве империи” перед лицом общих врагов и конкурентов и на “автономии во всех остальных делах”»¹². В 1907 г. это стремление увенчалось успехом: страна получила статус доминиона в составе Британской империи. Преданность же Новой Зеландии внешне политическим интересам Великобритании выражалась в неоднократном участии в войнах на ее стороне. Шесть с половиной тысяч новозеландских добровольцев боролись вместе с англичанами против буров в 1899–1902 гг.

В августе 1914 г. страна вступила в войну против Германии на стороне Великобритании. При этом Новая Зеландия преследовала и свои интересы, надеясь (как это и случилось с захватом Западного Самоа) приобрести собственные колонии. Лейбористы были против участия Новой Зеландии в этой империалистической войне. Боясь, что их антивоенная пропаганда скажется на рекрутировании добровольцев, правительство приняло указ, по которому подобная пропаганда расценивалась как преступление. Ряд известных деятелей лейбористов, таких как Петер Фрезер и Боб Семпл, были арестованы и на 12 месяцев заключены в тюрьму. В ответ портовые рабочие Веллингтона приняли реше-

ние провести демонстрацию протеста, что, в свою очередь, побудило правительства издать указ, позволяющий ему в случае необходимости контролировать любую верфь.

«Классовые чувства, – пишет историк К. Синклер, – продолжали оставаться столь же обостренными, как и до войны. В то время как лейбористское движение в целом требовало конскрипции (набор в армию на основе воинской повинности, но с допущением выкупа и заместительств. – Л. С.) богатства, так же как конскрипции мужчин, фермеры присоединились к хору проклятий против посредников, наживавшихся на войне»¹³. Другой историк У. Оливер высказывает несколько иное мнение. Он пишет, что «людей, которые чувствовали отвращение к войне, было ничтожное меньшинство, даже среди городских рабочих. О взглядах большинства можно судить по тому факту, что число добровольцев, служивших за рубежом, оставалось высоким до конца войны»¹⁴. Во время войны усилились распри между католиками и протестантами. Это противостояние не было неожиданным. Еще в июле 1914 г., накануне войны, в парламент был внесен закон о референдуме по вопросу преподавания Закона Божьего в государственных школах. Война помешала этому референдуму состояться. Представители двух конфессий боролись за свое влияние в сфере образования. Католики настаивали на помощи государства частным школам. В 1913 г. с целью давления на правительство была создана Федерация католиков. Позже, в 1917 г., оформилась Политическая ассоциация протестантов. В 1919 г. она насчитывала свыше 200 тыс. членов, и ее лидер Ревд Говард Элиот заявлял, что «это самая мощная политическая партия в стране»¹⁵.

Несмотря на то что в армии был высокий процент католиков-волонтеров, а католическая церковь одобрила всеобщую мобилизацию, ее обвиняли в союзе с врагами Британии. Поводом послужила духовная поддержка католиков (среди них было много лиц ирландского происхождения), которую они выразили ирландцам, поднявшим в 1916 г. восстание против английского господства. В католиках стали видеть потенциальных предате-

лей, распространялись слухи об их заговоре. Антикатолическая пропаганда была настолько сильна, что правительство издало распоряжение, запрещающее ввоз религиозной литературы, и ввело цензуру на местные публикации подобного толка. Многие противники католиков не верили этой пропаганде, но считали, что последние несправедливо имеют преимущества при приеме на работу и продвижении по государственной службе. В 1917 г. Элиот истерически жаловался, что циркуляры, рассылаемые Политической ассоциацией протестантов, блокируются на почте, и обвинял в причастности к этому либерала Уорда, который был в то время министром почтового ведомства. Клевета распространялась, задевая не только лидера Либеральной партии. Тот факт, что ряд известных лейбористских деятелей являлись католиками, оказался достаточным, чтобы обвинить Лейбористскую партию в союзе с Римом. Протестанты поддерживали Партию реформ, и это до некоторой степени способствовало победе Мэсси на послевоенных выборах 1919 г.

В 1915 г., несмотря на взаимную антипатию, под давлением общественности, требовавшей, чтобы политики оставили на время свои разногласия и создали, как в Британии, национальную коалицию, Уорд и Мэсси сформировали временное коалиционное правительство. Участвовать в нем пригласили шесть парламентариев-лейбористов, но те отказались. Усилилась централизация власти. Великобритания скупала основную продукцию новозеландского экспорта, сводя таким образом на нет рыночную конкуренцию. Государство фактически регулировало экономику. Правительство создало Совет по торговле для контроля над ценами и предотвращения спекуляции. Синклер приводит пример, что, когда в Окленде в 1917 г. поднялись цены на мясо, правительство открыло государственные магазины, где оно продавалось намного дешевле, и вынудило хозяев мясных лавок снизить цены. Однако, вопреки всем усилиям, цены на потребительские товары продолжали расти, уровень жизни снижался. Между 1914 и 1918 гг. цены на продовольствие увеличились и арендная плата выросла на 24,8%, в то время как минимальная

заработная плата – только на 15,7%. Стоимость топлива и электричества поднялась на 35,6%¹⁶. Цены увеличивались быстрее, чем заработная плата, и это больно ударило по наемным работникам, по всем, кто имел фиксированный заработок. В результате в 1918 г. по примеру Австралии арбитражный суд Новой Зеландии (правда, значительно позже, чем в Австралии, где такая практика существовала с 1907 г.) установил минимум заработной платы. Реальная заработная плата в стране к 1919 г. была самой низкой с начала столетия.

Ширилось движение против увеличения стоимости жизни, спекуляции, за более справедливое распределение бремени войны между различными слоями населения. Оно имело широкую социальную базу и включало не только представителей профсоюзов, лейбористов, либералов, но и духовенство. Война способствовала сплочению разрозненных лейбористских групп, которые выступали как выразители интересов жителей городских окраин. Общее недовольство экономическими условиями сделало возможным союз радикально настроенных лейбористов с более умеренными. Отказавшись участвовать в коалиционном правительстве, парламентская фракция лейбористов заявила о себе как о «законной оппозиции».

В 1916 г., вопреки неустанной критике лейбористов, в Новой Зеландии была введена конскрипция. До этого времени вступление в ряды армии было добровольным, однако по законам об обороне подавляющая часть мужчин проходила военную подготовку. Всего в армию вступило 124 211 мужчин (91 941 волонтеров и 32 270 по мобилизации) из 275 тыс. мужчин призывного возраста¹⁷. Впервые в боевых действиях новозеландской армии было разрешено участвовать маори. Во время англо-бурской войны в 1900 г. в Веллингтоне проходил широкомасштабный митинг маори, требовавших отправки на фронт туземного контингента, но тогда британское правительство не соглашалось использовать «небелых» в борьбе с «белыми». На маори не распространялась обязательная мобилизация, около 2200 маорийцев (20% мужчин призывного возраста) добровольно встали под ру-

жье¹⁸. В середине августа 1914 г. Новая Зеландия оккупировала германскую колонию в Тихом океане Западное Самоа и установила там военную администрацию. Для Новой Зеландии это был хорошо продуманный шаг на пути к воплощению мечты о тихоокеанской империи. В октябре 1914 г. новозеландские войска отправились на Западный фронт. Однако из-за того, что турецкая армия неожиданно начала наступление в Египте, было принято решение послать новозеландцев в район Суэцкого канала, где они приняли участие в отражении турецкого наступления в феврале 1915 г. 25 апреля с английскими и французскими подразделениями новозеландцы высадились на полуострове Галлиполи. С апреля по декабрь они сражались вместе с австралийцами, составив Австрало-Новозеландский Армейский Корпус (АНЗАК). Битва с турками (она считается одной из самых кровопролитных в истории Первой мировой войны) была проиграна. Союзники потерпели тяжелое поражение. В память о мужестве и стойкости новозеландских и австралийских солдат, проявленных в этом сражении, 25 апреля в обеих странах ежегодно отмечается как национальный день памяти и чествования ветеранов – День АНЗАК. Затем новозеландские войска были направлены в Палестину, участвовали в штурме Иерусалима и других значимых операциях британских войск. На Западном фронте они отличились в битве на р. Сомме, под г. Амьеном (Франция), при захвате германских позиций у г. Мессина (Италия), при г. Пашендаль (Бельгия). Бок о бок с европейцами дрались маори, разделив наравне с ними бремя войны.

На полях сражений, по данным М. Причад, погибли 16 688 человек, 41 315 были ранены. В мае 1920 г. 3000 военных еще находились в госпиталях Новой Зеландии¹⁹. В конце войны разразилась эпидемия «испанки», унесшая свыше шести с половиной тысяч жизней. В итоге страна с населением чуть больше миллиона потеряла за эти годы существенную часть своих жителей. После окончания военных действий в ноябре за рубежом оставалось 52 123 новозеландских военнослужащих. Был принят Акт о репатриации и создан департамент с целью помочь им воз-

вратиться на родину и трудоустроиться. По утверждению Причард, только 25% мобилизованных нуждались в подобной помощи, остальные либо вернулись к прежним занятиям, либо нашли новое подходящее им место работы. 9000 мужчин были вовлечены в различные отрасли промышленности и сферы обслуживания.

К середине 1919 г. лишь 17 демобилизованных не нашли себе работу и получали пособия (солдат – 2 фунта 2 шиллинга, жена – 10 шиллингов, ребенок – 3 шиллинга 6 пенсов). 1186 солдат имели возможность переквалифицироваться на рабочих местах, получая за время учебы три фунта в неделю. Для вернувшихся с фронта были созданы специальные классы при технических школах, их принимали в университеты. Солдатам и солдатским вдовам оказывалась финансовая помощь в виде займов до 300 фунтов (50 фунтов из них были беспроцентными). Государственные расходы за время войны возросли на 7 млн ф., 1,3 млн из них было выделено на пенсии военнослужащим. Задолженность центрального правительства увеличилась с марта 1915 г. по март 1919 г. со 100 млн ф. до 176 млн ф., в расчете на душу населения – с 91 ф. до 157²⁰.

Храбрость, стойкость и умение биться с врагом, проявленные новозеландцами в Первой мировой войне, повысили национальную самооценку, привели к взрыву в стране патриотизма и шовинизма, которые и раньше не были чужды ее населению. Маори почувствовали себя равными с белыми и ожидали смягчения дискриминации. Их надежды не сбылись: пострадавшие на фронте маори не получили даже помощи для реабилитации здоровья. Историки единодушно отмечают, что новозеландцы увидели в своих действиях во время войны «рождение новой нации». Но, как справедливо пишет К. Синклер: «Кто мог торжествовать? Цена сражения за Империю и становление нации были ужасающими для народа, составляющего всего миллион. Около 17 тыс. мужчин – каждый из 65 жителей – не вернулся с битвы. Такой список погибших был гораздо больше, чем у Бельгии, которая в шесть раз превосходила Новую Зеландию по численно-

сти населения и являлась ареной боевых действий. ...Во многих отношениях развитие страны казалось поколебленным в годы скорби после войны. Правительство не решилось воспользоваться возможностью для независимости, предложенной событиями. Только в 1920-е годы национальное самосознание, наконец, обрело свой голос в политике и литературе»²¹.

Участие в Первой мировой войне способствовало укреплению позиций Новой Зеландии в районе Тихого океана. Ведь еще задолго до войны премьер-министры Новой Зеландии (Фогель, Грей, Седдон), приверженцы «колониального джингоизма», стремились усилить здесь свое влияние, иметь островные колонии, играть заметную роль во внешней политике Великобритании. В 1887 г. Новая Зеландия, будучи сама колонией, аннексировала острова Кермаделек, в 1901 г. – острова Кука и Ниуэ. При разделе колоний Германии после ее поражения в войне Новая Зеландия добилась мандата Лиги наций на управление Западным Самоа и Науру (совместно с Австралией и Великобританией), а в 1923 г. в одностороннем порядке распространила свой суверенитет на землю Росса в Антарктиде, в 1925 г. получила от бывшей метрополии право на управление Токелау. Таким образом Новая Зеландия стала обладательницей довольно значительной территории в бассейне Тихого океана.

Но в эти годы страна не стремилась к самостоятельной внешней политике, неоднократно подчеркивая свою принадлежность к Британской империи и неразрывность своих внешнеполитических интересов с имперскими. Хотя еще во время войны в 1917 г. был создан имперский военный кабинет, где совместно с представителями Великобритании заседали представители ее доминионов. По его решению, принятому на имперской военной конференции в том же году, следовало изменить конституционные отношения между империей и доминионами. Последние получали автономию и в качестве самостоятельных государств вошли в Лигу наций. В последующие годы вопрос о статусе английских доминионов неоднократно обсуждался на различных конференциях, но так и не был решен. Новая Зеландия, как и Ав-

стралия, не стремилась к суверенности, опасаясь, что ослабление ее связей с метрополией негативно скажется как на ее экономическом развитии, так и на обороноспособности. Лишь на имперских конференциях 1926 г. и 1930 г. был окончательно определен статус суверенитета доминионов в рамках Британского Содружества. Резолюции конференций были утверждены в договоре, который вошел в силу в декабре 1931 г. под названием Вестминстерский статут. Этот документ свидетельствовал о юридическом равенстве законов метрополии и доминионов: последние могли принимать законы, не считаясь с мнением Великобритании, а ее законы не распространялись на доминионы без их согласия. Доминионы получили право самостоятельно решать внутренние и внешние дела, заключать и ратифицировать международные договора, посылать и принимать дипломатические миссии, не испрашивая одобрения имперского правительства.

Новая Зеландия между двумя мировыми войнами

В послевоенные годы характер новозеландского общества претерпел существенные изменения. Характерной чертой стала урбанизация страны. Росло число городов, они быстро развивались. В конце XIX века лишь четвертая часть населения жила в основных городских центрах: Окленде, Веллингтоне, Крайстчёрче, Данидине. К 30-м годам XX века в них проживало уже свыше трети населения, причем около половины его обитало в городах, насчитывавших от восьми тысяч жителей. Урбанизация породила новые проблемы. Самая острая из них – нехватка качественного жилья. Усиленное внимание к этой проблеме было связано с послевоенной эпидемией инфлюэнцы, охватившей вследствие городской скученности и антисанитарии тысячи жителей. Напуганное правительство приняло в 1919 г. закон о жилье, санкционирующий строительство государственных домов. На протяжении 20-х годов государство предоставляло ссуды на приобретение или аренду жилья рабочим и вернувшимся с фронта военно-

служащим, но все эти меры оказались недостаточными, чтобы обеспечить сносные жилищные условия беднейшим слоям населения. В 1934 г. одна из новозеландских газет писала, что «в центральном районе Веллингтона семь тысяч семей проживало в сгнивших, ветхих, зловонных, чреватых болезнями, сырых, зараженных паразитами домах». Но были и положительные стороны городской жизни: люди быстрее сближались, возникали различные объединения, клубы по интересам. В городах было больше возможностей проявить себя, заняться общественной, в частности благотворительной деятельностью. Здесь функционировали театральные труппы, музыкальные оркестры, кинотеатры, издавались газеты и журналы. Благодаря демонстрационному эффекту к процессу модернизации приобщались и сельские жители.

Продолжалась индустриализация экономики. Свыше 10% населения оказалось занято в обрабатывающей промышленности, которая была представлена преимущественно небольшими пищевыми, полиграфическими, деревообрабатывающими, машиностроительными предприятиями и мастерскими, где зачастую хозяин трудился бок о бок со своими подмастерьями. Только 6% фабрик насчитывали более 50 рабочих, однако они производили широкий ассортимент товаров: от кирпичей и мыла до пива и сладостей. Расширялся третичный сектор экономики, сфера общественных и личных услуг. Сельское хозяйство модернизировалось, в него внедрялась механизация, получили распространение электрические доильные аппараты, что увеличивало эффективность труда, приводило к уменьшению числа работников, занятых на фермах. Больше внимания стало уделяться улучшению плодородия почв, потреблению искусственных удобрений, ирригационным системам. Специалисты из департаментов сельского хозяйства, науки и промышленных исследований проводили с фермерами систематические консультации, знакомили их с новыми техническими достижениями, оказывали практическую помощь. Были созданы отраслевые организации фермеров: Совет по мясу, Совет по молоку, Совет по шерсти.

Производители сельскохозяйственной продукции объединялись в Союз фермеров, Федерацию собственников овец. Но, несмотря на интенсификацию сельского хозяйства, диверсификацию промышленности, экономическое положение страны было крайне неустойчивым.

Дело в том, что народное хозяйство Новой Зеландии всецело зависело от мирового рынка, и в частности от ее главного торгового партнера – Великобритании. Во время войны объем новозеландских поставок туда оставался постоянным, а в последующие годы он был сокращен, и надо было приспосабливаться к новым условиям. Динамика мировых цен на шерсть, мясо-молочные продукты, ставшие главной статьёй новозеландского экспорта, служившего основным источником дохода, оказывала непосредственное влияние на благосостояние новозеландского общества. Резкие колебания цен на эти продукты в 20-х годах обуславливали экономическую и как следствие политическую нестабильность в стране. Как всегда в подобных случаях, обострились противоречия между городской и сельской буржуазией, хозяевами и наемными работниками. Вернувшимся с фронта солдатам правительство обещало предоставить земельные наделы или выделить средства на их приобретение, что способствовало росту и так принявшей массовый характер спекуляции землей. Земельные участки многократно переходили из рук в руки. В 1916–1924 гг. почти у половины сельских угодий сменились владельцы. Новые хозяева, особенно те, которые стали ими после возвращения с фронта и не имели достаточного опыта и умения, зачастую оказывались опутанными долговыми выплатами. Пока цены на их продукцию были высокими, они еще как-то держались на плаву, но в 1921–1922 гг. цены на товары новозеландского экспорта на мировом рынке резко упали, что привело многих фермеров к разорению. В городах было также тревожно. Росла социальная напряженность, недовольство, ибо стоимость жизни увеличивалась, а заработная плата оказывалась ниже, чем в предыдущие годы.

Нестабильность экономического и социального положения обуславливала и разброд в политической жизни. За власть боролись три партии: Партия реформ, Либеральная и Лейбористская. В 1919 г. на выборах в парламент они получили соответственно 46, 20 и 8 мест. Однако по существу победившая Партия реформ завоевала только 36% всех голосов. Несмотря на то что она выступала на политической арене как партия аграриев, доля избирателей, голосующих за нее среди сельских жителей, уменьшалась. Дабы расширить свой электорат, она старалась найти поддержку среди средних городских слоев, недовольных усилением городской буржуазии. В результате и фермеры, и горожане, испытывая взаимный антагонизм, были неудовлетворены ее политикой. Партия либералов (с 1928 г. переименованная в Объединенную) также теряла свою социальную базу в провинции и городах, так как часть фермеров покинула ее ради Партии реформ, а среди горожан усилилась тяга к лейбористам. В свою очередь либералы безуспешно пытались заручиться поддержкой нищающих мелких фермеров. В эти годы часто возникали предложения, особенно среди сторонников Партии реформ, объединиться с либералами, создав тем самым единый фронт против лейбористов.

Программы двух основных партий, как и электорат, к которому они апеллировали, в 1919–1928 гг. в сущности мало чем отличались друг от друга. Но они с переменным успехом конкурировали между собой в борьбе за голоса избирателей, если не в сугубо рабочих районах, то в предместьях, маленьких городах, сельской местности. Отчасти это объяснялось взаимной неприязнью лидеров консерваторов и либералов – Мэсси и Уорда, отчасти желанием либералов сохранять свои традиции. Все это давало лейбористам некоторые шансы на грядущую победу. Хотя число их сторонников неуклонно росло, лейбористы понимали, что даже в городах их позиции не так уж неуязвимы, и для победы им следует сделать свою программу менее радикальной, доктринерской, более подходящей для решения непосредственных нужд населения. В результате в 1927 г. из нее был изъят пункт о

национализации земли. Цель партии – социализация средств производства, распределения и обмена, как пишет историк К. Синклер, с каждым днем удалялась, подобно огненной планете, исчезающей с политических небес.

В 1921 г. на политической карте страны появилась Коммунистическая партия, которая возникла на базе Новозеландской марксистской ассоциации и бывших членов Социалистической партии. Компартия пыталась проводить свою марксистскую идеологию среди безработных, стремилась войти в контакт с лейбористами, но это ей не удалось; ее политическое влияние было незначительным. В 1922 г. была создана Аграрная партия, которая ратовала за свободную торговлю, создание сельскохозяйственных банков, дешевый кредит, создание линии морского судоходства для обслуживания нужд фермерских кооперативов. Она регулярно участвовала в парламентских выборах в 1925–1935 гг., но успехи ее были невелики. И все же она играла определенную роль в борьбе за голоса фермеров и как оппозиционная группа, оказывающая давление на правительство. Возникновение Аграрной партии вынудило У. Мэсси пойти на ряд уступок своим избирателям в сельских районах. В 1921/1922 г. был принят закон, устанавливающий Совет по контролю над экспортом мяса; в 1923 г. – акт, регулирующий экспорт молочных продуктов.

Не столь быстро премьер реагировал на требование дешевого кредита. Это сделал его преемник Джозеф Гордон Коутс (1878–1943). В 1926 г. было создано отделение при государственном департаменте, которое получало право выпускать облигации. За счет их продажи увеличивался фонд для предоставления фермерам ипотечных займов. В 1927 г. был принят промежуточный акт о краткосрочных ограниченных кредитах. Эти меры в какой-то степени нейтрализовали влияние Аграрной партии. На протяжении 20-х годов борьба между основными партиями велась с переменным успехом. В 1919, 1922, 1925 гг. на выборах побеждала Партия реформ, в 1928 г. к власти пришли либералы. В то же время Лейбористская партия расширила круг

своих избирателей, апеллируя уже не только к индустриальным рабочим, но и к «белым воротничкам», обедневшим фермерам, через Церковь Ратаны – к маори. Партия постепенно набирала силу, увеличивая свое присутствие в парламенте. В 1919 г. там было 8 лейбористов, 1922 – 17, 1928 – 19.

Географическая удаленность Новой Зеландии не спасла ее от разразившейся в мире Великой депрессии 30-х гг. За три года национальный доход страны снизился со 150 млн ф. до 90 млн. В течение двух лет стоимость экспорта упала на 40%. К 1933 г., по официальным данным, безработица составила 80 тыс. человек (это без учета незарегистрированных на бирже труда; с их учетом число безработных приближалось к 100 тыс.) и коснулась полуквалифицированных, квалифицированных рабочих и даже «белых воротничков»²².

Государственный долг Новой Зеландии в расчете на душу населения к 1933 г. оказался одним из самых больших в мире, причем половина его принадлежала внешним инвесторам. Из-за падения мировых цен на продукцию новозеландского экспорта в 1931–1932 гг. 26% от его доходов шло только на уплату процентов по долгу. Общая сумма долга в свою очередь была эквивалентна 40% всех государственных расходов²³.

Необходимо отметить, что и до мирового кризиса государственный долг Новой Зеландии в расчете на душу населения был одним из самых высоких в мире. Экономическая экспансия новозеландского государства, его активность базировалась на огромных займах, которые тратились правительством главным образом на создание современной инфраструктуры, что способствовало развитию связей с внешним миром, ускоряло и удешевляло транспортировку экспортных товаров. Это была одна из составляющих его процветания, причем государственный долг рос с завидным постоянством. Так, в 1905 г. он достигал 60 млн ф., в 1915 г. – 100 млн, а в 1930 г. – уже 267,4 млн²⁴.

Обострились экономические разногласия между Новой Зеландией и Великобританией, которая по-прежнему была основ-

ным рынком сбыта для новозеландской сельскохозяйственной продукции. И хотя пошлина на эту продукцию была одной из самых низких в мире (составляла четверть на аналогичные товары из Австралии), Новая Зеландия настаивала на ее снижении и на введении квот на сельскохозяйственную и сырьевую продукцию из других стран, не являющихся британскими доминионами. В результате на Оттавской конференции в 1932 г. была разработана система преференций для стран – членов Британского Содружества. Новая Зеландия получила преференции, относившиеся к ее мясо-молочной промышленности, а Великобритания – преференции на товары своей обрабатывающей промышленности. Однако английскому правительству приходилось считаться с интересами других стран, торговля с которыми достигала половины ее экспорта, да и собственные фермеры также находились в тяжелом положении из-за резкого снижения цен на их производство на мировом рынке. Бывший тогда премьер-министром Невиль Чемберлен провозгласил, что страна будет контролировать импорт мяса. А несколькими месяцами позже правительство заявило и об ограничении поставок новозеландского масла. Ныне ряд ученых считает, что эти препятствия для свободной торговли в годы кризиса в конечном счете мешали выходу из него.

В ухудшающихся экономических условиях на повестку дня вновь вышел вопрос о коалиционном правительстве, создать его рекомендовали бизнесмены в петиции, присланной в парламент. В результате на выборах 1931 г. победила коалиция Объединенной партии и Партии реформ (коалиция получила 50 мест в парламенте, лейбористы – 23, став официальной оппозицией, независимые – 6 мест). Коалиция предприняла ряд кардинальных мер для улучшения экономического и социального положения в стране. Были созданы комитеты экономистов и бизнесменов для выработки необходимых рекомендаций правительству. Была сокращена задолженность закладчиков и арендаторов. Введены поправки к законам о промышленном примирении и арбитраже, сделавшие обращение к нему добровольным (деятельность ар-

битража в течение нескольких лет служила предметом острых дискуссий). При росте безработицы это привело к падению уровня заработной платы. В сложившейся ситуации профсоюзы не могли защищать интересы своих членов. Так, шахтеры объявили всеобщую забастовку и ограничили уменьшение заработной платы до 10,8%, но их профсоюз потерял половину своих членов, а те, кто остались, работали в шахтах незаконно. Протест членов профсоюзов холодильной промышленности против резкого снижения заработной платы (от 16 до 66%) был подавлен.

Джозеф Коутс, входивший в коалиционное правительство, предложил свой рецепт возрождения экономики. По его инициативе в интересах сельскохозяйственных производителей дважды – в 1931 и 1933 гг. проводилась девальвация. В общей сложности обменный курс был снижен на 25%. Представители горожан в парламенте выражали недовольство. Против такой меры возражал и тогдашний министр финансов Д. Стюарт, который считал, что это несовместимо с недавно принятым Оттавским соглашением. Стюарту пришлось уйти в отставку, министром финансов стал сам Коутс. Он надеялся также, что изменение курса валюты, наряду с повышением цен на импортные товары, даст импульс к развитию местной промышленности. Облегчение фермерам принесло и снижение тарифов на перевозки товаров. Подавив сопротивление частных банков, Коутс создал Резервный банк, призванный выдавать дешевые займы государству, и Национальную корпорацию, предоставляющую кредиты фермерам. Пытаясь сбалансировать бюджет, правительство сократило пенсии, расходы на народное здравоохранение и образование; подняло возрастной ценз для детей, поступающих в школу, и, наоборот, снизило его для оканчивающих учебные заведения. Оно закрыло два педагогических колледжа. Деятельность Коутса, которая вызывала нарекания и слева, и справа, продемонстрировала (как это неоднократно бывало в истории Новой Зеландии), что в определенных условиях представители консервативной партии, отстаивавшей свободу бизнеса, переходят на пози-

ции своих оппонентов и усиливают вмешательство государства в экономическую жизнь.

До кризисного 1930 г. в Новой Зеландии, в отличие от Британии и других стран, не было законодательства, касающегося массовой безработицы. Это и понятно. Безработица для молодой, динамично развивающейся страны не была серьезной проблемой, но кризис выявил ее глубину. Вопросами безработицы занималось Министерство образования, юстиции и труда, созданное еще в 1891 г. Организованное при нем правительственное бюро было призвано помочь рабочим устроиться на работу, а предпринимателям – подыскать нужные им кадры. Закон о безработице 1930 г. санкционировал создание специального фонда для выплаты пособий, финансируемого из налогов, которые должен был выплачивать каждый мужчина старше 20 лет. Стремясь иметь сбалансированный бюджет, премьер-министр Форбс, ссылаясь на то, что жизнь на пособие развращает, твердо заявлял: «Никаких выплат без работы». Безработных за ничтожное вознаграждение использовали при осушении болот, строительстве дорог, посадке деревьев, на золотых приисках. С одной стороны, правительство организовало в сельской местности лагеря-казармы для одиноких мужчин, а с другой – выработало план создания мелких семейных ферм, хозяевами которых становились бы безработные, получившие от государства 10 акров земли. Но эти проекты были малорезультативны: половина фермеров становились банкротами, и только несколько сотен семей оказались таким образом посаженными на землю.

К 1932 г. стало ясно, что правительственная программа по борьбе с безработицей потерпела поражение. Более половины зарегистрированных безработных концентрировались в четырех крупных городах: Веллингтоне, Окленде, Крастчёрче, Данидине. Отчаявшиеся люди выходили на улицы, разбивали витрины магазинов, нападали на товарные вагоны, вступали в стычки с полицией, расходились только тогда, когда получали какую-нибудь еду. Своего пика волнения достигли в Окленде. 14 апреля, пройдя организованным маршем по улицам, протестующие требовали

отмены снижения заработной платы, изменения отношения к безработным. Форбс обвинил в беспорядках «необузданное меньшинство» и коммунистов. Через парламент был проведен закон, усиливающий власть правительства в борьбе за сохранение законности и порядка; в необходимых случаях оно могло объявить в городе чрезвычайное положение. Финансовый указ от 1932 г. позволял правительству увольнять нелояльных служащих. Карательные меры были приняты против профсоюзов почтовых и телеграфных работников. Несмотря на активность коммунистов, влияние их было ничтожно. И если оно и чувствовалось, то только в отдаленных золотодобывающих районах западного побережья. В 1931 г. коммунисты создали профсоюз Национальное движение безработных, который призывал своих членов к стачечной борьбе. Спонтанные уличные выступления безработных в 1932 г. были использованы сторонниками консерваторов и лейбористов для дискредитации коммунистов. К 1934 г. пролейбористский Союз безработных взял в свои руки контроль над движением безработных в упомянутых городских центрах.

Массовое распространение получило в эти годы Движение социального кредита, требовавшее установления общественного контроля над финансами. Первый национальный митинг его состоялся в 1932 г. Оклендский союз фермеров стал сторонником этого движения, пропагандируя его доктрину через журнал «Сельское хозяйство прежде всего». Эта доктрина имела скорее реформистский, чем революционный характер. Лидер движения М. Дуглас настаивал на том, чтобы правительство укротило аппетиты банков и предоставляло гражданам дешевый или вообще бесплатный кредит. Поддержкой движение пользовалось в основном в сельской местности, у хозяев молочных ферм и в небольших поселениях городского типа, а также среди представителей среднего класса, проживающих в пригородах. К 1935 г. по всей стране насчитывалось 225 отделений Движения социального кредита. Против правительства выступал возникший в трудные годы ультрареакционный Новозеландский легион, резко

осуждавший патерналистскую политику государства, отстаивавший невмешательство его в дела общества, желавший большего участия бизнесменов в правительстве и меньшего участия правительства в бизнесе, короче, проведения старой либеральной политики *laissez-faire*. Вскоре легион распался, но на выборах 1935 г. он поддержал также ультраконсервативную новую Демократическую партию, выдвинувшую шесть своих кандидатов в парламент, что способствовало расколу электората консерваторов и сыграло на руку лейбористам.

Политика коалиции, несмотря на все принятые ею меры, которые были явно недостаточны, чтобы кардинально облегчить положение жителей страны в период кризиса, не пользовалась массовой поддержкой населения. К тому же это правительство жестоко расправлялось с оппозицией и приняло ряд социальных законов, которые резко отличались от прежней либеральной деятельности. И коалиция просуществовала недолго – до 1935 г. В атмосфере экономической стагнации и социальной напряженности, резких противоречий между городскими и сельскими жителями ширилась социальная база Лейбористской партии. В 1933 г. избранный на ее конференции комитет выработал план, многие положения которого были опубликованы и составили костяк ее предвыборной программы²⁵.

В случае своего прихода к власти партия эта обещала избирателям использовать для борьбы с нарастающей безработицей государственные кредиты, поставив Резервный банк полностью под контроль государства. Новые рабочие места она намеревалась создать при помощи расширения фронта общественных работ, строительства жилья, а также сокращения продолжительности рабочей недели. Она выступала в защиту обрабатывающей промышленности протекционистскими мерами со стороны государства, установления уровня базовой заработной платы и т.д. Фермерам она сулила улучшение закона об ипотеке, гарантированные цены на их продукцию, непосредственными покупателями которой выступит государство. Лейбористы заверили общество, что они разработали систему народного здравоохранения и

образования, установят пенсии по старости для лиц, достигших 60 лет, вместо принятых 65; начнут строительство государственного жилья. Иными словами, из партии городских рабочих она превратилась в организацию, имеющую широкую социальную базу, которая предложила новозеландскому народу альтернативную программу дальнейшего социально-экономического развития, нацеленную на кардинальные реформы. При этом следует отметить, что провозглашенный ранее принцип «социализации» общества не был пересмотрен, он просто потерял свою актуальность.

Первое лейбористское правительство (1935–1949)

В 1935 г. Лейбористская партия пришла к власти, победив на очередных парламентских выборах правившую с 1931 г. коалицию Партии реформ и Объединенной партии. Эта коалиция с присоединившимися к ней разрозненными консервативными группировками образовала в 1936 г. Национальную партию Новой Зеландии. В стране сформировалась устойчивая двухпартийная система. После 1943 г. в парламенте не было ни независимых депутатов, ни членов какой-либо другой, третьей партии. Национальная и Лейбористская партии попеременно правили страной, сменяя друг друга. На выборах 1935 г. Лейбористская партия завоевала 55 мест в парламенте из 80 (больше, чем любая партия, начиная с 1905 г.). Как считает историк Р. С. Мильн, своим ошеломляющим успехом лейбористы были обязаны прежде всего депрессии, несколько лет сковывавшей экономику страны. Но, конечно, на результат выборов повлияла и смена лидера партии. Прежний – Гарри Холланд умер в 1933 г. Он был убежденный, негибкий борец за социализм, неоднократно сидевший в тюрьмах Австралии и Новой Зеландии за свою политическую активность. Твердость его убеждений, бескомпромиссность, жесткость внушали опасения гражданам умеренных взглядов. Сменивший его М. Сэвидж имел имидж христианского

гуманиста. И многие избиратели, которые прежде никогда не голосовали за лейбористов, решили, что партия, возглавляемая таким человеком, не может быть истинно «красной» или по-настоящему безжалостной.

Первое правление лейбористов длилось 14 лет и по интенсивности проведенных ими реформ сравнимо с либеральным правлением (1890–1912). И либералы, и лейбористы пришли к власти в момент выхода страны из депрессии. И те и другие стремились во что бы то ни стало не повторять прежних ошибок, сделать экономическую и социальную жизнь общества стабильной, защитить его членов от возможных катаклизмов. И те и другие преуспели в своих прогрессивных преобразованиях. И если правление либералов превратило Новую Зеландию в «передовую демократию мира», то реформы лейбористов – в «государство всеобщего благоденствия». Показательно, что их целью уже не было построение социализма, а только движение в данном направлении. Основой их идеологии был прагматизм. По мысли видного лидера победившей партии П. Фрезера, лейборизм всегда «должен соединять реализм с идеализмом». Как пишет историк К. Синклер, многие писатели левого толка критиковали Лейбористскую партию за отсутствие путеводной теории, но эти упреки свидетельствуют лишь о том, что эта теория не оправдывала ожидания критиков. Теория лейбористов – это «смесь кейнсианства, социализма и идей социального кредита с привкусом гуманизма, интернационализма и национализма для пикантности»²⁶.

Ключевыми фигурами нового правительства были Михаэль Жозеф Сэвидж, Питер Фрезер и Уолтер Нэш. Все трое не были уроженцами Новой Зеландии и происходили из семей, балансирующих на грани нищеты. Они жадно учились, всю жизнь любили книги, но вынуждены были рано оставить школу и пойти работать. Это были типичные представители семей, иммигрировавших в Новую Зеландию. Их социализм был скорее складом ума, верой в возможности человека, а не системой определенных

убеждений. Они представляли разные стороны рабочего движения: П. Фрезер и М. Сэвидж были вначале членами Социалистической партии, У. Нэш был связан с более умеренной Объединенной партией. Все они испытали разочарование вследствие следовавших одна за другой неудач и поражений и сошлись вместе в рядах Лейбористской партии.

Им противостояла не менее яркая фигура Джона Ли, искушенного политика, писателя, журналиста. Он также поднялся из нищеты. Тяготы, которые он испытал в детстве, нашли отражение в его книге «Дети бедных», опубликованной в 1934 г. В годы Первой мировой войны он проявил себя как герой, был тяжело ранен, лишился левой руки, вернувшись на родину, активно защищал интересы демобилизованных солдат. В отличие от членов «правительственного триумvirата» Ли был ортодоксальным социалистом. За свои радикальные взгляды он даже получил прозвище «большевик». В Лейбористской партии Ли возглавлял левую фракцию. Он критиковал монетарную политику правительства, требуя большего контроля над финансами со стороны государства. Своего бывшего соратника и покровителя Сэвиджа он обвинял в отсутствии демократизма, считал, что кабинет должен формировать не премьер, а кокус (собрание высокопоставленных членов партии. – Л. С.). В своих памфлетах против Сэвиджа (когда тот болел и находился между жизнью и смертью) Ли саркастически писал о его психической неадекватности. Такое поведение Ли возмутило даже его сторонников. В 1940 г. на партийной конференции 546 голосами против 344 Ли был исключен из партии²⁷. Через два дня после этого М. Сэвидж скончался. 1 апреля 1940 г. премьер-министром страны стал П. Фрезер.

Одним из первых шагов лейбористского правительства была национализация созданного в 1933 г. Резервного банка. Триумvirат превратил его в инструмент для проведения нужной ему финансово-кредитной политики. Была организована государственная корпорация развития, выделявшая долгосрочные кредиты под низкие проценты для строительства домов. Дж. Ли с присущими ему энергией и талантом детально разработал и реализо-

вал программу сооружения государственного, «социалистического» жилья. К маю 1939 г. было построено около трех с половиной тысяч таких домов. Государство взяло на себя заботы как о сельском, так и городском населении. Оно обеспечивало фермерам стабильные цены на сельскохозяйственную продукцию, оказывало помощь обремененным долгами, снижая проценты по ипотеке, установило минимальный уровень заработной платы для наемных сельскохозяйственных рабочих. В городах строились заводы и фабрики, увеличивалось число рабочих мест, правительство разработало план создания новых отраслей промышленности и более эффективного развития старых. Местная промышленность оберегалась от иностранных конкурентов лицензированием внешней торговли, пошлинами, таможенными барьерами, импортными квотами и т.д.

В результате в 1938–1947 годах объем промышленной продукции вырос на 47%, а число лиц, вовлеченных в нее, превосходило занятость в сельском хозяйстве. Времена, когда мелкие фермеры могли диктовать правительству свою политику, ушли в прошлое. В первые же годы своего правления лейбористы отменили все урезывания заработков, вынужденно проведенные в период депрессии, повысили их базовый уровень, восстановили в своих правах (опять же ограниченных во время экономического спада) арбитражный суд, ввели 40-часовую рабочую неделю, дополнительно стал оплачиваться сверхурочный труд. Занятые на общественных работах отныне получали не пособие, а определенный минимум заработной платы.

Членство в профсоюзах стало обязательным и выросло за первые три года правления лейбористов почти в 2,5 раза. Но вершиной деятельности первого лейбористского правительства Новой Зеландии стали реформы, сделавшие здравоохранение и народное образование льготными, а порой и бесплатными, доступными для населения. Огромной заслугой правительства стало создание всеобъемлющей, комплексной государственной системы социального обеспечения, включавшей пенсии по старости

(в 60 лет – мужчинам, в 55 лет – женщинам), пособия по безработице, вдовам, иждивенцам, потерявшим кормильца, а также выплаты на детей независимо от достатка семьи. Короче, создание системы, послужившей образцом для многих развитых стран мира, на деле гарантировавшей гражданам социальную защиту от колыбели до могилы. В конце правления лейбористов, в 1949 г., на социальные нужды выделялось 16% национального дохода, 31,7% всех государственных расходов. Двадцать лет назад эти показатели равнялись соответственно 3,3% и 19,1%²⁸.

За 14 лет лейбористского правления улучшилось положение маори. Они были уравнены с европейцами в размерах пособий, предоставляемых безработным, в оплате общественного труда. Большим подспорьем для них было повышение, особенно в 40-х годах, выплат многодетным семьям. Маори получили средства для развития своего хозяйства; увеличились расходы на их здравоохранение, образование, социальные гарантии. Следует отметить, что лейбористы, с одной стороны, обращали внимание на специфические нужды маорийцев, с другой – улучшали их положение, включая в общую систему социального обеспечения.

Реформы в сфере образования, увеличение затрат на него, консолидация сельских школ, обеспечение транспортом учеников, проживающих далеко от школы; бесплатное обучение в средних учебных заведениях, повышение возрастного ценза для заканчивающих их до 15 лет – всё это сделало образование, в том числе и профессиональное (работа по дереву, металлу), более доступным для маорийских детей и подростков.

Суммируя изложение, можно констатировать, что все социальные реформы, проведенные в этот период, будь то народное образование или здравоохранение, жилищная проблема и многие другие, поднимали жизненный уровень маорийцев, способствовали, правда в недостаточной степени, приближению его к европейскому. Еще до выборов в 1935 г. лейбористы заключили негласное соглашение с Ратаной – лидером религиозного движения маори, которое постепенно приобретало политическую окраску.

Его сторонники начали одерживать верх над представителями младомаорийского движения, занимать их места в парламенте. На очередных парламентских выборах последователи Ратаны поддерживали Лейбористскую партию, а та, в свою очередь, включала маорийские требования в сврю предвыборную программу. Этот альянс оказался долговременным. В последующие годы лейбористы традиционно занимали отведенные маори четыре места в парламенте.

В период лейбористского правления наблюдался массовый уход маори в города, на заработки. Дело в том, что десятилетиями длившиеся маорийские войны, конфискация исконно принадлежащей им земли в результате военного поражения, безудержный захват и покупка земель англо-новозеландцами привели к тому, что оставшиеся во владении маори земельные участки были настолько малы, что не могли их прокормить. Начался быстрый процесс урбанизации маорийского населения.

В своей внешней политике Лейбористская партия по существу продолжала курс предшественников. Она следовала в фарватере Британской империи, считая себя ее составной частью, хотя по Вестминстерскому статуту 1931 г. (правда, полностью одобрен Новой Зеландией он был только в 1947 г.) английские доминионы получали полную свободу в решении как внутренних, так и внешних вопросов. При всем этом официально лейбористы отвергали принцип «автоматического следования» за метрополией, подчеркивая одновременно свое стремление поддерживать ее деятельность на международной арене. В предвыборном манифесте партия заявляла, что она «сделает все, что в ее силах, для утверждения идеи международного сотрудничества, олицетворяемого Лигой наций. Она расширит дипломатический и торговый аппарат Новой Зеландии и поддержит сохранение автономии доминиона в качестве полностью самоуправляющейся нации в рамках Британского Содружества»²⁹.

Вначале, всецело полагаясь на имперскую защиту, новозеландцы не шли на создание новой системы региональной безо-

пасности, придерживаясь доктрины коллективной безопасности метрополии и доминионов. Хотя Новая Зеландия изредка и позволяла себе некоторые отступления от внешней политики метрополии. Так, она единственная из доминионов выразила несогласие с Великобританией в ее политике «умиротворения агрессора», когда Италия напала на Эфиопию, поддержала требование республиканской Испании свободно закупать оружие (германские и итальянские фашисты вмешивались во внутренние дела страны, борясь с коммунистами). Ратовала за ограничение японской агрессии в Китае. Придя к власти, лейбористы изменили свою точку зрения на создание военно-морской базы в Сингапуре. Раньше они считали эту затею ненужной, теперь признали ее важность для обороны своей страны. Новая Зеландия вкладывала финансовые средства в строительство базы, надеясь, что в случае угрозы со стороны Японии метрополия пошлет туда свой флот. Курсу внешней политики полностью соответствовала и военная стратегия лейбористов, опиравшаяся на осознание того, что судьба обороны Новой Зеландии «зависит от обороны Содружества»³⁰.

Перед Второй мировой войной Новая Зеландия была одна из самых процветающих стран мира. Ее доход на душу населения по паритетам валют составлял в 1938 г. 6462 долл. – больше, чем в развитых странах Западной Европы (3000–6400), Австралии (5886), Канаде (4546) и даже США (6126)³¹. Подушевая стоимость объема ее внешней торговли была самой высокой в мире и равнялась в 1937 г. 77 фунтов 5 шиллингов 7 пенсов³². Перед войной большинство населения было занято в сельском хозяйстве. Из всей земельной площади Новой Зеландии (66 млн акров) 43 млн было занято фермами, исключая четыре миллиона земли, обрабатываемой маори. Два миллиона акров засеяно зерновыми культурами, картошкой и т.д., 130 тыс. акров – под садами, парниками, около 31 млн приходилось на пастбища, 17 млн засеяно травой, клевером и 14 млн – местными травами. На них паслось около двух млн молочных коров, кормилось полмиллиона птиц.

Фермы были более механизированы, чем в других странах, имели доильные машины, сепараторы и т.д. Размер владения зависел от его типа, специализации. Типичная молочная ферма насчитывала от 50 до 300 акров (45,5% всех владений) и обслуживалась хозяином, членами его семьи и, возможно, одним помощником. Овцеводческие фермы обычно были больше по размеру. Типичная занимала 300–500 акров (23,4 %), хотя были и намного большие и меньшие. Доля ферм, расположенных на 5–50 тыс. акрах, составляла 1,1% всех владений, на 50 тыс. и более – 0,1%. Редко наблюдалась узкая специализация, обычно практиковалось смешанное хозяйство. В целом животноводство давало в среднем ежегодно 190 тыс. тонн масла, свыше полумиллиона тонн мяса и 150 тыс. тонн шерсти³³.

Что касается промышленности, то в 1938–1939 гг. число крупных и мелких предприятий достигало 6146, работало на них 102 535 человек, 15% всего занятого населения. Средний размер фабрик был невелик. В 1939 г. 52% наемных рабочих трудились на фабриках с числом занятых 50 и меньше, 13% – с числом от 50 до 100 человек, 35% – с числом занятых свыше 100. Наибольшее число занятых (19,2%) трудилось в текстильной и швейной промышленности. 16,9% – в производстве строительных материалов и фурнитуры, 13,3% – в обработке сельскохозяйственной продукции, 10% – в машиностроении, производстве автомобилей, велосипедов³⁴.

Основной статьей экспорта была и оставалась продукция первичного сектора. В 1937 г. 94,4% стоимости экспорта составляли продукты пастбищного скотоводства, 1,6% – земледелия, 0,5% – лесного хозяйства, 2,4% – горнодобывающей промышленности. В стоимостном выражении продукция пастбищного скотоводства достигала 62,5 млн новозел. ф., причем масла – 16,9 млн, сыра 5,4 млн, мороженого мяса – 14,7 млн, шерсти – 19,1 млн. Увеличивалась стоимость экспорта золота: с 0,5 млн ф. в 1929 г. до 1,6 млн ф. в 1939 г.³⁵ Главными потребителями новозеландской продукции были Великобритания – более 80%, затем следовали США, Австралия, Франция и Канада. Шерсть состав-

ляла значительную часть экспорта в эти страны. Импорт включал в основном промышленные товары, которые по каким-либо причинам не производила страна. Ввозилось сырье, которое затем обрабатывалось на местных фабриках. Опять же одним из главных поставщиков была Великобритания. В 1939 г. она поставляла до 73–74% продуктов новозеландского импорта. Для процветания торговли было необходимо развивать коммуникации. Главными портами страны служили Окленд и Веллингтон. Но суда прибывали и в менее крупные города: Данедин, Нью-Плимут, Гизборн, Инверкаргилл. В 1939 г. число новозеландских кораблей, обеспечивавших внешнеторговые операции, выражалось цифрой 1308 единиц³⁶. Существовали три воздушные компании – «Air Travel (NZ) Ltd», «Union Airways New Zealand Ltd.», «Cook Strait Airways Ltd.». На человека в среднем приходилось в 1939 г. 176 единиц почтовой продукции (письма, почтовые открытки, посылки, книги, газеты). В том же году функционировали 14 национальных радиостанций, продолжительность вещания которых составляла свыше 50 тыс. часов³⁷. Развивалась внутренняя транспортная система. В марте 1940 г. протяженность государственных железных дорог составляла 3390 миль: 1634 – на Северном острове и 1756 – на Южном³⁸.

В 1938 г., когда лейбористов выбрали на второй срок, они столкнулись с основной проблемой, характерной для страны и, казалось бы, несовместимой с процветанием, – кризисом платежного баланса. С марта 1936 г. по март 1939 г. задолженность центрального правительства выросла с 283 млн новозел. ф. до 303 млн, а в расчете на душу населения – со 179 ф. до 187 ф.³⁹ Правительство ставило своей задачей постепенное снижение внешнего долга. Банковская система Новой Зеландии включала Резервный банк и шесть коммерческих банков, из которых наиболее значительным был Банк Новой Зеландии. Резервный банк был создан в 1933 г. как частная корпорация, в 1936 г. был выкуплен правительством Лейбористской партии и получил статус государственного. Он стал определять монетарную политику страны, печатать денежные знаки. Банк Новой Зеландии полно-

стью в ведении государства оказался лишь в ноябре 1945 г. Из остальных пяти банков только один был новозеландской корпорацией, остальные – преимущественно австралийскими институтами. Кредитно-финансовая политика государства была откровенно экспансионистской. Займы, предоставленные Резервным банком правительству, к августу 1939 г. достигли 26,9 млн ф. Одновременно росли займы коммерческих банков. С 1935 г. по 1939 г. они в среднем увеличились с 45 млн ф. до 54 млн ф. Займы коммерческих банков не всегда полностью корректировали с их денежной наличностью⁴⁰.

Подводя итог развитию страны в 1920–1930-е годы, можно констатировать, что накануне Второй, как и первой, мировой войны Новая Зеландия оставалась всецело зависимой от мировой торговли, от колебаний рыночной конъюнктуры, от изменения цен на сельскохозяйственные (экспортные) и промышленные (импортные) товары, динамика которых была ей неподвластна. Эти ключевые экономические факторы в свою очередь, во многом определяли (например, в годы Великой депрессии) характер и направление сдвигов в ее внутренней и внешней политике.

Участие Новой Зеландии во Второй мировой войне

Когда вспыхнула война, Новая Зеландия, как и можно было ожидать, оказалась на стороне Великобритании. 3 сентября 1939 г. вслед за Великобританией она объявила войну Германии. На следующий день генерал-губернатор Новой Зеландии в своей телеграмме заверил Лондон, что страна одобряет действия Соединенного Королевства. 6 сентября М. Сэвидж в своем обращении по радио заявил, что «в благодарность за прошлое и с надеждой на будущее» страна встанет рядом с Британией. До этого Новая Зеландия, заключившая в 1937 г. торговый договор с Германией, поддержала Мюнхенское соглашение, в результате которого Великобритания и Франция предали Чехословакию, не оказав ей поддержку в борьбе с Гитлером. Безопасность Новой

Зеландии, сохранность ее колоний зависела от Великобритании, которая обещала оборонительные действия на Тихом океане в случае нападения со стороны Японии. Еще в 1937 г., на последней предвоенной имперской конференции, М. Сэвидж выразил сомнение в способности Великобритании защитить Новую Зеландию и Австралию, если ей самой придется воевать на два фронта – в Европе и Азии. Однако английское правительство заверило доминионы в своем стремлении в случае опасности послать флот на Дальний Восток. Выполнение своих обещаний, в частности посылку подкреплений для обороны открытой в 1938 г. военно-морской базы в Сингапуре, Великобритания обуславливала участием стран Содружества в необходимых военных операциях за рубежом.

Внешнеполитический курс новозеландского правительства, столь отличный от взглядов лейбористских лидеров на участие в Первой мировой войне, вызвал негативную реакцию у новозеландской общественности. Он способствовал усилению внутренних разногласий в рядах Лейбористской партии. Ранее, как правило, лейбористские деятели выступали как антиимпериалисты, антимилитаристы, интернационалисты. Уолтера Нэша, который был в эти годы в правительстве, критиковали за измену своим пацифистским взглядам. Но он понимал, что в определенных обстоятельствах война неизбежна и является, как это ни парадоксально, окончательной гарантией коллективной безопасности. Он признавал, как подчеркивает К. Синклер, что Гитлер и Муссолини не могут быть побеждены христианским, пассивным сопротивлением. Страх за мир, где господствуют милитаристы и фашисты, привел его к отказу от пацифизма⁴¹. Свое недовольство правительством выразили профсоюзы. Коммунистическую партию, которая, следуя указаниям Коминтерна и Советского Союза, выступила против вступления Новой Зеландии в войну с Германией, правительство объявило вне закона.

Не было никакого сомнения, что Новая Зеландия вступит в войну. Свою лояльность Великобритании тотчас выразили все члены триумvirата. Но у них не было четкого плана действий и

они не стремились посылать войска за рубеж. Еще накануне войны внутри Лейбористской партии были разногласия по этому вопросу. Правительство хотело, чтобы новозеландская армия в первую очередь защищала свой регион. В июле 1939 г. английская пресса широко распространила заявление У. Нэша о нежелании посылать экспедиционный корпус, которое вызвало много критических отзывов среди новозеландцев. В своем объяснении У. Нэш констатировал, что сказал только, что у Новой Зеландии нет обязательства кого-нибудь посылать, но будет сделано все необходимое для защиты демократии. Быстро сформированные экспедиционные войска Новой Зеландии по требованию Великобритании были посланы в Европу и на Ближний Восток. Но страна продолжала надеяться на благополучный исход войны на Тихом океане и поддержку Соединенного Королевства.

После поражения в апреле союзника Британии – Франции положение на европейском театре военных действий изменилось. В июле 1940 г. Британия призналась доминионам, что не в силах выполнить свои обязательства по их защите. Новой Зеландии ничего не оставалось, как обратить свои взоры в сторону США. Как напишет впоследствии историк У. Оливер: «Внезапно стало ясно, что безопасность не обеспечивается более просто отправкой людей сражаться в Европе. Сделалось убийственно очевидным, что Великобритания не в состоянии обеспечивать защиту, которую она всегда предлагала. Новая Зеландия была спасена от Японии не капитулировавшей базой в Сингапуре, не потопленными кораблями Королевских военно-морских сил, а американской армией. Новый мир был призван искупить слабость старого. Это вызвало революцию в новозеландских соображениях, касающихся вопросов безопасности... осознание того, что защитить ее от непосредственной тихоокеанской угрозы может только одна страна – Соединенные Штаты Америки»⁴². Кажется бы, страхи новозеландцев не были беспочвенными. Но, как выяснилось позднее, японское командование еще в начале 1942 г. решило, что на вторжение в Австралию и Новую Зеландию у Японии просто не хватит сил.

В связи с японским захватом французских баз в Индокитае Новая Зеландия присоединилась к экономическим санкциям, принятым против Японии Соединенными Штатами, и порвала свой торговый договор с ней. В августе 1941 г. Новая Зеландия заявила о своем стремлении непосредственно сотрудничать с США и предоставить им свои колонии для создания там военных баз. В ответ на это предложение США попросили Новую Зеландию содействовать строительству аэродромов на соседних с ней территориях: в частности было сооружено три аэродрома на Фиджи. 7 декабря 1941 г. японские самолеты совершили налет на Пёрл-Харбор и уничтожили значительную часть базировавшегося на Гавайских островах американского флота. В январе 1942 г. новозеландское правительство подписало Декларацию 26 государств о совместной борьбе против членов Берлинского пакта, т.е. официально вошло в антигитлеровскую коалицию. В феврале того же года в руках Японии оказался Сингапур, что красноречиво свидетельствовало о провале имперской внешней политики на Дальнем Востоке. Как подчеркивают многие исследователи, включая А.И. Мартынова и О.К. Русакову, мотивы вступления Новой Зеландии в войну против Японии обуславливались не только страхом непосредственного нападения, но и боязнью потерять свои колониальные владения в Тихоокеанском регионе.

События на Дальнем Востоке привели к ослаблению внешнеполитических контактов Новой Зеландии с Великобританией и, напротив, к их усилению с США. Не надеясь больше на Великобританию, Новая Зеландия обратилась за помощью к США и была включена в программу ленд-лиза. В мае 1942 г. США, наконец, взяли на себя ответственность за оборону Фиджи и Тонга. В Новой Зеландии появились первые подразделения американских войск. Страна превратилась в военный плацдарм союзников в Тихоокеанском регионе. Всего в этом регионе в 1942–1944 гг. базировалось до 100 тыс. американских солдат. Между американскими и новозеландскими военачальниками начались разногласия. Американцы старались не допускать усиления влияния

доминионов в Тихом океане. Новая Зеландия в свою очередь стремилась к активному участию в военных действиях на Дальнем Востоке, усматривая в этом основу для своей будущей роли в процессе мирного политического урегулирования, в решении глобальных внешнеполитических вопросов в этом регионе.

Разочаровавшись в имперской политике Великобритании и опасаясь диктата Соединенных Штатов, Новая Зеландия осознала необходимость самостоятельного определения своей политической позиции в регионе. 21 января 1944 г. новозеландские дипломаты подписали так называемый Канберрский пакт – предложенное Австралией соглашение о взаимном сотрудничестве между двумя странами. Одним из постулатов было убеждение в том, что строительство и использование в годы Второй мировой войны какой-либо державой военных баз на территориях, находящихся под суверенитетом или контролем другой державы, не является достаточным основанием, чтобы претендовать на право осуществлять свой суверенитет или контроль над этими территориями в мирное время. Стремясь получить право на опеку над зависимыми территориями, Новая Зеландия в то же время не возражала против притязаний США в Микронезии. Она ратовала за создание необходимой для страны оборонной зоны, в которую бы входили, прежде всего: Норфолк, Новая Каледония, Фиджи, Самоа, Тонга, затем Новые Гебриды, о-ва Эллис и Кука, а также Ниуэ и Токелау. Новой Зеландии приходилось лавировать: преследуя свои собственные интересы, она хотела заключения равноправного союза с Австралией и одновременно боялась обострения отношений с бывшей метрополией и США. «Это соглашение мало что значило для английских намерений и совсем ничего не значило для американских, но оно имело свой смысл... Оно подтвердило ее решимость считать, что даже маленькая страна должна быть услышана в мире великих держав»⁴³. Позднее, в 1945 г., на Сан-Францисской конференции, П. Фрезер, выступавший против принципа единогласия великих держав, подчеркнувший озабоченность Новой Зеландии будущим колониальных народов, а также современным уровнем их жизни, озвучил свое

давнее убеждение, что малые нации могут обладать нравственным оружием, даже если они не слишком многочисленны. В Канберрском пакте были высказаны также соображения о создании военного союза в Тихоокеанском регионе, международной экономической организации, нашедшие свое воплощение уже после Второй мировой войны.

В годы войны Новая Зеландия отошла или скорее вынуждена была повернуть от изоляционизма во внешней политике к более активному участию в международных делах. Она, имевшая до этого дипломатическое представительство лишь в Лондоне, установила дипломатические отношения с США (1941), Канадой (1942), Австралией (1943), СССР (1944). В 1943 г. было создано новозеландское Министерство внешних сношений (Министерство иностранных дел). В мае 1944 г. Новая Зеландия выступила за создание Всемирной организации для поддержания мира и безопасности. В 1945 г. активно участвовала в работе ООН.

В период войны с 16 июля 1940 г. в Новой Зеландии, помимо обычного правительственного кабинета, действовал и военный кабинет в составе 6 человек. Позже, к 16 июня 1942 г., в целях большего участия обеих партий в решении задач, связанных с обороной страны, была сформирована и военная администрация, куда вошло 7 представителей от правящей Лейбористской партии и 6 – от Национальной. Но в результате межпартийных разногласий военная администрация просуществовала недолго. С октября 1942 г. насущные вопросы вновь решались в тандеме военный и правительственный кабинеты. До середины 1940 г. служба в армии была добровольной. Закон об обязательной воинской повинности был принят в июне в связи с введением чрезвычайного положения. В начале войны в армию регулярно призывалось примерно по три тысячи человек в месяц. В ноябре 1941 г. ее численный состав достиг 82 тыс., или 72% всех мужчин в возрасте 18–45 лет. Более половины их находились за рубежом. Кроме того, насчитывалось 35 тыс. человек, служивших во внутренних войсках. После вступления в войну с Японией они были полностью мобилизованы. К середине 1942 г. число

военнослужащих достигло своего пика – 157 тыс. Постепенно оно сокращалось, новобранцы возвращались домой к своим прежним занятиям. В августе 1945 г. армия насчитывала только 89 тыс.⁴⁴

Вначале новозеландский экспедиционный корпус, как и в Первую мировую войну, совместно с английской армией сражался в Египте, затем продолжил борьбу в Греции, на Крите, в Италии. Со вступлением в войну Японии новозеландские части приняли участие в обороне тихоокеанских островов. Историки, в частности У. Оливер, подчеркивают, что новозеландцы сражались на три фронта. Под третьим они понимают необходимость обеспечивать союзников продовольствием, промышленными товарами и оборудованием. Страна работала на войну, и наблюдался даже некоторый бум. Взлет цен на мясо-молочные продукты и шерсть (хотя гарантированные цены на экспортные товары из Новой Зеландии определялись соглашением с Британией, в свободных рыночных условиях они в годы войны были бы выше), увеличение спроса на них создали благоприятные предпосылки для развития сельскохозяйственного производства. Так, если перед войной производилось 4–5 тыс. т консервированного мяса, то в разгар войны – 22–29 тыс. т. Производство консервированного молока за военные годы выросло с 13–14 до 22–23 тыс. т, а овощей – с 1,8 тыс. т до 12–15 тыс. т⁴⁵.

Стимул для развития получило не только сельское хозяйство, но и промышленность, прежде всего обрабатывающая. Дело в том, что вследствие сокращения импорта из Великобритании в стране начала проводиться политика импортозамещения. Возникли новые отрасли промышленности, такие, например, как радиооборудование, сооружение небольших военных кораблей, учебных самолетов; развивалась строительная индустрия. Для обслуживания войск было создано множество предприятий, производивших одежду, обувь, амуницию, химические вещества, электрооборудование, военное снаряжение. Различные мастерские (механические, железнодорожные, ремонтные, сборочные, а

также занимающиеся починкой спортивного инвентаря и ювелирных украшений) были перепрофилированы на обслуживание фронта.

С уходом большинства мужчин на войну возникла острая нехватка рабочей силы. Указ о воинской повинности 1940 г. разрешал использовать резервистов на работах государственной важности. Полностью контроль над людскими ресурсами был введен в январе 1942 г. С этой целью были созданы специальные службы. Лица, работавшие на предприятиях, отнесенных к особо важным, не могли добровольно покидать их, наем рабочей силы на предприятия, не отнесенные к данной категории, также проводился с согласия местных чиновников. Контроль этот постепенно ослаблялся и был полностью отменен после поражения Германии. Возросла роль женщин, выполняющих работу, которая до войны считалась мужской. За войну и первые послевоенные годы удельный вес женщин среди чиновников увеличился в пять раз (с 5% в 1939 г. до 25% в 1947). Если в 1936 г. работало 3,7% замужних женщин, то в 1945 г. уже 7,7%⁴⁶.

Нехватка рабочих рук обуславливала увеличение заработной платы. Это, в свою очередь, вело к повышению цен на товары и услуги. Правительство столкнулось с проблемой инфляции. С 1941 г. начала проводиться политика стабилизации, включавшая контроль над уровнем цен на продовольствие и промышленные товары, на землю, а также за ростом заработной платы. В итоге инфляция в годы войны была в Новой Зеландии ниже, чем в других странах (она составляла только 14% – низший уровень военной инфляции в мире)⁴⁷. Замораживание уровня заработной платы приводило к протестам, особенно среди низкооплачиваемых слоев населения, и в результате он был увеличен на 5%. В декабре 1944 г. парламентарии впервые за военный период повысили себе жалованье. Через год был принят закон, устанавливающий минимальный уровень заработной платы за час в размере пяти шиллингов пяти пенсов для мужчин и трех шиллингов трех пенсов – для женщин⁴⁸. В результате снижения притока импорта, повышения налогов (был введен специальный военный налог, поднята ставка налога на продажу) уменьшился по срав-

нению с предвоенными годами дефицит платежного баланса, государственный долг. Был достигнут паритет новозеландской и британской валют.

На фронтах Второй мировой войны погибло около 12 тыс. новозеландцев, примерно 17 тыс. получили ранения⁴⁹. В процентном отношении к ее населению – это значительные потери, причем наиболее активного, трудоспособного контингента. Для вернувшихся домой была организована система реабилитации. Многие, особенно в сфере обслуживания и торговли, устроились на прежнюю работу; те, кто хотел открыть собственное дело, получали заем. По закону о поселении военнослужащих и акта о продаже земли 1942 г.⁵⁰ государство скупало подходящую землю и предоставляло ее в их пользование (на правах аренды или собственности).

Учтя ошибки прежних лет, когда после Первой мировой войны землю получали солдаты, не имевшие достаточного опыта для ведения хозяйства, теперь были созданы (в частности, в стенах сельскохозяйственного колледжа) различные краткосрочные или длительные курсы обучения. Вернувшиеся с фронта могли бесплатно учиться в любом учебном заведении, получая стипендию. Займы, выдаваемые военнослужащим, полностью покрывали стоимость покупки или строительства дома. Особое внимание уделялось инвалидам: лечение в госпиталях, естественно, было бесплатным; после реабилитации им помогали с трудоустройством. Всего на поддержку бывших военнослужащих был израсходован 51 млн ф.⁵¹

Глава 3

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Послевоенные годы и приход к власти Национальной партии

В условиях Второй мировой войны очередные парламентские выборы не состоялись. Страной управляла совместная военная администрация. Борьба за власть между двумя основными партиями обострилась. Так, лидер Национальной партии Сидней Джордж Холланд (сын известного лейбористского деятеля ранней поры – первого лидера Лейбористской партии Генри Холланда) подчеркивал, что страна ведет сегодня войну на два фронта: во-первых, на стороне Британской империи, во-вторых, против правительства, которое использует военное положение для осуществления новой программы национализации промышленности¹. В 1943 г. власти сочли возможным провести парламентские выборы. Национальная партия заявила о себе как о наследнице либерально-консервативных традиций, выразительнице интересов всего общества, а не отдельных классов, слоев или групп, подчеркнув свой общенациональный характер, что и нашло отражение в ее воззвании. Партия неоднократно заявляла, что ее цель – быть подлинно национальной, выражать интересы всех слоев общества: фермеров, представителей деловых кругов, специалистов, рабочих, что она не признает деления на классы.

Однако в действительности Национальная партия, как и раньше, объединяла в своих рядах главным образом зажиточных фермеров и крупную городскую буржуазию. Помимо них, к числу ее сторонников относились менеджеры, чиновники, люди свободных профессий. Руководители партии неоднократно заяв-

ляли о всемерной поддержке бизнеса и в то же время стремились расширить свое влияние среди рабочих, служащих и других лиц наемного труда. Именно поэтому они обещали сохранить существующий уровень заработной платы, различных социальных выплат, пособий по социальному страхованию и т.д. Иными словами, они фактически признали легитимность многих реформ, проведенных лейбористским правительством, вынуждены были принять необходимость государственного регулирования отношений между предпринимателями и наемными работниками. В итоге партии удалось привлечь на свою сторону около 10–15% избирателей из рядов рабочих и таким образом увеличить свое представительство в парламенте с 24 до 34 депутатов (27 от сельских округов и 7 – от городских). Соответственно уменьшилось число депутатов-лейбористов. На выборах 1946 г. Национальная партия смогла увеличить число своих представителей в парламенте еще на 4 человека – за счет городских округов. В результате разница между ними и лейбористами составляла всего 4 места в пользу последних.

После окончания войны лидеры Национальной партии, желая привлечь на свою сторону представителей городской буржуазии, заявили, что уже нет необходимости в установленном в годы войны жестком контроле над деятельностью предприятий, и заверили, что отменят его. Они также пообещали избирателям справиться с усилившимся в тот период забастовочным движением, отражавшим недовольство наемных рабочих своим социальным положением. Рабочие невольно сравнивали условия своей жизни с положением фермеров, чьи доходы увеличивались в связи с ростом спроса и цен на продовольствие. Среди населения Новой Зеландии все шире распространялось недовольство и некоторыми другими действиями лейбористского правительства. Так, например, возмущение вызывало введение в мирное время всеобщей воинской повинности, которое лейбористское правительство оправдывало необходимостью быть в наступивший период холодной войны готовыми к вооруженным конфликтам.

В эти годы наблюдается поправление в идеологии Лейбористской партии. Она отказывается от «социализации производства, распределения и обмена», о чем впоследствии в 1951 г. было прямо заявлено на конференции; пытается переключить население с участия в забастовках на борьбу с коммунизмом. В 1945 г. была проведена электоральная реформа, отменившая 28-процентную квоту для сельских районов при выборах в парламент (она существовала в Новой Зеландии с 1881 г.). Эта реформа вызвала негативную реакцию фермеров, что, естественно, способствовало усилению Национальной партии. На парламентских выборах 1949 г. она одержала внушительную победу: получила 46 мест из 76 возможных и сформировала правительство во главе с премьер-министром С. Холландом. Национальная партия привлекла сторонников, выступая за восстановление принципов индивидуализма, свободной конкуренции и частного предпринимательства; противостояла левым силам как противник идей социализма и коммунизма. Однако на деле ее политика не столь уж отличалась от лейбористской. Находясь у власти, националисты признали правомерность созданной лейбористами системы социальных гарантий, сопровождающих гражданина от «колыбели до могилы», не положили конец, как обещали, вмешательству государства в экономику страны, а только ослабили контроль над ней. Государство по-прежнему, хотя и в меньшей степени, регулировало поступления от экспорта сельскохозяйственной продукции; местная промышленность была защищена от иностранных конкурентов различными мерами, оставались национализированными Резервный банк и Банк Новой Зеландии, внутренние авиалинии и ряд других важных отраслей. Конечно, правительство отменило некоторые жесткие меры, особенно те, которые были приняты в военное время, как то: регламентация на потребление нефти, количественные квоты на отдельные импортные товары. Но в принципе государственная экономическая политика кардинально не менялась вплоть до 1984 г., когда к власти пришло четвертое лейбористское правительство, начавшее реформирование новозеландского народного хозяйства.

Схожесть политики обеих партий в какой-то мере способствовала созданию в 1953 г. Партии социального кредита, оформившейся из лиги того же названия, идеи которой о необходимости изменения кредитно-банковской системы получили распространение еще в 30-х годах, когда их разделяла и использовала в своих интересах часть лейбористов. На парламентских выборах 1954 г. эта партия собрала 11% голосов, но вследствие существовавшей тогда мажоритарной избирательной системы не была представлена в высшем законодательном органе страны. При Национальной партии изменился сам парламент. Одним из неожиданных действий правительства националистов, возглавляемого Сиднеем Джорджем Холландом, стала проведенная по его инициативе ликвидация в 1951 г. законодательного совета – верхней палаты новозеландского парламента. Не все министры были согласны с этой реформой. Однопалатный парламент был непривычным для Новой Зеландии. Но Холланд считал, что вклад совета в выработку законов был равен нулю, и упразднил его за ненадобностью.

Первая половина 50-х годов, казалась бы, была благоприятной для страны. В связи с войной в Корее и созданием стратегических запасов в США и других странах наблюдался рост мировых цен на сельскохозяйственное сырье. Война в Корее, в которой Новая Зеландия участвовала на стороне США, обусловила расширение спроса на шерсть – одну из основных статей новозеландского экспорта, что положительно сказалось на доходах фермеров. В 1952 г. потерял силу закон о бывших военнослужащих (обеспечивающий их землей), и фермеры могли вновь продавать участки по рыночной стоимости. В городах часть населения превратилась из арендаторов государственного жилья в собственников-домовладельцев, поскольку было разрешено выкупать его по сходной цене. Наличие собственного дома крайне важно для рядового новозеландца, оно укрепляет его уверенность в себе, повышает самооценку. Однако относительное процветание сопровождалось ростом инфляции, поразившей капиталистический мир. В Новой Зеландии она превысила 10%.

В условиях роста цен, когда националисты отменили субсидии на продукты, наиболее активные профсоюзы, объединявшие рабочих портов, шахт, мясохладобоев, потребовали повышения заработной платы. Они справедливо считали, что реально она не увеличивается и доля дохода наемных рабочих в ВВП меньше, чем в довоенный период. Кроме повышения зарплаты, они требовали отмены арбитража и обязательного членства в профсоюзах, поскольку наряду с положением от 1938 г. о праве отменять их регистрацию это было эффективным оружием против забастовщиков. Неудобные союзы распускались и заменялись на более сговорчивые. Бастующие лишались работы до тех пор, пока не присоединялись к вновь созданным организациям. Такая тактика была применена в 1949 г. в трудовом конфликте с Оклендским профсоюзом плотников. Лидеры активных профсоюзов стремились заменить пассивные объединения масс боевой, сплоченной на добровольных началах элитой. Они настаивали на введении рабочего контроля на шахтах, пристанях, железных дорогах; расширении государственной собственности.

Исключенный из Федерации труда профсоюз докеров и его сторонники создали в противовес ей Конгресс профсоюзов с членством в 75 тыс. человек (в Федерации осталось 150 тыс. членов)². В этом противостоянии основная масса рабочих не поддержала «смутьянов». Общественное мнение было против них. Население боялось, что их выступления нанесут ущерб хозяйству страны. В 1951 г. в портах началась забастовка. К ней присоединились рабочие шахт западного побережья, мясохладобоев. Ситуация оказалась критической. По мнению Холанда, была предпринята решительная попытка силой свергнуть законное правительство. Один из министров заявлял, что забастовка была частью холодной войны, провоцируемой коммунистами. Правительство ввело чрезвычайное положение. На пятый месяц забастовщики сдались, не выдержав натиска правительства, новых профсоюзных организаций, а также осуждения со стороны общественности. Профсоюз докеров был распущен, его денежные фонды реквизированы. В ответ на критику в поправлении граж-

данских свобод правительство в том же году впервые объявило досрочные выборы в парламент и на гребне победы над левым крылом профсоюзного движения и под знаком борьбы с угрозой коммунизма упрочило свое положение, завоевав больше мест в парламенте, чем в 1949 г.

Декларируя себя как поборницу законности и порядка, Национальная партия ввела ряд жестких мер против профсоюзов. В поправке к закону 1951 г. об их управлении решения о стачках и назначении должностных лиц принимались тайным голосованием. Чтобы помешать объединению наиболее активных профсоюзов портовых рабочих, было внесено положение, согласно которому для включения членов одного профсоюза в другой требовалось согласие министра труда. Определение стачки было расширено, сюда включалось любое сокращение нормального выпуска продукции или темпа работы. Не утвержденные тайным голосованием забастовки считались незаконными, равно как и сопутствующие им пикеты и демонстрации. Участники их сурово наказывались. В то же время не состоялась ожидаемая многими сторонниками Национальной партии отмена обязательного членства в профсоюзах.

Другой законопроект, вызвавший широкое обсуждение в прессе и среди специалистов, касался так называемой «подстрекательской деятельности». Запрещалось критиковать членов правительства, даже за пределами страны. Человек, обвиненный в публичном подстрекательстве, должен был представить полное доказательство своей невиновности. Определение подстрекательства имело тенденцию к расширению, представляя угрозу демократии. Наделенные полномочиями работники полиции получили право производить обыск в рабочих помещениях или в домах частных лиц без предъявления ордера на арест, что давало им возможность действовать сообразуясь исключительно с собственным мнением. Все эти меры не были неожиданностью. Наведение порядка и расправа с боевыми профсоюзами входили в предвыборную программу националистов. Однако превышение власти полицейских испугало даже консервативно настроенную

часть населения, которая не хотела опасных инноваций, подрывающих устоявшиеся демократические порядки, справедливо усматривая в этом путь к фашизму. В закон было внесено много смягчающих его поправок, но полностью он был отменен в 1959 г., при лейбористах.

Подводя итоги своему правлению в небольшой книжке «Достигнутый рекорд: деятельность национального правительства, 1949–1957 гг.», националисты ставили себе в заслугу подавление стачки 1951 г. и промышленное законодательство, в результате которого в тот период было мало забастовок. Число рабочих дней, потерянных в итоге промышленных споров в 1955 г., составляло только четверть от величины 1949 г. Но главным в публикации был перечень благ, увеличившихся в годы правления Национальной партии. «Люди имели больше денег, пенсий, овец, коров, телефонов, автомобилей, домов, тостеров, стиральных машин, пылесосов, радиоприемников, заграничных поездок, университетских стипендий... Новозеландцы, более чем другие, счастливая, здоровая и процветающая нация»³, – утверждал в предисловии книги премьер-министр.

Основным направлением новозеландской внешней политики в послевоенные годы был курс на сближение с Соединенными Штатами Америки. Продолжая сохранять свои тесные исторические и экономические связи с Великобританией, страна стремилась заполучить более «солидного» гаранта своей безопасности. Новой Зеландии приходилось лавировать между интересами двух крупнейших западных держав, не забывая при этом свои интересы – упрочить политические и экономические позиции в Тихоокеанском регионе, стать «Британией Южных морей». Стране хотелось пересмотреть доктрину «имперского единства» и опереться сразу на двух протекторов, осуществляя в то же время более независимую, чем перед войной, внешнюю политику. В 1951 г. по инициативе США был создан тройственный союз – Австралия, Новая Зеландия, США (АНЗЮС), правда, идея о его создании возникла еще в 1944 г., во время австрало-новозеландского Канберрского соглашения. В одной из статей

союза говорилось, что в рамках общей системы мировой безопасности должна быть организована и региональная зона обороны, охватывающая юго-западную и южную части Тихого океана. Основной целью союза была провозглашена координация усилий по «коллективной обороне» в районе Тихоокеанского бассейна. Великобритании, несмотря на предпринятые в 1952–1953 гг. попытки, присоединиться к нему не удалось. Однако, по заявлению Холланда, «...это никоим образом не сказывается на тесных контактах, которые существуют между нашими правительствами. Соединенное королевство получает полную информацию обо всех мероприятиях в рамках договора, таким же образом Соединенное королевство информирует нас о деятельности НАТО, членами которой не является Новая Зеландия и Австралия»⁴.

Как пишут в своей книге «Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии» А. Мартынов и О. Русакова, «АНЗЮС явился порождением холодной войны и практики антикоммунизма»⁵. В результате страна оказалась вовлеченной в вооруженные конфликты США. Она поддержала резолюцию Совета Безопасности ООН, назвавшую Корейскую Народно-Демократическую Республику агрессором, и послала туда свои войска, позднее, в 60-х годах, участвовала во вьетнамской войне. Конфликт на Корейском полуострове обошелся Новой Зеландии в 14 млн новозел. долл., причем эту политику поддерживали и лейбористы, рассматривая свои действия как вклад в дело спасения и восстановления страны, пострадавшей от коммунистической агрессии. В вопросе признания коммунистического Китая Новая Зеландия выступила на стороне США, вопреки Великобритании, признавшей его. Новая Зеландия, как и Австралия, установила дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой только в 1972 г., но при этом не было посольства Новой Зеландии и на Тайване, хотя лейбористы проповедовали идею «двух Китаев». Свою политику правительство страны объясняло боязнью испортить отношения с США. Кроме того, это было в русле внешнеполитической линии Новой Зеландии, наце-

ленной на борьбу с коммунистической экспансией и распространением коммунистических идей в Азии.

Членство в АНЗЮС было связано с дополнительными затратами, поскольку приходилось перестраивать вооруженные силы, считаясь с американскими стандартами. Лейбористы выступали против АНЗЮС, полагая участие в нем предательством по отношению к Великобритании. Но, как констатируют Мартынов и Русакова, «на протяжении большей части 50-х годов, несмотря на медленное изменение в балансе отношений с Англией и Соединенными Штатами в пользу последних, связи с Англией продолжали доминировать. В этом состояла особенность новозеландской внешней политики. На протяжении 40–50-х годов объем англо-новозеландского сотрудничества значительно превосходил аналогичное партнерство Новой Зеландии с США»⁶.

Одной из причин поражения Национальной партии на парламентских выборах 1957 г. была позиция Новой Зеландии во время Суэцкого кризиса, вызвавшая нарекания как за рубежом, так и в самой стране. Поскольку Новая Зеландия имела соглашение с Великобританией о предоставлении последней своих вооруженных сил для использования в военных действиях на Ближнем Востоке, неудивительно, что в Суэцком кризисе 1956 г. она оказалась на стороне Великобритании. И хотя, как справедливо считали многие английские и новозеландские аналитики, позиция Британской империи с самого начала была обречена на провал, Новая Зеландия в лице ее правительства заявляла, что она поддерживает своих друзей, даже если правда не на их стороне. Австралийские лейбористы в отличие от новозеландских в данном вопросе резко критиковали свое правительство. Правда, отношения Новой Зеландии со своими протекторами не всегда были безоблачными. Назрела необходимость пересмотреть Оттавский договор (заключен в 1932 г. на имперской конференции в Оттаве), касающийся преференций в международной торговле Великобритании со своими доминионами. В связи с обострением противоречий в англо-новозеландской торговле в 1957 г. состоялись новые переговоры. Новая Зеландия добилась некоторых

уступок со стороны Великобритании по снижению тарифов и размеру импорта. Обсуждались проблемы, связанные с предполагаемым вступлением бывшей метрополии в Общий рынок. Новой Зеландии грозила потеря стабильного места сбыта своей сельскохозяйственной продукции. В эти годы Новой Зеландии не удалось склонить США к снижению пошлин на ввоз туда новозеландской шерсти. В поисках новых рынков она заключила в 1958 г. торговое соглашение с Японией.

Опасаясь коммунизма и национально-освободительного движения, Новая Зеландия превратилась в активного участника уже упомянутых блоков. В 1954 г. она вступила в СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии, включавшая, кроме Новой Зеландии, Австралию, Великобританию, Пакистан, США, Таиланд, Филиппины, Францию), в 1955 г. – в АНЗАМ (Военно-политическая группировка Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Малайзии, сформировавшаяся в 1949–1950 гг.). В сфере действия АНЗАМ находилась британская колония Малайя – с 1957 г. независимое государство Малайская Федерация. В 1950 г. страны Содружества начали воплощать в жизнь так называемый «план Коломбо», нацеленный на помощь в экономическом развитии стран Южной и Юго-Восточной Азии. Новая Зеландия полагала, что для противостояния коммунистической угрозе следует поднимать уровень жизни стран этого региона. В 1954–1955 гг. Новая Зеландия избиралась в Совет Безопасности. В период холодной войны ухудшились отношения между Новой Зеландией и Советским Союзом. В 1950 г. перестала функционировать новозеландская миссия в Москве, которая просуществовала с заключения дипломатических отношений в 1944 г. до 1950 г. Однако, как пишет исследователь В. Олтаржевский, «это не означало разрыва дипломатических отношений. Интересы Новой Зеландии в СССР должно было представлять посольство Великобритании в Москве. Советская миссия в Веллингтоне была сохранена. Отсутствие глубоких противоречий между двумя странами, объективная выгодность торгово-экономических связей, взаимные интересы в бассейне Тихого

океана предопределили тенденции к сохранению и развитию двусторонних отношений»⁷. В 1955 г. для предварительных переговоров о заключении торговых соглашений между двумя странами Советский Союз посетил заместитель премьер-министра и министр сельского хозяйства Кит Холиок.

Краткий период правления лейбористов (1957–1960)

Зависимость Новой Зеландии от конъюнктуры на мировом рынке приводила то к временному подъему, то спаду в экономике. Условия торговли во второй половине 50-х годов были хуже, чем в первой, что по существу означало для Новой Зеландии снижение реальной покупательной способности ее экспорта и ежегодного прироста подушевого ВВП. Увеличивался дефицит платежного баланса, уменьшались золотые и валютные резервы. Стране приходилось расплачиваться за односторонний, во многом зависимый характер своего экономического развития.

Негативные процессы в экономике, нестабильность положения, инфляция подрывали веру населения в способность Национальной партии справиться с нараставшими трудностями. Поддержка ее избирателями ослаблялась. Уже в 1954 г. она получила на парламентских выборах всего на 0,2% голосов больше, чем Лейбористская, но вследствие принятой в Новой Зеландии мажоритарной избирательной системы превосходила ее по числу депутатских мест. Неустойчивость ее положения осложнялась внутрипартийными распрями, в результате которых вынужден был уйти в отставку ее лидер С. Холланд. На смену ему пришел Кит Холиок, который долгие годы (с 1947 г.) пребывал в тени премьера и не смог за короткий срок перед выборами сформировать собственное правительство. В противовес Холиоку лидер Лейбористской партии Уолтер Нэш был одним из наиболее известных политиков в стране. Многие рядовые новозеландцы полагали, что именно ему надо дать шанс, что настало «время пе-

ремен». Смены правительства хотели представители левых сил, коммунисты.

Успех лейбористов на парламентских выборах 1957 г. был незначительным: они завоевали на два места больше, чем националисты. И на короткий срок взяли бразды правления в свои руки. Их предвыборные обещания оказались невыполнимыми. Им досталось тяжелое наследство – финансовый кризис, глубину которого националисты старались утаить во время предвыборной кампании. Так, валютные резервы сократились с 83 млн ф. ст. в октябре до 45,5 млн в декабре. Только за один год, с 1956 г. по 1957 г., запас золотых и валютных резервов страны уменьшился на 30%. Непомерными темпами увеличивался дефицит торгового баланса: в сентябре – 4 млн ф. ст., в октябре – 14,2 млн, в ноябре – 20 млн, в декабре – уже 30 млн – самый быстрый рост за всю предыдущую торговую историю Новой Зеландии⁸. Пришлось пойти на крайне непопулярные меры. Был разработан «черный» бюджет, таможенные пошлины на алкоголь, пиво, табак увеличились вдвое; налоги на бензин также почти удвоились. Председатель Федерации труда Ф. Вальш назвал это ограблением кошельков рабочих. Многие члены Лейбористской партии стали покидать ее. В Окленде закрылось около трети ее организаций. В целях снижения дефицита платежного баланса был ужесточен контроль над импортом. Валютные кредиты предоставлялись преимущественно на закупки сырья и промышленного оборудования.

Экономическая стратегия правительства в основном сводилась к трем задачам: лицензированию импорта, индустриализации страны и поискам новых рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Для решения этих задач необходим был пересмотр Оттавских соглашений 1932 г., поскольку при создавшейся торговой конъюнктуре баланс интересов был не в пользу Новой Зеландии. Страна предоставляла английскому импорту преференции в расчете от его стоимости и вследствие роста цен (особенно в годы войны) они сохраняли свое значение. Сама же получала тарифные скидки в зависимости от веса, и их относи-

тельная величина при росте цен резко уменьшалась. Имперские преференции сокращали конкурентные преимущества некоторых товаров новозеландской промышленности, поскольку дорогой британский импорт составлял значительную часть их стоимостной структуры. Кроме того, они препятствовали развитию ряда отраслей, которые не могли конкурировать с английскими. Они ограничивали ее свободу в торговле с другими странами. Англо-новозеландские переговоры относительно Оттавских соглашений проходили в Лондоне в апреле-мае 1957 г. Окончательно новое соглашение было подписано в ноябре 1958 г. Новая Зеландия получила возможность в течение 10 лет поставлять в Англию в неограниченном количестве свою молочную продукцию, а также свинину, птицу и яйца. Она могла снижать до 5% разницу в пошлинах на английские товары и товары из других государств, с которыми заключала двусторонние торговые договора. Последние, однако, содержали количественные ограничения согласно Генеральному агентству по тарифам и торговле (ГАТТ). По меткому определению одного из премьер-министров Новой Зеландии Гордона Коутса, «британский рынок не был бездонным», и правительству Новой Зеландии необходимо было завоевывать для сбыта своих продуктов новые рынки.

Чтобы ослабить зависимость от внешнего рынка, правительство считало необходимым прежде всего форсировать индустриализацию. Был создан государственный фонд промышленного развития. Предполагалось построить предприятия по очистке нефти, по производству стального проката, стекла, алюминия, поднять уровень воды в озерах Манапу и Те Анау, чтобы использовать дешевую гидроэнергию для строительства алюминиевого завода, что вызвало протест защитников окружающей среды. Это была как бы первая ласточка зарождавшегося движения в защиту окружающей среды. У. Нэш также предпринял шаги для создания завода по производству хлопка в г. Нельсоне. Это начинание было негативно оценено общественностью, поскольку позволяло английской компании играть ключевую роль на новозеландском рынке. После поражения Нэша на очередных

парламентских выборах проект был аннулирован. Для реализации промышленных проектов (а их было около 240) нужно было длительное время⁹. Некоторые из них были осуществлены только к 70-м годам XX века. Разработка и внедрение проектов требовали дополнительных расходов и приводили к увеличению налогообложения. Рост налогов был также следствием внешней политики, участия Новой Зеландии в военной стратегии США и Великобритании. Недовольное население требовало снижения налогов, выхода из различных блоков, которые одни называли оборонительными, а другие агрессивными. Активизировалось забастовочное движение, сокращалось членство в профсоюзах.

И тем не менее, несмотря на жесткую экономию и кратковременность пребывания у власти, правительство, возглавляемое У. Нэшем, осуществило ряд прогрессивных мер. В первый же год (чересчур быстро, как считают некоторые исследователи, например Роберт Чапмен) оно повысило, как и сулило в предвыборном манифесте, пособия на детей, и семьи могли капитализировать их в крупную единовременную сумму, чтобы купить дом или оплатить ипотеку. На приобретение жилья предоставлялся также кредит под 3% годовых. Все эти меры помогли многим небогатым людям решить свои жилищные проблемы. Некоторые исследователи считают, что эти меры были проведены слишком рано, поскольку на фоне последовавшего затем драконовского бюджета они не казались таким уж благом. Кроме того, в конце правления, перед выборами, лейбористы уже не могли предложить населению ничего, равного шагам, предпринятым в начале правления. Правительство У. Нэша ввело в государственном секторе равную оплату за равный труд, независимо от пола. Отменило, несмотря на протесты со стороны Национальной партии, обязательную воинскую повинность.

У. Нэш был влиятельной фигурой на международной арене. Современникам казалось, что его занимают не столько социальные проблемы внутри страны, сколько вопросы войны и мира. Его волновали судьбы стран Азии и Дальнего Востока. Он уча-

ствовал в работе конференции ЭКАДВ (Экономическая комиссия ООН для Азии, Дальнего Востока) в Куала-Лумпуре, справедливо полагая, что «самая большая угроза безопасности не политическая философия, а нищета и голод»; и, если азиатские государства хотят избежать коммунизма, им необходимо поднимать жизненный уровень населения. У. Нэш путешествовал по миру, присутствовал на многочисленных международных конференциях, встречался с Г. Макмилланом, Дж. Неру, Н. С. Хрущёвым. В 1960 г. в апреле с официальным визитом побывал в Москве. У. Нэш принимал участие в обсуждении важных мировых проблем: о всеобщем и полном разоружении, Договора об Антарктике, подписанном в Вашингтоне 1 декабря 1959 г., относительно замораживания всех территориальных претензий на этом континенте и использования его исключительно в научных, мирных целях и т.д.

Во внешнеполитических делах У. Нэш отличался умеренностью, терпимостью, готовностью к сотрудничеству с государствами разных политических систем. «Мы в Новой Зеландии, – сказал он 23 апреля 1960 г. на приеме в Большом Кремлевском дворце, – не боимся мирного соревнования, ибо мы верим, что нашли хороший образ жизни, который обеспечивает нам социальную справедливость, свободу и такое индивидуальное удовлетворение, какое наилучшим образом подходит нам. Однако мы самым естественным образом рассчитываем на искреннее сотрудничество. И мы с надеждой ждем такого времени, когда не одна система станет на место другой, а когда будут сглажены все острые шероховатости в наших отношениях, когда привычка к сотрудничеству приведет к настоящей общности народов, которые каждый по-своему будут посвящать свои усилия улучшению благосостояния своих граждан»¹⁰. В свете последующих событий нельзя не признать эти слова и надежды справедливыми. Но, к сожалению, они были сказаны, когда еще продолжалась холодная война, блоковая политика и связанные с ней процессы.

Премьер-министр этой небольшой страны во многом опередил свое время. Некоторым его надеждам и чаяниям удалось

реализоваться лишь в последнее десятилетие XX века и в начале XXI. Однако международный авторитет У. Нэша не помог ему на очередных парламентских выборах. Более того, часть электората не одобряла его заграничные поездки, неоднократное отсутствие на родине. На ухудшение отношения к Нэшу повлиял и тот факт, что, когда в 1959 г. Спортивный союз исключил по просьбе властей ЮАР маори из состава новозеландской сборной команды по регби, У. Нэш, несмотря на возмущение общественности, в том числе и людей из его окружения, поддержал решение спортивного руководства, уверяя, что так лучше для маори: «Было бы актом огромной глупости и жестокости по отношению к маорийской расе позволить ее представителям посетить страну, где цвет кожи считается знаком неполноценности»¹¹. Это решение стоило ему потери многих голосов на парламентских выборах 1960 г.

Накануне выборов он разъезжал по стране с заверениями, что в Новой Зеландии дела никогда не обстояли так благополучно, как теперь, что каждому жителю будет снова хорошо, что, естественно, раздражало население. В противовес ему лидер оппозиции Кит Холиоок, зная, что большинство избирателей отвернулись от лейбористов, был осторожен в своих обещаниях, дабы быть свободным в своих дальнейших действиях. Лейбористы не смогли в условиях падения цен на основные продукты новозеландского экспорта, спада деловой активности осуществить намеченные социально-экономические цели. В 1960 г. с перевесом в 12 мест к власти вновь пришла Национальная партия.

Национальная партия снова у власти (1960–1972)

Лидером победившей Национальной партии был искушенный в политических делах Кит Холиоок. Он стал первым премьер-министром страны, родившимся в XX веке (1904). К. Холиоок происходил из небогатой семьи и после смерти отца в

12 лет был вынужден бросить школу и зарабатывать на жизнь. Впоследствии, став управляющим фермой, он участвовал в различных фермерских организациях. Политическую карьеру начал как член парламента от Партии реформ, сыграл важную роль в становлении Национальной партии, являясь с 1946 г. заместителем, а затем и главой партии. Впервые он стал премьер-министром за два месяца до парламентских выборов 1957 г., когда прежний лидер партии подал в отставку по состоянию здоровья. Национальной партии в тот год не удалось завоевать большинства голосов, и Холиок три последующих года возглавлял оппозицию. На следующих парламентских выборах, когда Национальная партия победила, он возглавил правительство. Успех партии был во многом обеспечен хорошо проведенной Холиоком предвыборной кампанией, в ходе которой он завоевал симпатии избирателей, критикуя «черный бюджет» лейбористов, увеличивавший налоги на бензин, алкоголь и табак. В результате срок его правления был третьим по продолжительности среди новозеландских премьер-министров.

Кит Холиок не был столь блестящей фигурой, как У. Нэш, но он был хладнокровен, умел тормозить процессы, быстрое решение которых грозило серьезными переменами или ущербом для власти; имел политическое чутье, ставил своей целью – достижение консенсуса. Ему доверяли, и он четыре раза переизбирался премьер-министром. Вот что писал о К. Холиоке премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю: «Одним из премьер-министров Новой Зеландии, находившихся у власти продолжительное время, был Кит Холиок. Я впервые встретился с ним в 1964 году в аэропорту Сингапура, когда город еще входил в состав Малайзии. Он был крепким человеком, с глубоким сильным голосом, раздававшимся из широкой, мощной груди. Холиок был очень простым человеком безо всяких претензий, – он был фермером и гордился этим. Он не строил из себя интеллектуала, но обладал здравым смыслом, что, видимо, и позволило ему победить на четырех выборах подряд и занимать должность премьер-министра с 1960 по 1972 год. Он мне нравился, я уважал его за

честность и убедился, что под давлением он сохранял невозмутимость и спокойствие»¹².

Пребывая три года в оппозиции, К. Холиок создал дееспособный кабинет, включив в него четырех сравнительно молодых людей. Один из них, Джозиян Ральф Хэнэн, министр юстиции, успешно провел работу по либерализации уголовного права и закона о разводах. Именно он, несмотря на ожесточенное сопротивление (в том числе и многих коллег по партии), добился отмены смертной казни. В 1962 г. был создан институт омбудсмена, т.е. учреждена должность парламентского чиновника, в функции которого входил контроль за деятельностью правительственных учреждений, школьной и больничной администрации, таможни, налоговой инспекции, иммиграционной службы и т.д. Ему надлежало также защищать граждан от произвола со стороны государственных служащих, рассматривать жалобы и претензии. Новая Зеландия – четвертая страна в мире (после Швеции, Норвегии, Дании) ввела такую службу. Ее примеру последовали другие англоязычные страны, бывшие доминионы Великобритании – Австралия и Канада. В условиях однопалатной системы омбудсмен помогает рассредоточению государственной власти, соблюдению законности, контролю общества над государственным аппаратом. К тому же он разгружает парламент, освобождая депутатов от рутинной работы по разборке жалоб. Омбудсмен дает правительству рекомендации, и, хотя они не имеют обязательного характера, к ним, как правило, прислушиваются, поскольку авторитет этого института в Новой Зеландии достаточно высок. На должность омбудсмена в стране назначают чиновника, единогласно поддержанного как правящей, так и оппозиционной партиями. Он как бы стоит над ними, независим от них, являясь народным заступником.

Стремясь ослабить Лейбористскую партию, К. Холиок реорганизовал профсоюзы, сделав членство в них необязательным, но это мало что дало: большинство промышленных рабочих не покинули их. Будучи центристом, он сумел сплотить вокруг себя

способных энергичных деятелей, занявших впоследствии ключевые посты в Национальной партии и сформированном ею правительстве. В отличие от своей соперницы Лейбористской партии Национальная партия выступала более сплоченно в своих рядах и была последовательной в своей политике.

Курс на индустриализацию и диверсификацию

В области экономики Национальная партия продолжала курс лейбористов, нацеленный на превращение страны из аграрной в аграрно-индустриальную. Это было насущной потребностью. Ибо развитие новозеландской экономики носило однобокий характер. Обрабатывающая промышленность была развита слабо, ее предприятия занимались в основном переработкой сельскохозяйственной продукции: мяса, молока шерсти, идущих на экспорт; имелись крупные, хорошо оборудованные мясокомбинаты, сыроварни, маслобойни. Поставленная цель предполагала усиленную индустриализацию, диверсификацию промышленности и рынков сбыта, особенно необходимых в свете намерения Великобритании вступить в Общий рынок, в результате осуществления которого Новой Зеландии неминуемо грозило сужение гарантированного традиционного рынка сбыта ее сельскохозяйственной продукции. Сама Новая Зеландия (несмотря на противодействие части левых сил и бизнесменов с «сомнительной репутацией», опасавшихся, что страна подпадет под чужой контроль) почти последней, исключая государства советского блока, вступила в 1961 г. в члены Международного валютного фонда (МВФ).

Продолжалось и даже усилилось вмешательство государства в экономику. Правительство пыталось координировать свои намерения и устремления частного сектора путем так называемого индикативного планирования, а также планирования по отдельным показателям. Диверсификацию и планирование рекомендовали проводить Новой Зеландии эксперты Международного бан-

ка реконструкции и развития (МБРР), которые изучали по просьбе новозеландского правительства экономическую ситуацию в стране. Состоялся ряд конференций, посвященных вопросам развития промышленности (1960), экспорта (1963), сельского хозяйства (1964). В два этапа – в августе 1968 г. и мае 1969 г. проводилась конференция по вопросам национального развития. На них разрабатывалась стратегия экономического прогресса, составлялись краткосрочные и долгосрочные прогнозы темпов роста ВВП, объема производства промышленной продукции, развития других отраслей народного хозяйства. Так, на конференции 1969 г. впервые был составлен прогноз на 1969–1973 гг., определивший стабильный ежегодный прирост ВВП в целом (4,5%) и на душу населения (2,7%), возможный при увеличении рабочей силы (2%), ее эффективности (2,15%) и объема инвестиций не менее 25,5% валового внутреннего продукта¹³. Вводилась система программирования по образцу США и Великобритании, увязывающая в единое целое разработку бюджета, экономический анализ и планирование. «Планирование, но не социалистическое» – такова установка Национальной партии. После проведения второго этапа конференции, в июле 1969 г. правительство создало Совет по национальному развитию, куда, наряду с членами правительства, служащими министерств, вошли представители общественных организаций: федерации промышленников, труда и других объединений, призванных наблюдать за выполнением задач, поставленных на конференции. Однако эти начинания не были успешными. Реальные индикаторы развития оказались ниже запланированных. ВВП за 1969–1973 гг. увеличился в среднем на 3,5%, а в расчете на душу населения – 2%¹⁴.

Основным направлением экономической политики оставалась диверсификация производства и рынков сбыта. До конца 1960 г. это считалось более важным, чем непосредственный рост объема экспортных товаров. Подавляющая часть новозеландского экспорта, как и раньше, приходилась на продукцию сельского хозяйства. Удельный вес ее стоимости в общей стоимости новозеландского экспорта равнялся в 1950 г. – 95,6%, в 1960 г. –

93,6%, в 70-е годы – 82,2%, причем в Великобританию шло до 90% всего экспорта масла, 75% – сыра, 86% – ягнятины, 20% – шерсти¹⁵. После войны к экспортным статьям прибавились еще лес, пиломатериалы, бумага. К расширению географии своей внешней торговли Новую Зеландию вынудили прежде всего ведущиеся с 1961 г. переговоры Великобритании о присоединении ее к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС). Они длились 12 лет. Великобритания вступила в ЕЭС в 1973 г. В связи с сужением английского рынка для сбыта сельскохозяйственной продукции (в 1950 г. туда шло 66% всего экспорта, в 1960 г. – 53%, в 1969 г. – 39%)¹⁶ Новая Зеландия начала развивать торговые отношения с Австралией, странами Европы, Азии и Океании. В том же направлении менялась и география импорта Новой Зеландии, который включал промышленное и транспортное оборудование, сырье и различные полуфабрикаты для местной промышленности.

В послевоенные годы главным поставщиком импорта в Новую Зеландию оставалась Великобритания. Удельный вес ее товаров среди всего новозеландского импорта составлял в 1946 г. 47,8%, в 1950 г. – 60,1%, затем он начал снижаться: в 1960 г. – 43%, 1969 г. – 31%¹⁷. Одновременно увеличивалась доля импортной продукции, поступавшей из Австралии, США, Японии. При этом если до Второй мировой войны Новая Зеландия специализировалась на сборке и ремонте машин, а станки и оборудование ввозила из Англии, то в послевоенные годы она сама стала производить промышленное оборудование для сельского хозяйства (тракторы, уборочные машины, элеваторы, доильные аппараты и т.д.), горнодобывающей и пищевой промышленности. И даже начала вывозить промышленные изделия в другие страны. Так, в 1950 г. доля их в общей стоимости новозеландского экспорта составляла 0,2%, 1960 г. – 1,6%, 1970 – 6%¹⁸. Ускоренное промышленное развитие Новой Зеландии привело к тому, что после войны удельный вес промышленности в ВВП уже превосходил, правда, ненамного, аналогичный показатель для сельского хозяйства (см. табл. 2).

Таблица 2

Отраслевая структура ВВП, 1955 г.

Отрасль	%
Сельское хозяйство	20,7
Лесное хозяйство	0,8
Рыболовство	0,3
Добывающая промышленность	1,0
Обрабатывающая промышленность	21,6
Строительство	8,2
Электро-, газо- и водоснабжение	1,6
Сфера обслуживания	45,8

Источник: New Zealand Official Yearbook, 1971.

В первые послевоенные десятилетия начала меняться и сама структура промышленного производства. Различные отрасли его развивались крайне неравномерно. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в машиностроении, химической, целлюлозно-бумажной промышленности, но также и в традиционной текстильной отрасли. При общем росте производства с 1957 г. по 1974 г. в 2,9 раза в машиностроении он увеличился в 5,7 раза, в текстильной – в 5,2 раза, в целлюлозно-бумажной – в 4,4 раза¹⁹. Возникли современные предприятия, специализирующиеся на переработке нефтепродуктов, производстве удобрений, синтетического волокна, бытовой химии, лекарств. Стали создаваться такие отрасли, как электротехническая, электроника. Быстрым темпом шла диверсификация обрабатывающей промышленности. Расширялся ассортимент выпускаемых ею товаров. Она производила как сложное гидравлическое оборудование, электромоторы, самолеты сельской авиации, так и химическую продукцию, а также товары широкого потребительского спроса. Началось развитие промышленности, базирующейся на местном сырье и использующей природные богатства: лес, железную руду, гидроэнергию.

В целом отраслевая структура новозеландской промышленности постепенно приближалась к структуре развитых стран, но уступала им по эффективности. Как и в других странах, удельный вес стоимости промышленности в валовом внутреннем продукте увеличивался, а сельского хозяйства уменьшался. В 1955 г. аналогичный показатель в промышленности достигал 21,6%, в 1972 г. – 24%; сельского хозяйства – соответственно 21,8 и 14,2%²⁰. Число занятых в обрабатывающей промышленности, их доля в самостоятельном населении неуклонно увеличивались. Однако темпы роста занятости значительно отставали от темпов роста стоимости валовой продукции обрабатывающей промышленности, что свидетельствовало о повышении производительности труда. И тем не менее получившая толчок для своего развития в годы Второй мировой войны, когда ввоз товаров в страну резко сократился, обрабатывающая промышленность, создававшаяся в основном как импортозамещающая отрасль, отличалась низкой эффективностью. Она была недостаточно конкурентоспособна и в соответствии с разработанным еще при У. Нэше курсе на «инсоляцию» (концепция экономического «островного» национализма. – Л. С.), защищена от внешнего рынка системой преференций, тарифов, квот, импортных лицензий, экспортных льгот, гарантированных цен производителям и т.д.

Заметную роль в индустриализации страны играл иностранный капитал. На протяжении 50-х годов поток прямых частных инвестиций в Новую Зеландию составлял в среднем ежегодно от 20 до 30 млн новозел. долл.; в 60-е годы – от 28 до 63 млн. Характерно, что с 60-х годов направление его несколько изменилось: раньше вложения шли в основном в сельское хозяйство и торговлю, в 60–70-е годы увеличились инвестиции в обрабатывающую промышленность. Так, с 1970 по 1974 г. в эту отрасль было вложено 54,7% всех иностранных инвестиций. К началу 70-х годов иностранные компании контролировали около 21,2% всего акционерного капитала промышленности. При этом позиции транснациональных и других крупных компаний были особенно сильны в быстроразвивающихся новых отраслях про-

изводства. Так, в отрасли, выпускающей электротовары, радио и телевизоры им принадлежало до 90% капитала, нефтеперерабатывающей – 85%²¹. Широкое привлечение иностранного капитала, а в дальнейшем и государственных средств способствовало созданию ряда сравнительно крупных заводов*, повышению уровня концентрации производства и занятых, а также производительности труда. Однако в 50–60-е годы он был невысок. Существовала масса мелких предприятий, ремонтных мастерских, обслуживаемых незначительным числом рабочих. Так, число занятых в расчете на одно предприятие составляло в среднем в 1950 г. – 17,8, 1960 г. – 20,7²². В середине 50-х годов свыше 90% промышленных предприятий нанимали от одного до пятидесяти рабочих. Примерно на половине предприятий трудилось до 10 человек. Заводы с численностью в 200 рабочих и более составляли менее полутора процентов²³.

В отличие от промышленности для сельского хозяйства Новой Зеландии была характерна высокая концентрация земель, преобладание крупных и средних ферм, постоянно поглощающих мелкие фермы. Так, с середины 50-х годов к 1972 г. число ферм сократилось на одну треть. Особенно драматичным было уменьшение числа молочных ферм: с 40 тыс. в 1950 до 17 тыс. – в 1976 г.²⁴ В стране формировался аграрно-промышленный комплекс, в котором, по подсчетам исследователя И. Григорьевой, концентрировалось до 55% всего самостоятельного населения²⁵. Ослабление традиционных торговых связей с Великобританией сказалось и в переходе Новой Зеландии в 1967 г. к новой денежной системе: от новозеландского фунта по паритету равного английского фунта стерлингов к новозеландскому доллару, который стал вдвое дешевле английского фунта стерлингов.

* В 1969 г. вступил в строй один из крупнейших в мире алюминиевых комбинатов; с 1973 г. – завод по производству пиломатериалов и очищенной целлюлозы, которая экспортировалась в Японию.

Продолжая линию лейбористов на активное вмешательство государства в экономику, правительство Национальной партии в области здравоохранения, просвещения, социального обеспечения стремилось поощрять частную инициативу, поддерживало частное предпринимательство. Не отменяя основных, в свое время революционных реформ лейбористов в этих важных сферах человеческой деятельности, оно ослабило государственный контроль над ними, приветствуя существование наряду с государственными, частных школ, больниц, благотворительных учреждений, а также фондов страхования здоровья, жизни, имущества. Более того, правительство оказывало им непосредственную помощь, оплачивало 20% работы преподавательского состава, выделяло дополнительные фонды и т.д. В стране наблюдался «классовый» мир, не было безработицы. Государство брало на себя функции по поддержанию жизненного уровня, сглаживанию неравенства и гарантировало безопасность.

Новозеландское общество в 60–70-х годах XX века

За 30 послевоенных лет население Новой Зеландии увеличилось с 1,7 млн. человек до 3 с лишним миллионов. До середины 60-х годов ежегодный прирост превосходил 2%, более, чем во многих других странах с преимущественно европейским населением. Численность населения росла за счет естественного прироста, роль которого в его формировании была значительнее, чем когда-либо, и иммиграции. Коэффициент рождаемости, достигавший в 1935–1936 гг. 16 рождений на каждую тысячу жителей, поднялся до 26 – в конце 1940-х годов и оставался таким до 1961 г. Иммиграция составила в 1947–1967 гг. 225 тыс. человек²⁶. 17% иммигрантов получали государственную помощь. Наблюдались изменения в модели заключения браков, существовавшей задолго до этого столетиями у европейцев, когда они совершались в более позднем возрасте, и большая часть населения вообще не вступала в брак. Теперь браки стали более ранними и

почти всеобщими. Такие традиции поддерживались полной занятостью, введением социальных гарантий, ростом участия жен в экономической деятельности. Семья могла строиться и существовать на два дохода, получаемые благодаря работе как мужчины, так и женщины. Доля супружеских пар, имевших от двух до четырех детей, возросла по сравнению с периодом между двумя войнами, но не наблюдалось возврата к большим семьям, которые были характерны для предыдущего столетия. Англо-новозеландцы стремились быстро обзавестись небольшой по составу семьей. Однако среди них росло и число бездетных пар.

С 1962 г. в стране наблюдалось снижение фертильности у европейских женщин; к 1978 г. уже не обеспечивалось производство поколений. Резкое снижение фертильности маскировалось послевоенным «бэби бумом», под влиянием которого формировались семьи в конце 60-х – начале 70-х годов. За 1962–1973 гг. на треть увеличилось число внебрачных детей. Ранние браки еще сохранялись, но состав европейской семьи уменьшился, маорийской, напротив, увеличился. Численность маорийского населения быстро росла, достигнув к 1976 г. 270 тыс.²⁷ Среднегодовой естественный прирост был высоким: в 1956–1971 гг. составлял примерно 3,4%. Уменьшалась смертность, особенно детская, постепенно приближаясь к уровню европейской. Существенное падение уровня детской смертности было вызвано резким снижением (начиная с середины 1960-х годов) фертильности маорийских женщин. Приближение коэффициента фертильности маориек к европейскому уровню в конце 1970-х годов свидетельствовало о трансформации маорийской жизни в послевоенные годы.

В 1970–1975 гг. прирост населения в Новой Зеландии был выше, чем во многих развитых странах. Он составлял в среднем 1,9% в год, в то время как в Австралии – 1,5, Канаде – 1,4, США и Франции – 0,8, Швейцарии – 0,7, Дании – 0,5, Швеции – 0,4, Великобритании – 0,2%²⁸. Иммиграция перестала играть заметную роль в формировании населения. По переписи 1976 г., 83% опрошиваемых назвали местом своего рождения Новую Зелан-

дию, 9,3% – Великобританию, 2% – Австралию, 1% – о-ва Кука, 0,7% – Нидерланды²⁹. Менялось соотношение между иммигрантами и эмигрантами. В конце 1960-х годов впервые после депрессии страна стала терять население из-за эмиграции. В начале 70-х годов баланс был быстро восстановлен, и в первую половину 70-х годов число иммигрантов превзошло число эмигрантов более, чем на 100 тыс. За 1966–1976 гг. удвоился поток иммигрантов из соседних тихоокеанских островов: с 26 271 до 61 354³⁰. Однако в 1978–1979 гг. впервые в истории страны отток эмигрантов, главным образом в Австралию, превысил приток населения за счет естественного прироста. Менялось и отношение к иммигрантам: появилось скрытое недоброжелательство, в них стали видеть конкурентов на получение работы и жилья.

Существенно изменилась структура населения. В 1961 г. дети до 15 лет составляли 34% жителей (в 1945 г. – 27%). Маорийское население было моложе европейского. В 1966 г. маори до 15 лет составляли половину всех маорийцев³¹. Основная масса населения (70%) концентрировалась на Северном острове: здесь мягкий климат, рельеф, более подходящий для занятия сельским хозяйством. Большинство населения проживало в городах: по переписи 1961 г., в городах обитало 63,6%, в сельской местности – 36,4%³². Крупные города в большей степени, чем раньше, обеспечивали воспроизводство своего населения. Так, в 1966–1975 гг. 47% количественного увеличения населения Окленда шло за счет естественного прироста и 23% – в результате миграции непосредственно из-за рубежа³³. К концу 60-х годов сельское население уменьшилось как относительно численности всего населения, так и абсолютно. Северный остров был более урбанизирован. Жители сельских районов двигались сначала в мелкие города, затем в города побольше и, наконец, – в крупные городские центры. Перепись 1971 г. вскрыла большую мобильность населения: почти четверо из каждых 10 новозеландцев поменяли место проживания по крайней мере один раз за предшествующие 5 лет. Служащие чаще, чем рабочие, меняли место жительства. Наибольшая мобильность наблюдалась в Окленде и

Веллингтоне. В первые послевоенные годы жители крупных городов двигались от центра к окраине, а в 60-х годах – снова в центр.

Урбанизация коснулась и маорийского населения. Если в конце войны три четверти маорийского населения еще жили в сельской местности, то к середине 70-х годов три четверти его обитало в городах. Направлялись маори в основном в крупные городские ареалы, такие, как Окленд, где они могли найти работу. Тысячи полинезийцев – выходцев с островов Океании также переселялись в поисках работы из деревни в крупные города. Здесь они жили обособленно, часто в отдельных кварталах, своеобразных (неформальных) гетто. Также обособленно жили в городах эмигрировавшие в Новую Зеландию индийцы и китайцы. Города становились очагами неравенства, волнения, которые могли приобретать формы этнических столкновений.

Среди белого населения сложился определенный стиль жизни в предместье. Одноэтажный дом с верандой, с двумя-тремя спальнями для семьи с детьми, что отражало стремление к уединенности и покою. Образ жизни свидетельствовал об индивидуализме, эгалитаризме, культурной гомогенности белого населения. Жизнь в собственном коттедже создавала иллюзию безопасности, независимости и респектабельности. Домовладение было хорошим вложением капитала, оно повышало социальный статус хозяина. Удельный вес домовладельцев вырос в 50-е годы с 61% до 69%³⁴. В жизни предместья как бы фокусировалось послевоенное стремление новозеландского общества к удовлетворению все возрастающих материальных потребностей. Если в конце 40-х годов немногим более половины жителей имели одну, а то и две автомашины, косилку для подстригания газонов, холодильник, электрическую плиту, стиральную машину, то в середине 60-х годов такой набор стал универсальным и имелся почти в каждом доме. Правда, это относилось только к европейскому населению. Миграция в города улучшила жилищные условия маори, но большинство их могло себе позволить селиться лишь в районах с самой дешевой государственной застройкой.

За 30 послевоенных лет изменилась социальная структура населения. К 1971 г. лица, занятые в сельском хозяйстве, составляли 12%, «синие воротнички» (рабочие) – 38%, «белые воротнички» (служащие) – 41% всего самодеятельного населения³⁵. Неуклонный рост численности конторских работников был связан с развитием науки и техники. Требовались люди, способные обслуживать печатные, счетные и другие машины. Умножались и усложнялись функции по управлению производственными процессами. Усиление роли государства внесло здесь свою лепту, поскольку способствовало росту бюрократии. К 1970 г. насчитывалось свыше четверти миллиона государственных чиновников. Расширение армии служащих до некоторой степени обусловливалось и все большим вовлечением в производство женщин. Если в 1951 г. в Новой Зеландии работала четвертая часть женского трудоспособного населения, то через 20 лет, в 1971 г. – третья часть. При этом уменьшение размеров семьи, снижение относительных показателей рождаемости, а также стремление иметь собственный заработок, не зависеть от мужа способствовали увеличению на предприятиях численности замужних женщин. Этому способствовала также механизация многих трудовых процессов. В связи с развитием систем образования и здравоохранения, расширением сферы обслуживания, повышением уровня жизни сокращаются часы, необходимые для домашней работы, появляется больше времени для общественно полезного труда. В 1971 г. замужние женщины составляли почти половину всей женской рабочей силы, причем две трети всех работающих женщин были служащими, среди мужчин таких была одна треть. И все же, несмотря на быстрый рост удельного веса работающих женщин, Новая Зеландия отставала по этому показателю от ряда других развитых стран: в Новой Зеландии он был равен 23,3%, в Австралии – 26,7, Канаде – 28,3, США – 29,5, Великобритании – 32,9, Японии – 39,1% всех женщин³⁶.

Как и в большинстве развитых стран, в Новой Зеландии неуклонно снижался удельный вес занятых в сельском хозяйстве. Это явление было обусловлено многими факторами: во-первых,

процессами урбанизации, оттоком сельского населения в города. Во-вторых, индустриализацией и химизацией сельского хозяйства, его большей специализацией, что ведет к повышению производительности труда и, следовательно, к уменьшению потребности в рабочей силе в расчете на единицу земельной площади, поголовья скота и т.д. Это означало, что «излишние» работники вынуждены искать приложения своим рукам в городах, а не сельскохозяйственной сфере деятельности. К тому же осуществлялся переход многих операций, которые раньше выполнялись в сельском хозяйстве, в сферу промышленного производства и обслуживания. Однако, несмотря на относительное и абсолютное снижение числа занятых в сельском хозяйстве, фермерство оставалось одним из наиболее престижных занятий, а сами фермеры являли собой сплоченную группу, четко осознающую свои корпоративные интересы.

По мере социально-экономического развития страны все более отчетливо проявлялась и другая тенденция, свойственная большинству развитых стран, – сокращение удельного веса занятости в материальном производстве и увеличение в непроизводительной сфере (см. таблицу 3).

Таблица 3

Занятость самодельного населения, %

Секторы экономики	1961 г.	1966 г.	1976 г.
Первичный	15,2	13,7	10,8
Вторичный	35,8	37,2	34,1
Третичный	49,0	49,1	55,1

Составлено по: New Zealand Official Yearbook 1977; New Zealand Official Yearbook 1970.

В первичный сектор новозеландская статистика включает сельское и лесное хозяйство, горнодобывающую промышленность; во вторичный – обрабатывающую промышленность,

строительство, энергетику; в третичный – транспорт, торговлю, сферу услуг, государственный аппарат. Как видно из таблицы, удельный вес занятости в первичном секторе сократился в полтора раза; во вторичном секторе если и уменьшился, то крайне незначительно: в третичном увеличился примерно на 6 процентных пункта. При этом впервые в истории Новой Зеландии начиная с середины 70-х годов именно в этом секторе была занята сначала половина, а затем и большинство всего самостоятельного населения.

Таким образом, если в 50–60-х годах прошлого века преобладала тенденция к росту абсолютного и относительного числа работников, связанных с основными отраслями материального производства, то в последующие годы и десятилетия положение изменилось. Занятость в горнодобывающей промышленности, в строительстве, в электро-, газо- и водоснабжении, на транспорте стала сокращаться. В обрабатывающей промышленности она в 1971 г. оказалась на уровне 1966 г. Снижение темпов роста численности промышленных рабочих обусловлено последствиями научно-технической революции, механизацией и автоматизацией производственных процессов, сокращением доли лиц физического труда. На протяжении 60-х годов доля таких лиц, занятых в промышленности, на транспорте, в строительстве, электро-, газо- и водоснабжении, торговле, обслуживании и т.д., неуклонно падала. Так, в 1961 г. она достигала 45,7% самостоятельного населения и 45,6% армии наемного труда; в 1966 г. соответственно – 38,1 и 44,9%; в 1971 г. – 35,2 и 41,1%³⁷. Удельный вес женщин среди работников физического труда, исключая сельскохозяйственное хозяйство, был невелик (12–14%) и мало изменялся на протяжении указанного периода.

Уровень безработицы в Новой Зеландии в отличие от большинства развитых в эти годы был невысок и не превышал к началу 70-х годов полутора процентов всего самостоятельного населения. Доля безработных женщин была выше, чем мужчин. Безработица среди маори была также значительно выше, чем среди англо-новозеландцев. Подавляющую часть безработных пред-

ставляла молодежь. Лица моложе 25 лет составляли около 65% всех, не имеющих работы. Такое положение характерно для многих развитых стран. Юноши и девушки, вступая в жизнь, не всегда могут быстро найти в ней свое место.

В послевоенные годы Новая Зеландия – страна сплошной грамотности. Закон 1964 г. предусматривал всеобщее обязательное начальное и среднее образование, бесплатное в государственных школах. Государство тратило на просвещение значительную часть своих доходов: в середине 1970-х годов она достигала 15–16% (в 1945–1946 г. – 6%)³⁸. За десятилетия, прошедшие со дня окончания войны, число учеников, посещающих начальные школы, почти удвоилось, в средних – возросло почти в четыре раза, в высших учебных заведениях – утроилось. Согласно переписи 1971 г., 83,4% учащихся хотя бы один год посещали среднюю школу, однако заканчивали ее далеко не все. Многие покидали ее после двух-трех лет обучения (курс полной средней школы был рассчитан на 5 лет). В 1971 г. среди мужчин, занятых физическим трудом в обрабатывающей промышленности, в строительстве, на транспорте, а также в торговле и обслуживании, аттестат об окончании среднего учебного заведения имели 10,4%, высшего – 0,3%. Профессиональную подготовку на уровне средних и высших учебных заведений получили 22%. Сюда входили 65 тыс. лиц со средним профессионально-техническим образованием, 3,5 тыс. инженеров, 0,8 тыс. агрономов, 0,8 тыс. лиц, окончивших коммерческие факультеты³⁹.

Женская общеобразовательная и профессиональная подготовка отставала от мужской. Среди 58 тыс. женщин, занятых физическим трудом на аналогичных предприятиях, только 0,2% закончили высшие учебные заведения, 6,9% – средние, 3,4% получили среднее профессионально-техническое образование⁴⁰. По мнению новозеландского ученого П. Лэйна, «рабочая сила страны хорошо образована: свыше 30% лиц имеют университетские дипломы, 8% – педагогические, 25% – аттестаты полной средней школы или более высокие (т.е. сдали вступительные экзамены в университет или другие высшие учебные заведения) и 10% –

удостоверения об окончании профессиональных технических учебных заведений. В целом 48% рабочей силы обладают профессиональной квалификацией»⁴¹. Конечно, большинство тех, кого П. Лэйн считает высокообразованными, входили в группу специалистов, управляющих, служащих, занимающих высшие административные должности. Качество образования, которое получали рабочие, было гораздо ниже, чем у выходцев из привилегированных слоев населения, которые обычно обучаются в лучших частных школах. Так, например, на протяжении первой половины XIX века в привилегированных учебных заведениях среди учащихся насчитывался лишь один процент выходцев из рабочей семьи. Как правило, 20% всех детей школьного возраста посещали те же школы, что и их отцы⁴².

Женское и мужское образование отличалось по своему направлению. В университетах большинство женщин учились на гуманитарных факультетах. В 1970 г., например, девушки составляли 65% всех студентов, изучавших педагогику, 46% – историю, 66% – французский язык и только 17% – экономику, 15% – математику⁴³. Подавляющая часть женщин, закончивших высшие учебные заведения, работала учителями, врачами, библиотекарями и т.д. Значительно реже встречались среди женщин инженеры, банковские служащие. До середины 1960-х годов девушки чаще, чем юноши, бросали школу, недоучившись. Так, в 1961 г. из школы ушло 29% девочек, достигших 15 лет, и 22% мальчиков. В высшие учебные заведения девушки попадали значительно реже, чем мальчики. В 1963 г., например, 75% всех студентов составляли лица мужского пола⁴⁴. Однако с середины 60-х годов, как свидетельствуют данные переписей 1966 и 1971 гг., девушек в средней школе обучалось больше, чем мальчиков. В 1966 г. 4–5 классов средней школы закончило 14% девушек и 12,4% юношей, в 1971 г. – соответственно 18,6% и 16,9%. В результате в возрастной группе 15–19 лет аттестаты об окончании среднего учебного заведения имели 28% девушек и 24,3% юношей⁴⁵.

Несмотря на отличия, особенно в городах, в условиях и образе жизни различных слоев населения, которые определялись родом занятий, квалификацией, размером семьи, характерной чертой новозеландского общества был относительный эгалитаризм. По словам новозеландского исследователя Р. Мильна, в его стране «больше равенства и демократии»⁴⁶. И это справедливо. Расслоение в обществе хотя и присутствовало, было не такое резкое, как в западных странах. Так, группа лиц, получающих средний доход (от 501 до 1100 новозел. ф.), охватывала более половины самостоятельного населения (54,6%), лиц, имеющих высокие доходы (от 1500 и более новозел. ф.), насчитывала только 6,5%⁴⁷. Ряд исследователей, в том числе и Р. Мильн, отмечали политическую апатию рабочих, которые недостаточно отчетливо осознают различия «между теми, кто вкладывает свои деньги в предприятия, чтобы получить выгоду, и теми, кто вкладывает свою жизнь в предприятие для того, чтобы иметь возможность существовать». Однако с середины 50-х годов наблюдался рост забастовочного движения. В 1955–1965 гг. в среднем ежегодно состоялась 71 забастовка; на 1000 наемных работников приходилось в среднем 26 бастующих и 54 потерянных рабочих дня. «Противоречия (между трудом и капиталом. – Л.С.), – подчеркивал У. Нэш, – будут сохраняться до тех пор, пока существует нынешняя экономическая система»⁴⁸.

Положение маори и расовая дискриминация

В эти годы кардинально изменилась и структура маорийского населения. Из сельских жителей маори превратились в горожан. Миграция маори в города – вынужденное явление. Это следствие грабительской политики колонизаторов. До середины 50-х годов поток их в города был медленным. В 1936 г. в сельской местности проживало 91% маори, в 1945 г. – 84%, в 1951 г. – 81%; в 1961 г. их доля упала до 66,6%⁴⁹. Дело в том, что после 1951 г. цены на продукты сельскохозяйственного экспорта

снизились, и число маори, занятых в сельском хозяйстве, начало сокращаться. Показательно, что уменьшалось число молочных ферм, а традиционно маори были склонны трудиться именно в таких хозяйствах. Еще в 1960 г. 54% всех маорийских ферм были молочными; для всего новозеландского населения аналогичный показатель равнялся 40%. За 1950–1960 гг. размер земельных угодий, занятых маорийцами под молочные фермы, сократился с 325 тыс. акров до 270 тыс., а число маорийцев, получающих основной доход от таких ферм, – с 2793 до 2010⁵⁰. Здесь сказалась и начавшаяся механизация сельского хозяйства (требовалось меньше работников для обслуживания ферм, хотя средний размер последних вырос), и разорение маори-владельцев, которым было значительно труднее, чем белым поселенцам, сделать свое хозяйство рентабельным. Маори жили в более отдаленных от торговых центров и коммуникаций районах, и поэтому транспортировка их продукции обходилась дороже. Земля, на которой работали маорийцы, была хуже по качеству, размеры ферм в среднем меньше, чем в целом по стране: в 1960 г., например, эти индикаторы составляли соответственно 126 и 147 акров. Число голов скота на маорийских фермах также было меньше: у маори в среднем 54 коровы, по стране в целом – 87; овец соответственно – 821 и 1307⁵¹. Некоторые маорийские фермы имели всего 40 акров земли и 20 коров. У маори оказывалось значительно меньше средств, которые они могли вложить в дело, меньше опыта и квалификации в ведении современного товарного хозяйства.

Маорийское население увеличивалось в численности, а во владении их к середине 50-х годов XX в. оставалось лишь 4 млн акров земли, причем 777 тыс. из них были непригодны для развития сельского хозяйства, а 750 тыс. акров сданы в аренду европейцам⁵². У многих маорийцев вообще не оказалось земельных наделов, а те, что имелись, были настолько малы, что не могли прокормить семью. Подавляющее большинство маори жили на Северном острове, европейцы по существу вытеснили их с Южного острова. В 1951 г. там обитало менее 2% маорий-

цев. Правда, с течением времени маорийское население Южного острова несколько увеличилось, но в основном в результате миграции с Северного острова. В том же году оставались только три района, где маори занимали большую часть земли и численно превосходили европейцев, – далекий Север (около 15 тыс.), Восточный берег (около 15 тыс.), Ваипа (12 тыс.). Вначале маори мигрировали в другие сельские районы. Обычно они уходили из родного дома не далее чем в радиусе 100 миль и нанимались на работу на овцеводческие фермы, лесопилки, строительство дорог и т.д. Затем постепенно начали искать заработок в городах.

Еще в первую половину 50-х годов XX века в стране думали, что будущее маорийского народа связано с землей. Так полагали, например, представители младомаорийского движения, в частности Апирана Нгата. Некоторые общественные деятели не понимали истинных причин этого процесса, считая, что маори влечет в города легкая жизнь. В 1950 г. такое заявление прозвучало даже с трибуны парламента. Но в том же году департамент труда был вынужден признать, что в сельских районах существует частичная или даже полная безработица маори, а департамент по делам маори принял решение всячески способствовать их трудоустройству и переселению в городские ареалы. Таким образом, миграция маори в города не носила маятникового характера; они становились там не временными, а постоянными жителями и пополняли собою армию наемного труда.

Существовала прямая связь между развитием в том или ином городе обрабатывающей промышленности и приростом там маорийского населения. Естественно, что больше всего маори оседало в таких крупных городах, как Окленд. В Оклендском ареале в начале 60-х годов концентрировалось свыше 40% маорийского городского населения. И все же в городских районах маори составляли ничтожное меньшинство. Единственный город, где они формировали свыше 10% населения, был Роторуа.

Таблица 4

Динамика городского маорийского населения, %

Города \ Годы	1936	1945	1951	1956	1971
Фангарей	2,2	2,3	3,4	3,3	3,8
Окленд	23,5	34,8	37,3	39,2	41,4
Гамильтон	2,8	3,1	3,4	3,8	4,5
Гисборн	6,0	5,9	5,4	5,9	6,1
Хатт	3,2	3,5	4,1	3,9	4,0
Веллингтон	6,8	7,3	7,7	7,3	8,4
Хастингс	3,2	3,9	3,6	3,7	3,7

Источник: The Maori People in the nineteen-sixties. L., 1968.

Среднегодовые темпы прироста численности маорийского населения были высоки и намного превосходили аналогичный показатель для англо-новозеландцев. Так, в 50-е годы темпы достигали 3,7%, в 60-е – 3,1, в 70-е – 2,1; у англо-новозеландцев соответственно – 2,1; 1,6; 0,9–1%. Такой прирост обуславливался высоким уровнем рождаемости. В 1961 г. у маори рождалось 47 младенцев на тысячу населения, у европейцев – 25. Благодаря прогрессу смертность имела тенденцию к сокращению. В 1938 г. смертность маори на тысячу жителей достигала 24,3, в 1959 г. – соответственно 8,5. Снижение уровня смертности у маори происходило в основном за счет уменьшения детской смертности. Изменилось отношение маорийских женщин к родам. В 1937 г. только 17% рождений совершалось в роддомах, в 1962 г. аналогичный показатель составлял 95%.

Маорийское население моложе европейского. В 1958 г. лиц до 21 года среди маори насчитывалось 60%, среди европейцев – 40%, старше 60 лет маори – 3,4%, европейцев – 13%⁵³. Наиболее часто мигрировала в города молодежь в возрасте 15 – 24 лет. В 1956–1961-х годах среди этой возрастной группы было 6067 мигрантов. В результате маори составляли существенную часть молодого городского населения. Миграция женщин в города до се-

редины 50-х годов превосходила мужскую, поскольку у маорийских женщин было еще меньше, чем у мужчин, шансов найти работу в сельской местности: ведь работа на фермах традиционно мужское занятие. В поисках работы маори стали не только переселяться в города, но и уезжать за границу. С 1960 г. по 1971 г. 13 783 маори отбыли из страны. Вернулось только 11 234 человека⁵⁴. В городах маорийские мужчины вначале находили себе применение в основном в промышленности в качестве разнорабочих, способных выполнять лишь самые простые ручные операции. Женщины же устремлялись в сферу общественного и личного обслуживания, работали домашней прислугой, кухарками, портнихами, прачками, горничными, официантками, телефонистками и телеграфистками, занимались уборкой гостиниц, офисов, чисткой и починкой одежды. Постепенно и они втягивались в индустриальное производство, концентрируясь в швейной и пищевой отраслях.

При всем демократизме и, казалось бы, эгалитаризме новозеландского общества там существовало неравенство в общих условиях жизни и труда основной массы маори и англо-новозеландцев. В начале 70-х годов XX века один из основных показателей качества жизни – ее продолжительность составляла у англо-новозеландских женщин 75 лет, у мужчин – 69, а у маори соответственно – 64 и 60. Детская смертность у англо-новозеландцев достигала 15,7 на 1000 новорожденных, у маори – 25,4. Заболеваемость маори тифом и столбняком была в 10 раз выше, чем у англо-новозеландцев, менингитом – в 8, туберкулезом – в 6, дизентерией – в 3, дифтерией – в 2,5, гепатитом – почти вдвое. Это было связано с плохими жилищными условиями, скученностью, антисанитарией. По переписи 1956 г., 14% маорийских домов были ниже принятого в стране стандарта, 2750 из них (13%) были просто лачугами. Если сравнивать бытовые условия европейцев и маорийцев, то 93% европейских домов имели душ или ванну, маорийских – только 58%, водопровод соответственно – 86 и 51%, горячую воду – 88 и 48, унитазы со смы-

ваемой водой – 80 и 31, холодильники – 55 и 20, стиральные машины – 58 и 19.

Средний доход главы семьи составлял у англо-новозеландцев 730 фунтов, у маори – 540⁵⁵. Маори занимали низшие позиции в системе общественного производства, поскольку их квалификация, профессиональная подготовка, уровень образования были хуже, чем у англо-новозеландцев. По переписи 1971 г., среди маорийцев, занятых физическим трудом в обрабатывающей промышленности, на транспорте, в торговле и обслуживании, высшее образование имели 0,1% мужчин, среднее – 4% . Маори чаще, чем англо-новозеландцы, бросали школу. В 1973 г. на каждого недоучившегося подростка европейского происхождения приходилось два маорийца. Не получив достаточного образования и профессиональной подготовки, они были вынуждены наниматься на самую тяжелую, черную работу, от которой подчас отказывались европейцы, пополняя вспомогательный подсобный персонал. В 1971 г. на неквалифицированной работе было занято 25,9% маори и 6,5%⁵⁶ англо-новозеландцев.

По занятости в торговле, финансовом секторе, области социальных услуг англо-новозеландцы намного опережали маори, причем и здесь маори были обречены на непрестижный, плохо оплачиваемый труд, не требующий специальных знаний и умений. Обычно они работали уборщиками, мойщиками машин, топниками, поварами, официантами, парикмахерами. Доля лиц физического труда достигала у них 42%; профессионалов и специалистов – только 3,4 % (почти в три раза меньше, чем у англо-новозеландцев). Неудивительно, что и заработки их оказывались ниже, чем у европейцев.

Таблица 5

Сопоставление доходов у маори и англо-новозеландцев

Новозеландские фунты	Маори	Англо- новозеландцы
15 000 и более	1,28	6,80
13 000–14 999	1,46	2,0
1100–12 999	1,18	4,26
900–1099	3,39	9,75
700–899	12,65	21,24
500–699	29,65	24,33
300–499	27,35	17,27
100–299	15,18	10,61
До 100	8,76	4,74

Источник: J. K. Hunn. Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960). Wellington, 1961.

Безработица среди маори была также намного выше, чем среди англо-новозеландцев, – соответственно 3,4% и 0,8% самодеятельного населения⁵⁷. В результате развития системы народного образования, научно-технического прогресса число маори, получивших среднее образование, увеличивалось: в 30-х годах среднюю школу посещали не более 5% маори, в 60-х годах – 58%. Но среди маорийских учеников наблюдался колоссальный отсев, далеко не все, посещавшие школу, заканчивали ее. В 1956 г. только 75 студентов-маорийцев училось в высших учебных заведениях, тогда как число англо-новозеландцев там достигало 10 968⁵⁸.

Структура и особенности новозеландской экономики

Послевоенная Новая Зеландия была одной из наиболее благополучных стран мира. По уровню валового внутреннего продукта на душу населения она занимала в 50-х годах 3-е, в 60-х –

5-е место в мире. Однако в ее народнохозяйственной структуре наблюдались существенные дисбалансы, постепенно ухудшающие ее экономическое положение и приведшие в середине 70-х годов к глубокому структурному кризису. Дело в том, что в структуре народного хозяйства Новой Зеландии парадоксально сочетались черты как развитых, так и развивающихся стран. Высокий уровень подушевого дохода, который обеспечивал и сравнительно высокий уровень личного и общественного потребления, ставил Новую Зеландию на одну доску с промышленно развитыми государствами Запада. Об этом свидетельствовали такие важные показатели уровня жизни, как калорийность питания, число автомобилей, радиоприемников, телевизоров, экземпляров газет в расчете на тысячу жителей, а также доля расходов на образование и здравоохранение в ВВП и их величина на душу населения. Уже с конца XIX – начала XX века наемный труд стал основой производственных отношений. В 1951, 1961, 1971 гг. наемные работники составляли 78, 83,8, 86,2% всего самодеятельного населения, лица, эксплуатировавшие наемных работников соответственно – 9,4, 7,5, 6,1%, самостоятельные хозяева – 10,7, 7,6, 6,1%⁵⁹. Удельный вес лиц наемного труда и сравнительно большая доля нанимателей свидетельствовали о господстве капиталистических отношений в экономике страны.

В конце XIX века почти две трети, а накануне Первой мировой войны уже три четверти самодеятельного населения было занято вне сельского хозяйства. Удельный вес занятых в экономической инфраструктуре (транспорт, электро-, газо- и водоснабжение, отчасти строительство) и социальной (народное образование, здравоохранение и т.д.) был сравнительно высок. В последующие годы доля занятых в торговле и сфере обслуживания в Новой Зеландии, как и в других развитых капиталистических государствах, неуклонно повышалась, а в сельском хозяйстве – сокращалась. Рост числа занятых в третичном секторе связан с развитием городов, куда постепенно переселялась основная масса населения. Так, если в 1881 г. городское население составляло около 40%, то в 1971 г. – уже 82% всех жителей⁶⁰. Как и в других

развитых странах, трудовым ресурсам Новой Зеландии был присущ высокий уровень грамотности и профессиональной подготовки.

Продуктивность сельского хозяйства Новой Зеландии обусловлена, помимо благоприятных природных условий, высокой степенью механизации. Основные технологические процессы здесь электрифицированы: фермеры имеют тракторы, сеялки, косилки, машинки для стрижки овец, электропоилки, сепараторы, аппараты для внедрения удобрений в почву. Новая Зеландия занимала одно из первых мест в мире по потреблению минеральных удобрений на душу населения. Если перед войной, в 1940 г., на 100 хозяйств приходилось 11,2 трактора, то в 1950 г. – 37,8, в 1960 г. – 101,9; доильных аппаратов – соответственно 33,7; 40,2; 47,7; машинок для стрижки овец – 11,7; 20,8; 37,5⁶¹. Особенно высокой степенью механизации отличались молочные фермы, где была сосредоточена основная масса сельскохозяйственного оборудования. Подавляющее число таких ферм имело электродоилки и сепараторы. После Второй мировой войны при посеве кормовых трав, зерновых культур, распыления удобрений, а также химикатов для борьбы с вредителями и сорняками стали использовать авиацию. Число постоянных работников на ферме было невелико – в основном члены семьи. В горячую пору нанимали сезонных рабочих: стригалей и т.д. В Новой Зеландии в отличие от других развитых стран стоимость сельскохозяйственной продукции в расчете на одного занятого была значительно выше, чем в промышленности. Эта высокая продуктивность сельского хозяйства, обусловленная его узкой специализацией, высоким уровнем механизации и квалифицированностью кадров и научно разработанными методами ведения хозяйства, обеспечивала конкурентные преимущества его на мировых рынках и определяла особенности внешнеэкономических связей страны. Она создала основу для развития других отраслей экономики и обеспечивала сравнительно высокий уровень жизни.

В то же время ряд других важных характеристик народнохозяйственной структуры Новой Зеландии свидетельствует о нали-

чии в ней признаков, типичных в прошлом для зависимых, полуколониальных, а ныне развивающихся стран. Важнейшее из этих признаков – слабое развитие обрабатывающей промышленности, которая была значительно менее экономически эффективна, чем сельское хозяйство. Это было связано с низким уровнем концентрации производства и рабочей силы, преобладанием небольших предприятий, недостаточной энерговооруженностью производства и т.д. В 60-е годы темпы роста промышленности существенно ускорились, примерно в полтора раза превысив средние показатели по ВВП и вдвое превысив величину аналогичных показателей по сельскому хозяйству. Однако в годы войны и после нацеленность промышленности в основном на замещение импорта принципиально не отличалась от подобного курса в большинстве развивающихся стран. Широкое привлечение иностранного капитала, а затем и государственных средств, благодаря которым удалось все же создать ряд сравнительно крупных производств, также напоминала ситуацию в развивающихся странах, например в Латинской Америке. Но и в начале 70-х годов на предприятиях, имеющих менее 100 рабочих, трудилось около 51% всех занятых в цензовой промышленности.

Большая часть прямых иностранных капиталовложений в Новой Зеландии (а за 1950–1972 гг. они достигли почти миллиарда долларов) начиная с 60-х годов направлялась на развитие обрабатывающей промышленности. В итоге к началу 70-х годов иностранные компании контролировали около 21,2% всего акционерного капитала. В целом из 63 крупнейших компаний, действующих в Новой Зеландии, в 34 иностранному капиталу принадлежало от 50 до 100%, а еще в пяти – от 40 до 50% всего акционерного капитала. Иностранные банки контролировали 60% всех коммерческих банков. Из 15 компаний по страхованию жизни, функционирующих в Новой Зеландии в начале 70-х годов, 12 были иностранными, и они сосредоточивали более 80% всех активов⁶². Иностранные инвестиции, как правило, играют значительную роль в экономике развитых государств, но сами эти государства, в свою очередь, имеют крупные вложения за

рубежом; между тем Новая Зеландия, подобно развивающимся странам (исключение составляют страны – экспортеры нефти), не имела сколько-нибудь крупных инвестиций в развитых странах.

Структура экспорта, его удельный вес в ВВП характеризовали внешнеэкономическую односторонность и зависимость Новой Зеландии от мирового рынка. Экспорт страны до 50-х годов XX века практически полностью состоял из продовольствия, минералов и других видов промышленного сырья, причем доля минералов и древесины в экспорте имела тенденцию к сокращению, а доля сельскохозяйственной продукции – к увеличению. Иными словами, структура новозеландского экспорта была типична для развивающихся, а не развитых стран. Послевоенное развитие промышленности, естественно, внесло свои коррективы в структуру и направление экспорта, но, несмотря на индустриализацию и диверсификацию, предпринятую новозеландским правительством в 60–70-е годы, односторонняя внешнеэкономическая зависимость продолжала сохраняться. Да и само развитие промышленности в известном смысле напоминало аналогичный курс на индустриализацию, проводимый в ряде «индустриализующихся» стран Азии и Северной Африки.

Внешняя торговля Новой Зеландии была ориентирована в основном на Великобританию, что также свидетельствовало о зависимом характере. Лишь после Второй мировой войны внешнеэкономические связи с метрополией стали ослабевать, уступая место США, Японии, Австралии. Будучи одним из крупнейших поставщиков шерсти и мясо-молочных продуктов на мировом рынке, Новая Зеландия тем не менее не могла контролировать складывающиеся там цены на свой экспорт. Одновременно ей приходилось ввозить машины и оборудование по ценам, диктовавшимся транснациональными корпорациями. Ухудшение условий торговли (соотношение экспорта к импорту) непосредственно отражалось на уровне подушевого дохода. Так ухудшение условий торговли в 1955–1973 гг. снижало величину ежегодного прироста ВВП на 0,5–0,6 процентных пункта, т.е. в целом с кон-

ца периода – на 23–27%, что в итоге обуславливалось однобоким, зависимым развитием новозеландской экономики⁶³. Правда, в отличие от развивающихся стран, обладая механизированным и высокопродуктивным сельским хозяйством, Новая Зеландия в какой-то мере могла преодолевать негативное воздействие ухудшений условий торговли, всё более интенсифицируя труд в животноводстве и земледелии, повышая производительность и снижая издержки производства экспортных товаров.

В целом для внешней торговли Новой Зеландии в XIX – первой половине XX века характерен положительный торговый баланс; пассив его был чрезвычайным обстоятельством. Кстати, аналогичная ситуация наблюдалась в этот период во многих колониях и зависимых странах. Среднегодовое сальдо торгового баланса Новой Зеландии составляло за 1914–1939 гг. 4% ВВП, в 1940–1970 – несколько более 1%⁶⁴. Подавляющая часть вырученных средств шла на уплату процентов по государственным и частным займам за рубежом, дивидендов по акциям иностранных предприятий и т.д. Помимо выплат процентов и дивидендов, Новая Зеландия должна была ассигновать крупные средства на оплату услуг иностранных страховых, транспортных и тому подобных компаний, т.е. всего того, что фигурирует под рубрикой «сальдо баланса по невидимым операциям». В послевоенный период сальдо платежного баланса по текущим операциям все чаще оказывалось отрицательным, причем размеры его постоянно возрастали.

Для того чтобы покрыть дефицит платежного баланса, страна прибегала к импорту иностранного капитала и займам за границей. Но рост иностранных инвестиций не только не обеспечивал покрытие пассивного сальдо платежного баланса по текущим операциям, но вносил в него свой «вклад». И для погашения этого дефицита требовалась все бóльшая часть доходов, полученных от экспорта. Конечно, соответствующий показатель в Новой Зеландии был значительно ниже, чем в большинстве развивающихся стран, но отмеченная тенденция, обусловленная опять же односторонним характером экономических связей

страны с внешним миром в сфере капиталовложений, транспорта, страхования и других «невидимых» операций, в известной мере аналогична процессам, происходившим в ряде развивающихся государств.

Внутренняя и внешняя политика в конце 1960-х годов

Вторая половина 60-х годов была тяжелым временем для новозеландцев: в стране наблюдался спад деловой активности, рост инфляции, увеличение налогов, впервые за послевоенный период появились безработные. Финансовый кризис вынудил правительство пересмотреть свою финансовую политику и ввести государственный финансовый контроль. Были сокращены государственные расходы, увеличены косвенные налоги, отменен ряд субсидий потребителям, на 20% снижен объем импорта. Резко уменьшены ассигнования, выделяемые на общественные нужды. Налоги на заработную плату трудящихся возросли на протяжении 60-х годов с 7,5% до 13,8%, цены на продовольствие и товары первой необходимости – на 36,5%. Реальная заработная плата за этот период снизилась на 7,4%⁶⁵. В общем, происходило реальное снижение жизненного уровня трудящихся. Неслучайно в стране наблюдалась активизация профсоюзного движения. Так, если в 1969 г. в стачках приняли участие 44 тыс. человек, то в 1970 г. – уже 110 тыс.⁶⁶

В 60-е годы положение Национальной партии казалось устойчивым. Будучи центристом, К. Холиок сумел сплотить вокруг себя способных энергичных деятелей, занявших впоследствии ключевые посты в Национальной партии и сформированном ею правительстве. В отличие от своей соперницы Лейбористской партии она выступала более сплоченной в своих рядах и более последовательной в своей политике. Однако в своем внешнеполитическом курсе она столкнулась с существенными проблемами. На плечи К. Холиока легли переговоры, касающиеся положения Новой Зеландии в связи со скорым вступлением Велико-

британии в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). К. Холиоок признавал важность сохранения преференций Новой Зеландии в торговле с Великобританией, потеря их грозила стране «экономической катастрофой». Для того чтобы уменьшить негативный эффект, Новая Зеландия стремилась хотя бы затормозить вытеснение новозеландских мясо-молочных продуктов с их главного рынка сбыта. Однако члены ЕЭС вначале не соглашались на сохранение Новой Зеландией хотя бы части преференций во внешней торговле с Великобританией. Поездка К. Холиоока по европейским странам не принесла утешительных результатов. Переговоры были мучительными и проходили в несколько этапов. В 1966 г. между Великобританией и Новой Зеландией было заключено новое торговое соглашение, по которому последняя получала право не ограниченного квотами экспорта своей мясо-молочной продукции в Великобританию до 1972 г. Таким образом Новая Зеландия все же добилась желанной отсрочки, дабы подготовиться и смягчить последствия сужения для нее английского рынка.

Вступление Великобритании в Общий рынок побудило Новую Зеландию диверсифицировать свой экспорт, искать другие рынки сбыта. Расширялись ее торговые связи с Японией, которая заняла четвертое место среди стран, куда отправлялись сельскохозяйственные товары Новой Зеландии. Начались австрало-новозеландские переговоры о взаимовыгодной торговле. В результате в 1966 г. было подписано соглашение о свободной торговле – НАФТА, по которому предусматривалось постепенное сокращение тарифов, а затем и полный отказ от пошлин. Новая Зеландия получила свободный доступ для основных статей своего экспорта на рынки Австралии, которая в свою очередь импортировала свои промышленные изделия в Новую Зеландию. Географическая близость, сходные черты исторического развития, общая цель – усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии, играть доминирующую роль в Южно-Тихоокеанском бассейне обуславливали тесное сотрудничество не только в сфере экономики, но и дипломатии, военной стратегии. В 1969 г. между ни-

ми было заключено соглашение об интеграции и сотрудничестве в области обороны и вооружения. В 1970 г. подписана Тасманийская декларация, в которой подчеркивалось значение дальнейшего укрепления двусторонних связей между Новой Зеландией и Австралией, в 1972 г. объявлено о создании консультативного комитета по вопросам оборонного сотрудничества.

Правление К. Холиока характеризуется активным участием Новой Зеландии в военных блоках. Оставаясь членом АНЗЮС и СЕАТО, она вступила в созданный в 1966 г. АЗПАК, куда, помимо нее и Австралии, вошли Таиланд, Филиппины, Малайзия, Япония, Южная Корея, Южный Вьетнам и Тайвань; в 1967 г. – в АСЕАН, объединяющий Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Филиппины; в 1971 г. – в АНЗЮК, включавший Австралию, Новую Зеландию, Великобританию, Малайзию и Сингапур. Новая Зеландия стремилась оказывать влияние на политику в Юго-Восточной Азии. К. Холиок подчеркивал необходимость противостоять распространению коммунизма в этом регионе. С этой точки зрения он рассматривал Юго-Восточную Азию как первый рубеж обороны. Его внешнеполитическая доктрина была известна как «оборона на дальних рубежах». Оборонная доктрина Национальной партии предусматривала возможность ввязывания в локальные конфликты в Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанском бассейне для обеспечения «коллективной безопасности», а также всестороннего выполнения договорных обязательств предоставлением необходимых видов вооруженных сил. Согласно Доктрине, в пору конфликта между Малайзией и Индонезией в 1964–1966 гг. новозеландские войска численностью 1,3 тыс. военнослужащих входили в состав стратегического резерва Содружества и находились на территории Малайзии. После окончания конфронтации пехотная рота была переброшена в Южный Вьетнам. Малайзии оказывалась помощь размером свыше 4,5 млн долл., из которых 2 млн предназначались для оплаты военного снаряжения, а остальная часть – на подготовку малайзийского военного персонала в Новой Зеландии⁶⁷.

К. Холиоком было принято решение о посылке в 1965 г. ограниченного контингента регулярных войск во Вьетнам, что вызвало негативную реакцию у прогрессивной общественности во всем мире и в самой Новой Зеландии. Советское правительство также заявляло, что тем самым Новая Зеландия, нарушая Женевские соглашения 1954 г. по Вьетнаму, «становится на путь прямого соучастия в агрессивных действиях США во Вьетнаме». В 1967 г. в Южном Вьетнаме насчитывалось 600 новозеландских военнослужащих (370 солдат артиллерийской батареи, пехотная рота и тыловые подразделения). Новозеландская помощь ему достигала около 1,5 млн долл.⁶⁸ Не последнюю роль в новозеландском участии во вьетнамской войне сыграло, во-первых, членство Новой Зеландии в АНЗЮС, во-вторых, заинтересованность страны, особенно в связи с грядущим вступлением Великобритании в Европейское экономическое сообщество, в американском рынке. К. Холиок прямо заявлял, что «между способностью Новой Зеландии исполнять роль надежного союзника и ее возможностью получать доход от использования благоприятной заморской торговой конъюнктуры существует прямая связь. Ограничения на новозеландский экспорт в Соединенные Штаты создают новозеландскому правительству трудности для оправдания перед своим народом его союза с Соединенными Штатами в других областях»⁶⁹.

Обосновывая участие Новой Зеландии во вьетнамской войне, правительство подчеркивало: «Никогда еще не было столь удачного случая для нас поддержать Соединенные Штаты, если мы хотим получить их поддержку в случае нападения на нас»⁷⁰. Ссылаясь правительство националистов и на свои обязательства по СЕАТО, который на заседаниях в 1964 и 1965 гг. призывал своих членов конкретными действиями «оказать помощь Южному Вьетнаму». И все же можно сказать, что правительство Новой Зеландии придерживалось более «умеренного» подхода к решению вьетнамского вопроса, чем второй член АНЗЮСа – Австралия. Если поддержка политики США была у Австралии «безоговорочной», то у Новой Зеландии «критической». В 1965 г. на

конференции, где присутствовали главы правительств стран, входящих в Содружество, К. Холиок вместе с представителями Великобритании и Индии выражали готовность рассмотреть мирные инициативы по урегулированию конфликта во Вьетнаме. В 1970 г. К. Холиок предложил провести международную конференцию по Индокитаю. В целом в конце 60-х годов Новая Зеландия была готова к переносу центра тяжести в своей внешней политике на непосредственное участие в делах своего региона.

Третье лейбористское правительство (1972–1975)

Одним из ключевых вопросов на парламентских выборах 1972 г. был вопрос об участии во вьетнамской войне. Позиция, занятая в этом вопросе Национальной партией, во многом обусловила ее поражение. В стране проходили антивоенные, антиамериканские демонстрации. Были случаи выступления новозеландских масс непосредственно против К. Холиока. Накануне выборов ему пришлось уйти в отставку. Правительство возглавил его заместитель Дж. Маршал. Пытаясь удержаться у власти, Национальная партия выступила на парламентских выборах 1972 г. под лозунгом «Главное – люди», как бы обещая, что в случае победы приоритетное место в ее политике займет забота о насущных нуждах избирателей. Однако избиратели пошли за лейбористскими лидерами, провозгласившими, что настало «время перемен». Лейбористы победили с большим перевесом. За них проголосовало 48,37% избирателей, и они получили 55 мест в парламенте. Результаты Национальной партии были соответственно 41,5% и 32 места.

Премьер-министром и одновременно министром иностранных дел стал Норман Кёрк. В 20 лет он вступил в Лейбористскую партию, в 30 стал мэром Кайапои – пригорода Крастчёрча. В 1963 г. был избран вице-председателем Лейбористской партии, в 1964 г. – председателем. И первые месяцы лейбористского правления перемены к лучшему казались реальными, поскольку

экономическое положение в этот период было сравнительно благоприятным: на мировом рынке резко возросли цены на продукцию животноводства. Но вскоре ситуация изменилась. В 1973 г. началось резкое повышение цен на нефть, что больно ударило по народному хозяйству Новой Зеландии, не располагающей сколько-нибудь значительными собственными энергоресурсами. Экспортируя сельскохозяйственное сырье и продовольствие, Новая Зеландия во все больших масштабах была вынуждена импортировать нефть и нефтепродукты, а также ввозить из-за границы некоторые виды минерального сырья для промышленности, а главное, импортируя машины, оборудование, потребительские товары длительного пользования, испытывала воздействие структурного кризиса недопроизводства энергоносителей и минерального сырья.

С 1974–1975 гг., когда разразился мировой энергетический кризис, Новая Зеландия вступила в полосу длительного застоя. Энергетический кризис показал объективную необходимость изменения многих структурных пропорций в мировой экономике, в том числе перелива капитала в энергетику и добывающую промышленность, резкого увеличения ассигнований на научные исследования и разработки с целью повышения удельного веса альтернативных источников в энергетическом балансе, а также поиска и разработки новых месторождений нефти и газа. Вместе с тем стала очевидной необходимость внедрения принципиально новых технологий и даже отказа от некоторых привычек массового потребителя. Однако отдельные монополии и правительства неспособны были быстро принимать решения и должным образом реагировать на радикальные сдвиги, требующие изменения макроструктурных пропорций в народном хозяйстве в условиях, при которых остается неопределенной динамика цен на нефть и газ на ближайшую и отдаленную перспективу.

В таких условиях резко возрастает предпринимательский риск, последствия которого особенно ощутимы ввиду потребностей в очень крупных капиталовложениях. Дело в том, что уровень капиталоемкости в энергетике и добывающей промышлен-

ности гораздо выше, чем в других отраслях экономики, к тому же требуются огромные средства для замены устаревшего оборудования, создания новых инфраструктурных объектов, проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Наконец, даже после принятия соответствующих решений требуется время (гораздо более длительное, чем для строительства предприятий в обрабатывающей промышленности) для сооружения новых промышленных объектов, проведения геологических изысканий и внедрения принципиально новых технологий. Иначе говоря, речь идет не о нескольких годах, а о значительно более длительном времени, выходящем за рамки обычных экономических циклов.

В свете этих общих соображений и следует оценивать ситуацию в Новой Зеландии. Страна оказалась перед необходимостью выплачивать гораздо более крупные суммы за импорт энергоносителей, а косвенно (в цене за оборудование и другие товары) и на некоторые виды подорожавшего минерального сырья. Для создания новой энергетической базы и строительства ряда экспортоориентированных предприятий в обрабатывающей промышленности оказались необходимыми огромные для такой страны – со сравнительно небольшим населением – средства. Частный национальный капитал не шел, да и не мог идти, на такие расходы, а государство в условиях кризиса платежного баланса не располагало достаточно крупными внутренними источниками финансирования соответствующих проектов. Стремясь получить средства для их осуществления, оно заключало займы за рубежом, а также пыталось привлечь транснациональные корпорации. Однако подобная политика оказалась сопряжена с серьезными трудностями. Иностранные компании, естественно, руководствовались желанием получить как можно большую прибыль, а не интересами Новой Зеландии и нередко отказывались от участия в ранее согласованных проектах. С другой стороны, правительство обращалось к мировому рынку капиталов для получения займов в условиях валютного кризиса. Достаточно в этой связи отметить, что он проявлялся, в частности, в уси-

лении инфляционных процессов, обострении проблемы платежных балансов не только в развивающихся странах (кроме крупных импортеров нефти), но и в большинстве развитых капиталистических государств, резких колебаниях обменного курса валют, в повышении учетных ставок государственными и частными банками.

Многие негативные тенденции в экономическом развитии страны начали проявляться задолго до середины 70-х годов, однако именно после этого рубежа они приобрели долговременный кризисный характер, что свидетельствовало о глубокой диспропорциональности внутренней структуры экономики Новой Зеландии и ее внешних связей. В стране усилилась инфляция, расширилась армия безработных, обнаружилась тенденция к увеличению пассива платежного баланса по текущим операциям, а также дефицита государственного бюджета, что находило отражение в скачкообразном возрастании государственной задолженности. «Взрыв» внутривыхозийственных противоречий, углубление структурных дисбалансов ускорились, усилились и усложнились под воздействием структурных кризисов всей капиталистической системы хозяйства, результирующее влияние которых на Новую Зеландию было крайне негативным. Именно это в итоге обусловило не только затяжной характер кризиса собственно экономической структуры, но и приводило к нарастанию социальных и даже расовых противоречий, усилению политической нестабильности.

В своем предвыборном манифесте третье лейбористское правительство (1972–1975) обещало народу, что в области экономики оно будет:

1. Стимулировать экономический рост, принимая меры, которые побуждают к накоплению и инвестициям, региональному развитию, уменьшению нехватки рабочей силы путем поощрения иммиграции, помогают получить необходимые кредиты и ведут к подъему продуктивности народного хозяйства.

2. Более справедливо распределять национальный доход, гарантируя приемлемую часть его всем, кто хочет работать.

3. Выделять средства в первую очередь на жилищное строительство, здравоохранение, образование, социальное обеспечение, развитие науки, искусства, спорта и международных связей.

4. Стремиться к стабилизации производства, достижению полной занятости населения, возврату к прямым трудовым соглашениям между предпринимателями и профсоюзами, а также сдерживать рост инфляции подъемом производства, сокращением нормы прибыли и усилением контроля над ценами.

5. Финансировать программы экономического и социального развития, что должно быть обеспечено увеличением налогов, обусловленным естественным ростом экономики, а также дополнительными поступлениями от накоплений, для чего будут введены специальные налоги, имеющие цель способствовать созданию добавочных сбережений.

Однако лейбористам не повезло. В условиях надвигающегося мирового кризиса они, по выражению члена Лейбористской партии, депутата парламента М. Бэссета, «за 18 месяцев прошли путь от процветания к положению, когда пришлось туже затягивать пояса»⁷¹. В 1973–1975 гг. условия торговли для Новой Зеландии ухудшились на 41% – больше, чем во время Великой депрессии 1929–1931 гг., когда аналогичный показатель равнялся 35%⁷². В ухудшающихся условиях лейбористское правительство, экономическая политика которого поначалу отличалась динамизмом и даже некоторым романтизмом, стало более осмотрительным и перешло к обычным мерам государственного регулирования, как то: ограничение денежной массы и кредитов, контроль над ценами и ставками заработной платы. Как и обещало в предвыборном манифесте, оно взяло курс на региональное развитие, ускорение индустриального прогресса на Южном острове, более отсталом по сравнению с Северным. На эту программу Государственная финансовая корпорация выделила с июля 1973 г. по март 1975 г. 132 займа на общую сумму 22,6 млн долл. Департамент торговли и промышленности определил расходы на региональное развитие в 1974/75 г. в сумме 5 млн долл. Компаниям, согласившимся переместить свои предприятия в разви-

вающиеся районы, государство возмещало 50% издержек. За перевозку товаров с Южного острова на Северный с целью их реализации на местных рынках полагалась скидка в 20%, что приносило 39 фирмам ежегодный дополнительный доход в 500 тыс. долл.⁷³ Правительство всячески поощряло предпринимателей-экспортеров. Так, им предоставлялся заем, равный 40% стоимости предприятия, который списывался со счета, если предприятие-заемщик экспортировало свою продукцию в течение более трех лет. Сохранялась скидка в 20% с налогов на доходы от экспорта.

Наряду с этим правительство стремилось всемерно расширять внешнеторговые связи, находить новые рынки сбыта. Были заключены новые торговые соглашения с Австралией, Китаем, Индонезией, Ираном, Перу, Югославией и Советским Союзом. Лейбористы старались привлечь в страну иностранные инвестиции для разработки национальных ресурсов. Указом о зарубежных капиталовложениях была создана Комиссия по иностранному инвестированию, которая должна была рассматривать все предложения с точки зрения соответствия их интересам Новой Зеландии и в зависимости от этого принимать или отклонять их. Комиссия должна была держать под постоянным контролем размеры собственности иностранцев и время от времени докладывать о своих наблюдениях министру финансов. Без его согласия ни одно иностранное лицо не могло приобретать все или большую часть активов местных предприятий, капиталы которых превышали 100 тыс. долл. В 1973 г. было отклонено 17% всех заявок. Таким образом Новая Зеландия допускала «разумное» иностранное инвестирование при главенствующей роли новозеландцев и контроле с их стороны.

В кризисной ситуации правительство лейбористов не смогло выработать последовательной долгосрочной экономической политики, особенно в области финансов, и справиться с галопирующей инфляцией. Его меры в сфере кредитно-денежной политики носили ярко выраженный конъюнктурный характер. Лейбористы то проводили экспансионистский курс, то, наоборот,

ограничивали рост денежной массы, усиливали банковский контроль. В результате денежная масса в обращении возросла с 1165 млн долл. в 1972 г. до 1580 млн долл. в 1975 г.⁷⁴ Непоследовательной была и финансово-бюджетная политика. Поскольку в первые месяцы правления лейбористов внутренний спрос, по мнению экспертов, достиг «чрезмерного» уровня, они стали сокращать бюджетные ассигнования, равно как и размеры кредитов, что привело к существенному спаду деловой активности. Пришлось снова прибегнуть к экспансионистским мерам, в том числе к выделению Резервным банком специальных кредитов коммерческим банкам (использование этих средств регламентировалось государством), поощрению займов частного сектора за рубежом, улучшению условий для покупки товаров в рассрочку. Как правило, правительство не укладывалось в суммы, прописанные в бюджете. В августе 1973/74 г. был даже принят дополнительный мини-бюджет для стабилизации цен. На эти цели выделялись огромные субсидии, причем в одних случаях имелась в виду компенсация издержек производителей, а в других – не допустить слишком большого роста цен на горючее и товары первой необходимости. Рассчитывая в какой-то мере ограничить воздействие импортируемой инфляции, правительство несколько раз объявляло как о ревальвации, так и о девальвации новозеландского доллара.

Однако все эти меры не могли отменить действие законов мирового рынка, на котором именно в годы правления третьего лейбористского правительства наблюдался быстрый рост цен на топливо, многие виды минерального сырья, а также на промышленные изделия. Несмотря на все усилия лейбористов, цены внутри страны росли, и особенно заметно на мясо, овощи и фрукты. 7 марта 1973 г. правительство объявило о замораживании цен на кормовое зерно, 22 марта – на баранину и рыбу, 25 мая – на основные продукты питания, а также одежду и обувь, 9 июля – общее 30-дневное замораживание цен. В течение двух-трех недель после него цены на мясо вновь поднялись, и кабинет министров решил, осознав бесполезность своих действий, отме-

нить подобные санкции, заменив их субсидиями. В то же время экспортные цены на мясо продолжали падать, и фермеры требовали от правительства помощи и добились предоставления им 50 млн долл. для компенсации падения доходов, займа хозяйством, испытывающим затруднения. Правительство выделяло дополнительные ассигнования для сохранения на прежнем уровне цен на удобрения, установило гарантированный минимум продажи шерсти, разработало программу помощи в ирригации земель и т.д.

В довершение всех бед, страну постигла засуха, упал уровень воды в озерах. Сократилось производство гидроэлектроэнергии, и нехватка его явно ощущалась в 1973–1974 гг. Разработанный ранее Национальной партией проект строительства гидроэлектростанции в Те-Атау лейбористское правительство отвергло, считая место, выбранное для постройки, неудачным. 26 ноября 1973 г. правительство обратилось к населению с призывом сократить на 5% потребление горючего, ограничить поездки на автомашинах, пользоваться городским транспортом. Норман Кёрк, тогдашний премьер-министр, настаивал на необходимости ограничить продажу бензина, в частности по праздничным дням, и снизить скорость движения автотранспорта до 50 км в час. Таким образом, меры, которые уже через год широко применялись в других развитых государствах, затронутых энергетическим кризисом, были едва ли не впервые опробованы в Новой Зеландии. В мае 1974 г. в парламенте поднимался вопрос о повышении платы за электричество. Несмотря на то что два министра правительства четко и подробно обосновали необходимость такой меры, «заднескамеечники» выразили несогласие, делая упор на то, что это идет вразрез с общей политикой Лейбористской партии, которая исключала такое повышение. Как это ни покажется странным, премьер-министр Н. Кёрк поддержал их, заявив, что за политические принципы надо платить. И все же 1 апреля 1975 г. цены на электричество были подняты на 5%, поскольку субсидии, возмещающие потери в этой области, достигли 18,5 млн долл.

Все это показывает, что лейбористам, столкнувшись с непредвиденными трудностями, приходилось лавировать, и многие их действия являлись полумерами, носили не только конъюнктурный, но и противоречивый характер. Предвыборное обещание лейбористов добиться устойчивости валюты и стабилизации цен оказалось невыполненным. Более того, неоднократные ревальвации и девальвации денежной единицы Новой Зеландии делали финансовую политику правительства непоследовательной и недостаточно обоснованной в глазах населения. Инфляция росла. Если в 1962–1972 гг. она составляла в среднем 5%, то в 1975 г. – уже 15%, что, естественно, не могло не вызывать недовольства граждан. Не столько оправдываясь, сколько объясняя свою неспособность сдерживать рост цен, Р. Тизард, ставший министром финансов, писал: «Подавляющее большинство других правительств, сталкиваясь с проблемой платежного баланса и инфляцией, прибегает к дефляционной политике, которая сводится к выжиманию из экономики недостающих средств, очень высокой норме прибыли, жесткому бюджету. Такая политика почти всегда ведет к стагнации экономики и сохранению безработицы, но отчасти эффективна в борьбе с инфляцией. Наше правительство отвергает такую политику. Мы верим, что единственно справедливый и социально ответственный путь к разрешению наших неотложных проблем – сохранять занятость и рациональные темпы экономического роста, гарантировать справедливое распределение увеличивающегося национального богатства через политику цен и доходов»⁷⁵.

Действительно число безработных в годы правления третьего лейбористского правительства было невелико, оно даже снизилось, при этом имелись зарегистрированные вакансии. Как подчеркивал в своей речи в парламенте 2 апреля 1975 г. У. Роулинг, ставший после внезапной смерти Н. Кёрка премьер-министром страны: «Мир столкнулся с трудностями, каких не знал в послевоенный период. Многие наши торговые партнеры отброшены назад. Национальный доход в США в 1974 г. упал на 2,2%. Производство промышленной продукции в Японии сокра-

тилось на 18%. Даже в Федеративной Республике Германии выпуск продукции уменьшился на 8%. Безработица во многих странах достигла рекордного уровня: в США – 8,2%, в Федеративной Республике Германии – 5,5%, в Великобритании – 3,1%, в Австралии – 5%. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к которым принадлежит Новая Зеландия, – 13 млн безработных, в Новой Зеландии – всего 3099. В апреле 1972 г., в период правления Национальной партии, их было 10 тысяч... Энергетический кризис и цикличность мировой торговли поставили нас в драматическое положение. Мы должны были затронуть резервы валюты, чтобы импортировать капитал, чтобы наши фабрики и фермы продолжали функционировать, а люди работать»⁷⁶.

Что касается другой проблемы – справедливого распределения национального богатства, то лейбористское правительство ввело новую налоговую систему. Оно пыталось улучшить положение людей с низкими доходами. С апреля 1974 г. одинокие люди, получавшие до 689 долл. в месяц, были освобождены от уплаты налогов (до этого времени он взимался начиная с суммы в 275 долл.). Семейные пары не платили налогов с суммы до 1355 долл. (ранее налог уплачивался с доходов от 550 долл.). Ставка же налога с тех, кто зарабатывал свыше 12 тыс. долл., была поднята с 45 до 50 центов на доллар. В то же время, стремясь обеспечить занятость в стране и «способствовать вознаграждению тех, кто копит деньги, чтобы вкладывать их в производство», правительство отменило налог с фонда заработной платы компаний и разрешило им больше списывать на амортизацию с тем, чтобы освободившиеся средства были использованы для расширения предприятий. В соответствии с предвыборными обещаниями получили налоговую скидку лица, занятые на сверхурочной работе. Скидка предоставлялась и сменным рабочим. На эти цели в бюджете предусматривались затраты в 25 млн долл. Уменьшились налоги на наследство, страховые взносы и т.д.

В целом попытки изменить налоговую систему в пользу низших и средних слоев населения были налицо. Но все они не имели радикального характера и не давали ожидаемого результата, хотя и нельзя отрицать, что во время правления третьего лейбористского правительства, несмотря на объективные причины, обусловленные мировым кризисом, произошло некоторое перераспределение доходов в пользу рабочих и служащих. Непосредственно на конференции Лейбористской партии в 1975 г. бывший председатель Новозеландской Федерации труда Т. Скиннер поставил в заслугу лейбористскому правительству, что «оно оградило Новую Зеландию от мирового кризиса».

Нельзя недооценивать и шаги, предпринятые лейбористами в области непосредственно социальной политики. Во время своей предвыборной кампании лейбористы подчеркивали, что социальная справедливость покоится на четырех китах: праве народа на труд, жилье, образование и медицинское обслуживание. «Нет места, – говорил Н. Кёрк, – где бы семья чувствовала себя в большей безопасности, чем в собственном доме... Мы собираемся позаботиться о том, чтобы жилищная политика улучшилась, чтобы она предоставляла реальные возможности каждому домохозяйству и хорошее жилье – каждому новозеландцу»⁷⁷. Лейбористам досталось тяжелое наследство. Наблюдалась острая нехватка жилья в городах, особенно крупных – Веллингтоне и Окленде. Дело в том, что 1967–1968 гг. были отмечены спадом в строительной индустрии. Постоянно увеличивался разрыв между запланированным объемом строительства и его реальным воплощением. В результате ко времени прихода к власти третьего лейбористского правительства в государственных учреждениях скопилось свыше 8,5 тыс. заявлений с просьбой о предоставлении жилья с умеренной квартирной платой.

В годы лейбористского правления жилищная проблема еще более обострилась вследствие инфляции, роста цен на землю, спекуляции земельными участками, нехватки и удорожания строительных материалов, повышения стоимости строительства. И без того тяжелое положение с жильем усугублялось из-за при-

тока в страну иммигрантов. Если в 1966–1970 гг. прирост населения в результате иммиграции составил лишь 6,5 тыс., то в 1971–1975 гг. – 106,9 тыс.⁷⁸ Пытаясь решить проблему, правительство разработало схему действий, по которой Жилищной корпорации надлежало вести переговоры с частными предпринимателями, помогать им в постройке домов, которые потом передавались в ведение государства, а затем сдавались им в аренду очередникам. Та же корпорация должна была заботиться о домах для престарелых, которые формально находились в ведении департамента здравоохранения, субсидии на их строительство были увеличены с 9 тыс. долл. до 12 тыс. в расчете на одного человека.

Была создана Национальная жилищная комиссия, призванная давать советы правительству по всем вопросам, касающимся жилья. Оказывалась помощь частным лицам для накопления средств и внесения в государственные банки денег, которые могли быть использованы для улучшения жилищных условий. Трехпроцентный заем на приобретение жилья предоставлялся тем, кто получал в неделю 80 долл. плюс 5 долл. на каждого ребенка, четырехпроцентный – тем, кто зарабатывал от 85 долл. Людям с низким доходом было выдано 5 тыс. займов, каждый из которых составлял около 72% стоимости приобретаемого жилья. Государство само стало покупать земельные участки и продавать их по сходной цене. Была разработана программа строительства государственных домов в небольших городах, где при правительстве Национальной партии государственного жилья вообще не существовало. Усиленное внимание обращалось на обеспечение жильем маорийцев.

Строительство почти половины домов прямо или косвенно финансировалось государством. Однако в условиях инфляции и экономического спада все меры, предпринятые лейбористами для решения жилищной проблемы, оказались недостаточно эффективными. В Окленде и других крупных городах родители и дети вынуждены были (для Новой Зеландии это чрезвычайное положение) жить в одной комнате. В то же время, несмотря на

обещание лейбористов обеспечить жильем в первую очередь людей с низкими доходами, ориентировать строительную индустрию на сооружение дешевых домов, возводились дорогостоящие особняки для буржуа, не желавших считаться с интересами других слоев общества. Надежды значительного числа новозеландцев на улучшение своих жилищных условий оказались несбыточными, и это наряду с другими серьезными причинами обусловило поражение лейбористов на очередных парламентских выборах.

Невыполненными оказались и обещания лейбористов в отношении иммигрантов. В своем предвыборном манифесте лидеры партии заверяли, что будут поощрять иммиграцию, чтобы уменьшить нехватку квалифицированных кадров. И в начале их правления приток рабочей силы из-за рубежа действительно расширился. Но в дальнейшем, в условиях экономического кризиса, когда они не могли обеспечить всех прибывших работой, жильем, товарами широкого потребления, им пришлось пересмотреть свою политику и встать на путь ограничения въезда в страну, причем прежде всего это касалось жителей тихоокеанских островов, которые представляли, как правило, неквалифицированную рабочую силу. Ограничивая въезд в страну, лейбористы, естественно, исходили из возможностей новозеландской промышленности и хозяйства поглотить то или иное число дополнительных работников.

Лейбористы пытались сделать невозможное – сохранить полную занятость. И действительно, процент безработных в годы правления третьего лейбористского правительства, несмотря на кризис, был невысок. В чрезвычайно трудный для страны 1974 г. он составлял 0,08%. На 1179,7 тыс. наемных работников приходилось всего 0,7 тыс. зарегистрированных безработных⁷⁹. Партии удалось сдержать рост безработицы, но возникли огромные долги. В 1974/75 г. внешний и внутренний долг правительства достиг 4199,7 млн долл.⁸⁰ Ухудшение экономического положения (реальный доход на душу населения упал более чем на 14%) и рост инфляции обусловили расширение стачечного дви-

жения. В мае-июне 1973 г. бастовали рабочие Уангарея, Окленда. Свое недовольство выражали жители Нейпира, Нью-Плимута и других городов. Забастовка шоферов Северного острова, начавшаяся в июле 1974 г., охватила рабочих различных отраслей народного хозяйства многих районов страны и оказалась самой крупной за предшествующие 20 лет.

Обострились расовые противоречия. Конец сессии парламента в 1975 г. ознаменовался маршем маори в столицу. Они требовали покончить с любым законодательством, санкционирующим отчуждение маорийских земель. Хотя именно при третьем лейбористском правительстве был учрежден трибунал Вайтанги, способствовавший духовному возрождению маори, решивший многие земельные споры в их пользу. Лидеры Лейбористской партии стремились вовлекать маори в общественную жизнь. Двое маорийцев вошли в правительственный кабинет и стали министрами. Было расширено изучение маорийской культуры. Во многих средних учебных заведениях и во всех педагогических колледжах было введено преподавание маорийского языка. Начиная с 1974 г. его изучали 9 тыс. учеников в 92 средних школах⁸¹. Такая же политика проводилась в отношении просвещения островитян. В июле 1974 г. состоялась специальная конференция, посвященная вопросам получения образования полинезийцами, поселившимися в Новой Зеландии.

За короткий срок – три года – лейбористы сделали много полезного в сфере социальной политики. Они внесли в парламент законопроект о недопустимости любых дискриминационных мер по отношению к женщинам. Закон улучшал правовое положение замужних женщин, в частности домохозяек, уравнивал права супругов в получении гражданства, выборе места жительства, разделе имущества и т.д. Они стремились также уравнивать оплату труда мужчин и женщин; первым шагом на пути к этому явилось увеличение заработной платы женщин до 85% мужской. Введя в высших учебных заведениях стипендию для заочников, они тем самым предоставляли неработающим по тем ли иным обстоятельствам женщинам возможность закончить или продолжить

свое образование, повысить квалификацию, а то и вообще пере-квалифицироваться.

Лейбористы отменили воинскую повинность, которая существовала в стране с 1961 г. Была организована контрактная хорошо оплачиваемая военная служба. Возрастной ценз для участия в парламентских выборах был снижен с 20 до 18 лет. Правительство предпринимало различные меры для лучшего функционирования судебной системы, смягчения условий содержания под стражей, а главное, усилило контроль в этой сфере со стороны общественности, особенно когда это касалось несовершеннолетних. Была с успехом проведена реформа местного самоуправления. Пристальное внимание властей привлекали проблемы здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, компенсации при потере трудоспособности и многие другие.

В сфере образования лейбористы стремились ликвидировать неравенство в условиях его получения, но в отличие от первого лейбористского правительства не добивались подчинения частного сектора государственному, а ограничились попытками интеграции частных учебных заведений в государственную систему. В области здравоохранения им не удалось провести широко задуманную реформу с целью сделать медицинскую помощь более доступной. Здесь они столкнулись с теми же трудностями, с которыми уже в наше время сталкивается большинство капиталистических государств, в частности США, – с мощным медицинским лобби. Медики испугались предполагаемого большего контроля со стороны государства, создания, как они считали, бюрократической системы, превращения их в государственных служащих, а по существу – уменьшения гонораров. Не составляет секрета, что врачи в развитых странах – одна из наиболее хорошо оплачиваемых профессиональных групп. Как справедливо заметил новозеландский историк М. Бэссет, «медики хотели большего доступа к государственной казне и в то же время меньшего контроля со стороны государства»⁸².

Как и большинство индустриально развитых государств, Новая Зеландия, правда в значительно меньшей степени, столкну-

лась с проблемой охраны окружающей среды. Третье лейбористское правительство ввело в действие законы о чистоте воздушного и морского пространства (при этом упор делался на соблюдении международной конвенции), приняло поправку к закону о консервации воды и почвы. В ноябре 1974 г. и в мае 1975 г. проходили конференции по сохранению и приумножению лесных богатств, говорилось о необходимости выработать единую национальную политику по использованию земель. Выполняя свои предвыборные обещания, правительство отменило строительство плотины на озере Манапоури для обеспечения электроэнергией алюминиевого комбината в Блаффе, идя навстречу избирателям, опасавшимся, что осуществление подобного проекта приведет к затоплению живописных ландшафтов.

Третье лейбористское правительство заменило Акт о примирении и арбитраже, действовавший в Новой Зеландии с 1894 г., законом об отношениях в промышленности. Были отменены штрафы и судебные преследования за участие в забастовочном движении. И это до некоторой степени (основные причины были сугубо экономическими) дало толчок к обострению классовой борьбы. Пик ее пришелся на 1973 г., когда в 394 забастовках участвовало до 11,8 % рабочей силы⁸³.

Правительство, несмотря на разразившийся мировой кризис, который для Новой Зеландии вследствие зависимости ее экономики от мирового рынка, принял особенно драматический характер, пыталось выполнить (а во многих случаях ему это удалось) свои предвыборные обещания. Оно провело ряд неотложных реформ, но всё же эти реформы носили косметический характер, не были достаточно радикальными. И эти свои неудачи лейбористы учли при своем следующем правлении (1984–1990), успешно осуществив кардинальную «перестройку» новозеландского народного хозяйства.

В условиях ухудшающегося экономического и финансового положения страны правительство перенесло центр тяжести своей внешней политики на учет и отстаивание собственных национальных интересов. Глава государства Н. Кёрк подчеркивал, что

«национальный интерес представляет собой единственную основу здоровой внешней политики»⁸⁴. Не порывал прежних связей с ведущими западными державами, Новая Зеландия начала активно завоевывать авторитет среди развивающихся стран, прежде всего расположенных в южной части Тихоокеанского бассейна. Она выступила против ядерных испытаний Франции в этом районе, запретила заход в свои порты кораблей Соединенных Штатов, своего союзника по АНЗЮС с ядерным грузом на борту; внесла совместно с Фиджи и Пануа – Новой Гвинеей в ООН предложение о превращении южной части Тихого океана в безъядерную зону.

Что касается отношений Новой Зеландии со странами Юго-Восточной Азии, то лейбористское правительство отозвало еще остававшихся во Вьетнаме военных советников (основной контингент был выведен раньше), признало Демократическую Республику Вьетнам, приняло решение о выводе войсковых подразделений из Сингапура, находившихся там в соответствии с пятисторонним соглашением об обороне Сингапура и Малайзии в рамках АНЗЮК, членом которого она являлась.

В обстановке разрядки международной напряженности и подъема национально-освободительного движения Новая Зеландия меняет акценты своей внешней политики. Признавая провал курса на создание военных блоков (куда Новая Зеландия так активно вступала в предыдущие годы), правительство страны не отказывается от своего участия в них, но стремится переориентировать задачи подобных союзов с проблем обороны на экономическое сотрудничество. В изменившихся условиях Новая Зеландия делала главный упор на «достижение безопасности путем укрепления доверия, стабильности и сотрудничества в регионе»⁸⁵. В начале 1974 г. новозеландское правительство выдвинуло план создания консультативного азиатско-тихоокеанского форума. В состав его предполагалось включить тихоокеанские державы Японию, Китай, страны Юго-Восточной Азии и Океании. План не был реализован из-за разногласий среди его участников, в частности из-за напряженных отношений Китая с Сингапуром

и Малайзией. Лейбористское правительство поддержало создание зоны мира и нейтралитета в Юго-Восточной Азии, а также концепцию Индонезии о национальной и региональной гибкости, основанную на принципе опоры на собственные силы. Новая Зеландия стремилась установить со многими странами двусторонние, неофициальные отношения, заявляя о примате связей, носящих консультативный характер. Ее цель – создание Ассоциации государств, где она и Австралия играли бы главенствующую роль. В 1973 г. она стала членом министерской конференции по экономическому развитию Юго-Восточной Азии. В начале 1974 г. она выступила с инициативой оказания экономической помощи государствам этого региона.

Новая Зеландия – также член комитета помощи государствам, входящим в ОЭСР, Международной ассоциации развития. Однако первое место в ее программах помощи прочно заняли страны Океании. Эта помощь им при лейбористском правительстве заметно увеличилась. Премьер-министр Н. Кёрк неоднократно подчеркивал, что Новая Зеландия несет ответственность за страны Океании. Были выработаны программы помощи островитянам в трудоустройстве, пересмотрена иммиграционная политика по отношению к ним. В бюджете 1974 г. была специальная графа для выделения средств на помощь и стимулирование деятельности новозеландских компаний в бывших колониях, в 1975 г. создан Консультативный комитет по вопросам внешней помощи и развития. Помимо задач безопасности и стабильности, двусторонние соглашения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона позволяли Новой Зеландии расширять сферу своего экономического влияния, диверсифицировать так необходимые ей в то время рынки сбыта для мясо-молочной продукции. Иными словами, она стремилась превратить свой внешнеполитический курс в инструмент экономической политики государства.

Со вступлением Великобритании в Общий рынок объем торговли между Новой Зеландией и бывшей метрополией заметно уменьшился. Особенно это коснулось таких продуктов, как молоко, масло и сыр, объем поступления их на английский рынок

подвергался определенным ограничениям. В такой ситуации поиск новых рынков становился для Новой Зеландии неотложной задачей. В результате расширялось и углублялось ее партнерство с Австралией. На третье место в экспорте Новой Зеландии вышла Япония, куда отправлялась шерсть, баранина, говядина, также пиломатериалы, железорудный песок и алюминий. КНР, с которой именно при лейбористах были установлены дипломатические отношения (правительство разорвало такие отношения с Тайванем), рассматривалась как один из наиболее значительных, перспективных торговых партнеров в Азии. С КНР было подписано торговое соглашение о предоставлении друг другу режима благоприятствования.

В поисках рынков сбыта были заключены новые соглашения с Индонезией, Перу, Ираном, Югославией, а также с Советским Союзом. В октябре 1973 г. от Ирана были получены заказы в размере 10 млн долл., от Бразилии – на 12 млн долл. на поставку новозеландских молочных продуктов. Это стало возможным после того, как было налажено регулярное судоходство между Новой Зеландией и этими странами. В ноябре 1973 г. Перу согласилось в течение последующих трех лет закупать 70% новозеландского мороженого мяса. Ирак превратился в постоянный рынок сбыта для новозеландского мяса, сыра, молока. В декабре 1974 г. с Ираком было заключено долгосрочное соглашение о поставке молочных продуктов более чем на 10 млн в год. В феврале 1975 г. от Ирака поступили заявки на поставку 20 тыс. т мяса, главным образом ягнятины (80%), стоимостью 20 млн долл.⁸⁶ В годы правления третьего лейбористского правительства Новая Зеландия налаживает дипломатические отношения со странами «социалистического лагеря». В Москве снова (отношения были прерваны в годы холодной войны) установлено посольство Новой Зеландии. Под эгидой общества «Новая Зеландия – СССР развиваются научные, культурные, спортивные связи. Происходит аккредитация послов в Польше, Югославии. Новая Зеландия признала Германскую Демократическую Республику. За малый срок своего правления третье лейбористское правительство, безусловно, сделало позитивные шаги в своем внешнеполитическом курсе.

Правительство Р. Малдуна (1975–1984)

В 1975 г. на очередных парламентских выборах Лейбористская партия потерпела поражение. Состав парламента изменился с точностью до наоборот. Если три года назад лейбористы занимали там 52 места из 87, а националисты – 35, то теперь Национальная партия завоевала 52 места, оставив Лейбористской партии – 35. Основной причиной поражения последней явилось тяжелое экономическое положение страны. С середины 70-х годов Новая Зеландия вступила в полосу длительного экономического кризиса. Этот затяжной структурный кризис стал закономерным результатом десятилетиями накапливавшихся в стране внутренних противоречий и дисбалансов, которые углубились и осложнились под воздействием прокатившихся по миру финансового и экономического кризисов. Из процветающей страны 50–60-х годов, когда она входила в десятку государств с наивысшим подушевым доходом, Новая Зеландия оказалась в 70-е годы в конце таблицы о рангах, занимая там 23–25-е места.

В борьбу за победу на выборах Национальная партия вступила под лозунгом: «Новая Зеландия, какой вы хотите видеть ее». Победив и на следующих выборах в 1978 г., Национальная партия подчеркивала свою приверженность прежним позициям, заявляя: «Мы держим слово». Каков же был путь нового правительства, стремящегося возратить новозеландцам былое процветание? Ставший премьер-министром Роберт Малдун, одновременно занявший пост министра финансов, обещал покончить с инфляцией, дефицитом платежного баланса, повысить жизненный уровень населения. Экономические тяготы, с которыми столкнулась Новая Зеландия, показали, с одной стороны, зависимость страны от внешнего мира, с другой – неэффективность ее промышленности, защищенной от него протекционистской политикой государства. Эта политика началась еще в 30-х годах XX века, когда первое лейбористское правительство пыталось таким путем увеличить число рабочих мест и приостановить сокращение валютных резервов. Развитию этой тенденции способ-

ствовала и Вторая мировая война, в условиях которой разумной и даже неизбежной была замена импортных товаров местными. В пользу протекционизма свидетельствовали и послевоенные трудности с платежным балансом. По оценкам МБРР, пошлины на сырье в конце 70-х годов составляли 0,6%, на полуфабрикаты – 8,5, на готовые товары – 32,6%, но если учитывать лицензирование импорта, то размер реальных пошлин достигал 50–70%⁸⁷.

При третьем правительстве Национальной партии велись ожесточенные споры относительно целесообразности такой политики. Так, заместитель директора Федерации предпринимателей У. Коффи, выражая общее мнение ее членов, утверждал, что только благодаря протекционизму возможны торговые успехи Новой Зеландии, что «открытая экономика» чревата для страны потерей рынков сбыта, банкротством многих фирм и ростом безработицы. Противоположной точки зрения придерживался Совет по планированию (правительственная консультативная организация), который считал необходимым создание более эффективной, конкурентоспособной рыночной экономики, которая могла бы положить конец разбазариванию ресурсов и упованию бизнесменов на государственные субсидии.

Сам Р. Малдун неоднократно заявлял, что надеется преобразовать страну, сделать ее экономику более открытой. Некоторую либерализацию импортного лицензирования он осуществил. Касалась она в основном запасных частей или материалов для промышленных изделий, собираемых в Новой Зеландии, в частности автомашин, производство которых в Новой Зеландии обходилось на 20–25% дороже, чем в США и странах Западной Европы. Автомобильная промышленность испытывала в это время спад. Закрылись некоторые предприятия компаний «Нью Зиленд Моторс», «Дженерал Моторс», «Тодд». Ряд заводов автосборочной промышленности продолжал свое существование только потому, что их закрытию активно противодействовали профсоюзы. Последние часто выступали в защиту протекционизма, опасаясь, что всякие структурные преобразования обернутся для них непо-

средственно усилением эксплуатации, ухудшением их экономического положения.

И все же в начале 90-х годов малая эффективность обрабатывающей промышленности сделалась настолько очевидной, что даже ярая защитница протекционизма Федерация предпринимателей осознала необходимость принятия мер, направленных на повышение конкурентоспособности местного производства, а также смягчения, а то и отмены правил, касающихся лицензирования импорта. Правительство было вынуждено внести ряд изменений в существующую систему, в частности общая стоимость импортных товаров, на которые были выданы лицензии, повысилась в 1980–1982 гг. на 25%, в 1982–1983 гг. – еще на 15%⁸⁸. В русле начавшейся либерализации внешней торговли в 1983 г. было подписано соглашение с Австралией, предусматривающее устранение всех тарифных барьеров между Новой Зеландией и Австралией к 1988 г., ограничения на импорт – к 1995 г.

Сделать экономику страны более открытой и конкурентоспособной Р. Малдун рассчитывал с помощью иностранного капитала. Правда, при этом в программе Национальной партии подчеркивалось, что необходимо прежде всего использовать местные ресурсы в интересах народа, осуществлять контроль над иностранными инвестициями, препятствовать иностранцам в покупке земельных участков на побережье моря или озер до тех пор, пока не будут полностью обеспечены интересы новозеландцев. Однако, как указывалось в программе, Новая Зеландия не может полностью освоить своими силами ни территориальные, ни водные пространства, и правительство в состоянии лишь гарантировать своим гражданам справедливое участие в качестве владельцев акций.

Что касается рыболовства, то следует, например, сотрудничать на договорной основе с другими странами в использовании ресурсов, которые опять-таки не могут быть полностью освоены. После введения в 1978 г. 200-мильной морской экономической зоны Новая Зеландия стала обладательницей акватории площа-

дью 4,5 млн кв. км. Ежегодный улов рыбы в прибрежных водах был определен в 500 тыс. т. Р. Малдун неоднократно подчеркивал значение рыболовства для торговых позиций страны. Так, разрешая Японии заниматься рыболовством у берегов Новой Зеландии, он потребовал от нее более свободного проникновения новозеландской сельскохозяйственной продукции на японский рынок. Совместно с компаниями Японии, Южной Кореи и других стран был создан рыболовный флот, стали строиться складские помещения, холодильники, заводы по переработке рыбы и других морепродуктов. В результате экспорт рыбы увеличился с 11 тыс. т в 1976 г. до 89,1 тыс. т в 1984 г.⁸⁹ Правительство Р. Малдуна признавало «желательность тщательного регулируемого участия иностранного капитала в развитии промышленности». Если раньше иностранные инвестиции вкладывались в основном в торговлю, банковское и страховое дело, то теперь все чаще – в предприятия обрабатывающей промышленности, особенно работающие на экспорт.

По мысли Р. Малдуна, усиленную поддержку должны получать фирмы, реализация проектов которых способствует ускорению темпов экономического роста страны, устранению диспропорций в региональном развитии, а также созданию предприятий с участием местных промышленников. В 1979 г. были внесены изменения в установленные третьим лейбористским правительством в 1974 г. правила, регламентирующие деятельность иностранных компаний в Новой Зеландии. Автоматическое одобрение получали покупки иностранцами активов местных компаний на сумму не выше 500 тыс. долл. (раньше все заявки иностранных инвесторов утверждала специальная комиссия), не требовалось разрешения на продажу иностранцам акций на сумму, составляющую до 25% капитала данной компании; увеличивались размеры предоставляемых им займов. Предполагалось, что деятельность иностранных фирм будет способствовать повышению эффективности работы местных компаний, внедрению новой техники оборудования, приобретению новозеландцами совре-

менных технических знаний и навыков, а главное – увеличению занятости и темпов экономического роста.

Привлечение в страну иностранного капитала должно было повысить конкурентоспособность новозеландской промышленности, содействовать переходу к «открытой» экономике. Однако на деле такая политика вела к разорению многих мелких местных производителей, росту банкротств, к чрезмерному усилению позиций иностранного капитала в ущерб национальному. Как справедливо отметил бывший министр финансов лейборист Р. Тизард, «указ автоматически разрешать образование компаний с капиталом до 500 тыс. долларов создает угрозу для существования мелких национальных компаний. Он позволяет крупным иностранным инвесторам занять ключевые позиции в экономике Новой Зеландии и легко расширять их в дальнейшем. Даже если вначале приобретение таких компаний, возможно, не покажется существенным, то оно станет таковыми впоследствии, когда эта практика расширится»⁹⁰.

Создавались и развивались новые отрасли промышленности, одновременно националисты продолжали курс лейбористского правительства на расширение торговых связей, а также диверсификацию промышленности и рынков сбыта. В 1980 г. была принята десятилетняя программа развития и диверсификации молочной промышленности. Предусматривалось строительство заводов по производству сыра, казеина, переработке сыворотки, предприятий для хранения молочной продукции. В Клайзебойе был пущен завод, изготавливающий сыр. Это было первое предприятие такого рода на Южном острове. Два новых сыроваренных завода строились в районе Уайкато. Модернизировались и реконструировались уже существующие в этой отрасли предприятия. В результате молочные заводы, которые в прошлом производили почти исключительно сливочное масло и сыр «Чеддер», стали выпускать 120 видов изделий, включая различные молочные порошки и так называемую салаку⁹¹.

Правительство субсидировало поиски новых рынков сбыта. Безвозмездные субсидии покрывали львиную долю затрат на

изучение конъюнктуры и содержание торговых представительств в других странах. Ведущее место во внешнеторговых отношениях заняли три крупнейшие страны Тихоокеанского бассейна: США, Австралия и Япония. Расширялись связи и с другими государствами этого региона. Стоимость экспорта Новой Зеландии за 9 лет правления третьего правительства националистов выросла более чем в шесть раз. Для завоевания восточных рынков страна стремилась учитывать вкусы и требования мусульманского населения. Так, на ультрасовременных бойнях в Уайкато иранские представители следили, чтобы скот забивали в соответствии с мусульманскими правилами. Потребителями новозеландской молочной продукции стали не только, как это было раньше, страны Европы и Северной Америки. Теперь их покупали также развивающиеся страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Правительство всячески поощряло развитие экспортных отраслей народного хозяйства. Были снижены налоговые ставки на прибыли от экспорта. Бизнесменам-экспортерам выдавались льготные лицензии на ввоз необходимого им импортного сырья и оборудования. В соответствии с Актом о налогах на доходы и землевладение предприниматели были вправе настаивать на специальных налоговых скидках для возмещения затрат, связанных с освоением новых рынков. Такие скидки могли на 50% компенсировать ассигнования на изучение рыночной конъюнктуры, техническую информацию, транспортировку грузов, заработную плату. Льготы экспортерам местной продукции оценивались в 20% всех государственных расходов. В целях поощрения производства экспортных товаров с 1978 г. фермерам давались субсидии, гарантирующие минимальные цены на мясо, шерсть и т.д. В интересах фермеров проводились девальвации новозеландской валюты: на 5% в июне 1979 г., на 6% в марте 1983 г. Защищая систему мер, поощряющих экспортеров, У. Купер, тогдашний министр внешней торговли, заявлял: «Невозможно найти страну, которая бы не охраняла свою внутреннюю производственную базу или не предпринимала какие-то шаги в отношении экспортер-

ной политики»⁹². Правда, правительство рассматривало такую систему защиты как сугубо временную, которую надлежало упразднить в 1985 г. Таким образом, широко рекламируя свое стремление сделать экономику страны «открытой», на практике во многих отношениях третье правительство Национальной партии, в сущности, усиливало протекционистскую политику государства в сфере народного хозяйства.

Мировой энергетический кризис выявил зависимость Новой Зеландии от импорта нефти. Только 10% своих потребностей в ней страна могла удовлетворить за счет собственных ресурсов. Поиски нефти на побережье, на которые были истрачены миллионы долларов, не дали тогда положительных результатов. Правительство разработало обширный план развития энергетики на 1980–1985 гг. На поиски углеводородного сырья, как на суше, так и в прибрежных водах Новой Зеландии, было выдано 40 лицензий. Попутно, дабы уменьшить зависимость от нефтяных поставок из Саудовской Аравии, Кувейта и Ирана, ставилась задача развивать импорт нефти из стран Южной Америки и Юго-Восточной Азии.

В 1978 г. была создана государственная компания «Петрокорп», которая сосредоточила в своих руках 50% акций компаний, осуществляющих добычу газа в Мауи – одном из крупнейших в мире газовых месторождений. В сотрудничестве с американской «Мобил ойл» строился завод по производству синтетического бензина в Мотунуи (Таранаки). В ноябре 1983 г. дал первую продукцию завод, производящий метанол, в Уайтаре⁹³. Самый крупный в стране нефтеперерабатывающий завод в Марсден-Пойнте должен был увеличить свою мощность на 50%. По утверждению Р. Малдуна, к 1977 г. 60% потребностей страны в нефти должны были обеспечиваться за счет альтернативного топлива (35% – за счет синтетического бензина, 15% – сжатого газа, 10% – сжиженного газа). В 1981 г. вступили в строй заводы по производству аммиака и мочевины. На базе газового месторождения в Капуни с 1982 г. функционировал завод, выпускающий азотные удобрения.

В сентябре 1983 г. в парламент был представлен третий по счету энергетический план. Он мало отличался от предыдущих, но в нем делался упор на развитие угольных богатств страны. В план включалось строительство трех новых шахт в районе Уайкато и расширение старых, значительное увеличение добычи угля. Предполагалось сооружение и ввод в эксплуатацию до 1993 г. двух новых электростанций, работающих на угле. В русле диверсификации энергетической базы разрабатывались проекты по строительству гидроэлектростанций, использованию геотермальной энергии. Правительство намеревалось развивать свои энергоресурсы так, чтобы ни один из используемых энергоносителей не играл доминирующей роли. Такая политика должна была ослабить зависимость Новой Зеландии от внешнего мира. Кроме того, правительство решило отказаться от экспорта излишков энергетического сырья, не гнаться за временной выгодой, а развивать энергоемкие отрасли промышленности, строить алюминиевые заводы, комплекс по производству листового проката, который бы работал на местном сырье, что позволило бы удвоить выпуск новозеландской стали.

Р. Малдун призывал новозеландцев мыслить масштабно и не жалеть средств на гигантские проекты, призванные, по его мнению, способствовать экономическому росту, уменьшению зависимости страны от импорта нефти. Он полагал, что эти затраты правомерны и с лихвой окупятся. Однако далеко не все политические деятели, экономисты и бизнесмены разделяли его точку зрения. Предыдущий премьер-министр У. Роулинг считал, что только безумный может тратить каждый грош, достаемый стране ценой крайнего напряжения на создание объектов, отдача от которых ожидается лишь в 90-е годы. Заявление депутата парламента от Национальной партии Д. Квигли о том, что политика правительства не встречает поддержки в народе и нуждается в пересмотре, стоило ему портфеля министра общественных работ и развития.

Затраты на претворение в жизнь крупномасштабных проектов составляли в ценах 1982 г. 6,3 млрд долл.⁹⁴, для этого было

необходимо ежегодно занимать за границей около 500 млн долл. Часть проектов осталась на бумаге. Таков, например, был план сооружения алюминиевого завода в Арамоане, расширения нефтеперерабатывающего завода в Марсден-Пойнте. Дело в том, что стоимость большинства строящихся объектов значительно превосходила первоначальную, издержки непрерывно росли, подчас они увеличивались вдвое, и иностранные партнеры отказывались в них участвовать. Должным образом не были проработаны технико-экономические обоснования. Против строительства завода по производству синтетического бензина, например, выступило маорийское население, которое опасалось, что отходы от этого предприятия будут загрязнять традиционные места рыбной ловли.

В условиях обострения ситуации на рынке труда (а число безработных выросло с 4,2 тыс. человек в 1975 г. до 76,5 тыс. – в 1983 г.⁹⁵) концентрация огромной доли инвестиций в капиталоемкой энергетике, где средние вложения на одного рабочего значительно выше, чем в любой другой отрасли производства, отнюдь не способствовали рассасыванию безработицы, на что неоднократно указывали лейбористы. Поскольку эти проекты предполагали привлечение иностранных компаний на всех стадиях их осуществления (разработка планов, финансирование, строительство, эксплуатация), сохранялась или даже усиливалась зависимость национальной экономики от политики иностранных корпораций, цели которых далеко не всегда совпадали с интересами Новой Зеландии. Крупномасштабные проекты, конечно, имели под собой определенную объективную почву и разумную цель – сократить импорт нефти и широко использовать местные энергетические ресурсы. Но их реализация тяжелым бременем ложилась на плечи новозеландцев. Бюджетный дефицит достиг в 1983–1984 гг. 3,1 млрд долл., т.е. 9% ВВП⁹⁶.

Весь государственный (внутренний и внешний) долг только за последние пять лет правления третьего правительства Национальной партии почти утроился и составил 21,9 млрд долл. (63,5% национального дохода)⁹⁷. При этом внешний долг опре-

делялся в 23,9% ВВП. Сократились, особенно в последние годы правления Национальной партии, реальные доходы населения. В результате ширился поток лиц, покидавших страну. Если в 1976 г. из Новой Зеландии уехали 34,7 тыс. человек, то в 1980 г. вдвое больше – 70 тыс.⁹⁸ Оставляли родину (часто навсегда) прежде всего люди трудоспособного возраста, разного социального статуса и профессионального уровня: высококвалифицированные специалисты (архитекторы, адвокаты, учителя), служащие, фермеры, сельскохозяйственные и промышленные рабочие.

Большинство экономических эмигрантов устремлялось в соседнюю Австралию, где было легче найти работу и где она выше оплачивалась. Правда, последние годы правления Р. Малдуна чистый отток населения несколько уменьшился, но это было связано не с улучшением жизни в Новой Зеландии, а с ухудшением экономического положения в государствах, куда обычно переселялись новозеландцы. Будучи сам министром финансов, премьер-министр Р. Малдун пытался добиться стабильного экономического роста при помощи проводимой им кредитно-денежной и финансовой политики. Но он не был последователен в своих действиях. Его финансовый курс характеризовался постоянными переходами от кредитно-денежной экспансии, которая сопровождалась ростом инфляции, дефицита бюджета и платежного баланса, к урезыванию государственных расходов, ведущему к снижению деловой активности и внутреннего спроса, увеличение безработицы. При этом маятниковый характер такой сугубо конъюнктурной политики был непосредственно связан с предвыборными и послевыборными годами. Если в предвыборный период правительство, стремясь остаться у власти, принимало меры к оживлению экономики, проводило экспансионистский курс, то, добившись большинства в парламенте, оно немедленно принимало ограничительные меры.

Р. Малдун сначала выступал сторонником монетаристской теории, но, не получив ощутимого результата от воздействия соответствующих мероприятий на экономику страны, перешел к кейсианской «политике доходов». Его политика в области цен и

доходов не была твердой и последовательной. Одной рукой он бросал подачки населению, другой забирал их назад, что особенно явственно сказалось на его налоговых преобразованиях. Проблема пересмотра подоходного налога была чрезвычайно актуальной и не раз дебатировалась в стенах парламента, на страницах прессы. От правительства Р. Малдуна ждали кардинальных изменений. По его заявлению, они должны были уменьшить негативное воздействие инфляции на реальные доходы населения и способствовать более справедливому вознаграждению за труд. Но он ограничился косметическими поправками к прежним законам.

Следующий премьер-министр (уже лейбористского правительства) Д. Лонги констатировал, «что новый закон о налогах абсолютно ничего не дает тем, кто зарабатывает менее 90 долл. в неделю»⁹⁹. Более того, был введен налог на пособие по безработице. От изменений в налоговой системе выиграли средние слои, положение низших слоев ухудшилось. Однако поступления от налогов за годы правления Национальной партии более чем утроились: в 1975 г. они составляли 2136 млн долл., в 1984 г. – 7453 млн долл.¹⁰⁰ Не оправдала себя в борьбе с инфляцией и политика замораживания цен и заработной платы, которая продолжалась 20 месяцев. Снижение инфляции было кратковременным: через четыре месяца после отмены замораживания цены на продовольствие подскочили почти настолько же, сколько за все предыдущие 20 месяцев. В период замораживания цен экономика страны оказалась по существу менее конкурентоспособной, чем в середине 70-х годов. Подушевой рост ВВП в 1982/83 г. снизился на 0,3%. Положение рабочих и служащих ухудшилось: рост располагаемого дохода снизился и определялся отрицательной цифрой в 5,2%, потребления – минус 1,2, накопления – минус 0,9%; рост доли прямого налогообложения в доходах, напротив, достиг 25,3%¹⁰¹.

В области социальной политики правительству Национальной партии в какой-то мере, особенно в первые три года его правления, приходилось следовать линии, намеченной предше-

ственников. Нельзя было сразу после прихода к власти отказаться от курса лейбористов на «более справедливое распределение доходов», расширение ассигнования на социальные нужды, не рискуя вызвать недовольство широких слоев населения и потерять на следующих парламентских выборах голоса многих избирателей. Но политика Р. Малдуна, направленная на снижение темпов инфляции путем сокращения государственных расходов, постепенно привела к тому, что затраты на жилищное строительство, народное образование и здравоохранение стали понижаться.

Кардинально изменилось отношение правительства к жилищной проблеме. По признанию Д. Квигли, который был тогда министром строительства, «изменения, внесенные в жилищную политику, ухудшат положение людей с низкими доходами, им будет труднее обзавестись собственным домом, новая политика стремится помочь тем, кто помог себе сам»¹⁰². Сокращая ассигнования на строительство государственных домов, правительство откровенно хотело переложить заботу о жилищном строительстве на частный сектор. С 1979 г. правительство Национальной партии открыто отказалось от курса лейбористов на всемерное развитие жилищного строительства с участием государства. Так Дж. Маклей, занимавший пост министра юстиции, в одной из своих официальных речей заявил: «Правительство не собирается при любых обстоятельствах санкционировать бум в жилищном строительстве, подобный тому, который наблюдался в 1973–1975 гг. Те из вас, кто помнит этот период, должны осознать, что такой неудержимый рост противоречит интересам долгосрочной жилищной политики и может свести на нет антиинфляционные меры, принятые правительством»¹⁰³. И если в начале правления Национальной партии капитальные расходы центральной администрации на создание жилья составляли (в постоянных ценах 1980 г.) ежегодно 110 млн долл., то в 1979 – 1981 гг. в среднем за год – только 47 млн, т.е. лишь немного превосходили ежегодные капитальные затраты в 1970–1972 гг., которые равнялись 43 млн долл. и уступали аналогичным затратам

лейбористов, достигавшим в 1973–1975 гг. в среднем 77 млн долл.¹⁰⁴ Люди с низкими доходами, лишившиеся поддержки государства, практически утратили возможность иметь свой дом. В чрезвычайно тяжелом положении оказывались молодые семьи. Просьбы об аренде государственных квартир далеко не всегда удовлетворялись. По данным доклада Национальной жилищной комиссии, красноречиво озаглавленного «Бездомные в Окленде», в южной части города насчитывалось 14 тыс. человек, не имевших никакого пристанища¹⁰⁵.

Жилищная политика правительства наглядно показала, в чьих интересах оно действует, каким слоям общества оказывает финансовую поддержку. Подобная политика неоднократно критиковалась в выступлениях членов парламента от оппозиционной партии, на страницах газет и журналов. В газете «Доминион», например, бывший казначей Новозеландской федерации труда А. Кирк писал: «Высокооплачиваемые лица получают большую финансовую помощь от государства для приобретения жилья, чем низкооплачиваемые, которым приходится платить более высокие проценты частному сектору. 36% государственных ссуд под закладные домов достается менеджерам и специалистам высокой квалификации, 24% – “белым воротничкам”, в то время как “синим воротничкам” предоставляется треть частных ссуд... Кажется непостижимым, что директора компаний, покупающие дома за 90 тыс. долл. в Чартон-парке, могут получить ссуду у жилищной корпорации. Начиная с середины 70-х годов финансовая деятельность государства приносит выгоду богатым, а не бедным¹⁰⁶.

Перестроить систему здравоохранения в стране пытались предыдущее правительство лейбористов, но не сумело. Медицинская система оставалась четко стратифицированной (об этом писали многие исследователи, в том числе У. Сатч, Д. Бедгуд, К. Синклер и др.), причем неравенство в медицинском обслуживании все время углублялось. «Уже есть приметы возвращения к ситуации до 1938 г., когда функционировала одна система медицинского обслуживания для богатых, другая – для бедных», –

писал историк К. Синклер¹⁰⁷. В этой сфере правительство Национальной партии, как и вообще в вопросах социальной политики, пошло по пути все более широкой поддержки частного сектора в ущерб государственному. В результате список пациентов, ждущих своей очереди в больницу, увеличился. Если при лейбористском правительстве он насчитывал около 33 тыс. человек, то при национальном – на 10 тыс. больше – до 43 тыс. человек¹⁰⁸.

Несомненно, прогрессивным было введение 9 февраля 1977 г. единой национальной системы социального обеспечения (до этого времени существовали пенсии по возрасту и пенсии по старости). Эта система финансировалась из налоговых поступлений, для ее функционирования не требовалось никаких дополнительных вложений или специальных фондов. Как это ни парадоксально, но в ее основу легли принципы, фигурировавшие в предвыборном манифесте Лейбористской партии в 1935 г. Третье же лейбористское правительство, чей законопроект о пенсиях Национальная партия приостановила уже в декабре 1975 г., опиралось на предложения У. Нэша, против которых в 30-е годы резко выступали лейбористы-радикалы Дж. Ли и Д. Макмиллан. Их критические замечания были сходны с нападками лидеров Национальной партии, в частности Р. Малдуна, на законопроект лейбористов в середине 70-х годов. По этому законопроекту, внесенному в парламент 26 октября 1973 г., каждый человек с 60 лет мог получать пенсию, которая облагалась налогом и уровень которой зависел от отчислений данного лица в государственный пенсионный фонд. Один из представителей Национальной партии Дж. Маршалл высказал мысль, что такая концентрация денежных средств в руках правительства может привести к скупке им крупного пакета акций в компаниях, национализации, а также контролю над деятельностью частных фирм. Несмотря на возражения критиков законопроекта, он был принят с незначительными поправками парламентом в апреле 1975 г., а через несколько месяцев отменен завоевавшей победу на очередных парламентских выборах Национальной партией.

«По иронии судьбы, – писал исследователь социальной политики в Новой Зеландии Б. Истон, – несмотря на то что схема У. Нэша была отвергнута лейбористами-радикалами 30-х годов как консервативная, подобная схема была введена третьим лейбористским правительством. Однако третье правительство Национальной партии отклонило ее (не слышится ли отзвук возражений Дж. Ли в беспокойстве Р. Малдуна о размерах инвестиционного фонда?) и предложило схему, похожую на обещания, содержащиеся в манифесте Лейбористской партии. Не забавно ли, что радикалы и консерваторы 1938 г. поменялись местами в 1976 г.?» «Если и был парадокс, – вторит Б. Истону другой исследователь Е. Хэнсон, – в том, что Лейбористская партия поддерживала в 1972 г. Закон о пенсиях по старости, выплачиваемых на основе создаваемого фонда, то не менее, а то и более парадоксальным является изменение Национальной партией установок 1938 г. и осуществление ею курса, который долгое время ассоциировался с ее политическими противниками».

Исследователи, занимавшиеся пенсионной проблемой, объяснили, в чем причина такой перемены взглядов у консерваторов. Это стремление – привлечь на свою сторону пожилых избирателей. По переписи 1976 г., лица в возрасте 60 лет и старше составляли в стране 13% всего населения и около четверти электората. «Обозреватели, – писал Б. Истон, – не сомневаются в том, что пенсионная система, предложенная Национальной партией, была главным фактором, привлечшим пожилых избирателей на ее сторону во время выборов 1975 г.» «Похоже, что обращение Р. Малдуна к пенсионному вопросу помогло ему в его притязаниях на партийное лидерство в 1975 г. и даже более того – явилось важным фактором в победе Национальной партии на выборах в конце 1975 г.», – замечает Е. Хэнсон¹⁰⁹.

Преимущества этой системы пенсионного обеспечения перед лейбористской очевидны. Каждому гражданину страны, прожившему в ней не менее 10 лет и достигшему 60-летнего возраста, была гарантирована обеспеченная старость. Но эта система дорого обходилась налогоплательщикам, она усилила нало-

говый гнет на основную массу населения. Кроме того, для ее функционирования, по существу, перекачивались средства из других социальных сфер, как то здравоохранение и народное образование. Она внесла определенную лепту в ухудшение финансового положения страны в конце 70-х – начале 80-х годов.

Уже в первые годы своего правления третье правительство Национальной партии провело через парламент ряд антидемократических законов. Так, 31 августа 1976 г. оно объявило о своем намерении издать антизабастовочный закон. И 23 ноября такой закон, вернее поправка к Закону об отношениях в промышленности, был принят. Поводом послужили выступления моряков и докеров в Веллингтоне, протестовавших против захода в порт фрегата с атомными двигателями. Как заявил министр труда Дж. Гордон, недопустимо, чтобы профсоюзы присваивали себе права правительства и решали вопросы внешней политики. Он же дал разъяснение этому закону, подчеркивая, что новый закон не лишает рабочих права бастовать в случае, если они недовольны размером заработной платы или условиями труда. Закон призван пресекать политические забастовки, каковыми правительство считает непромышленные выступления, которые «причиняют ущерб обществу». Для нарушителей этого закона предусматривались различные штрафы: от 150 долл. с рядовых граждан, до 1500 долл. – с профсоюзных организаций.

Антизабастовочный закон вызвал глубокое возмущение общественности. Президент Национального исполнительного комитета Новозеландской федерации труда Т. Скикнер, выражая общее мнение широких слоев населения, заявил: «Профсоюзы существуют для того, чтобы добиваться лучшей жизни и безопасности для членов организации, а не для того, чтобы заботиться лишь о повышении заработной платы и улучшении условий труда»¹¹⁰. По стране прокатилась волна стачек, в которых участвовали докеры, стригали, рабочие предприятий мясообрабатывающей и резиновой промышленности. Активизировалась деятельность Новозеландской федерации труда, которая укрепила свою организационную структуру. Однако, как считали участни-

ки массовых кампаний протестов против антизабастовочного законодательства, федерация не приняла серьезных мер для массовой борьбы, не сумела, по выражению одной из активисток женского движения К. Джилеспай, «возглавить и организовать трудящихся на борьбу против поправок к Закону об отношениях в промышленности, смирилась со статьей, направленной против политических забастовок и согласилась с так называемыми свободными переговорами в рамках социального контракта 1977 г.»¹¹¹. Отдельным профсоюзам пришлось в одиночку противостоять действиям правительства, и они потерпели неудачу.

8 сентября 1977 г. Р. Малдун внес на рассмотрение парламента очередной антидемократический законопроект. В соответствии с ним расширялись функции службы безопасности: ей вменялось в обязанность заниматься сбором информации о потенциальных диверсиях, шпионаже, подрывной деятельности, терроризме. Служба безопасности получала право контролировать частную переписку, прослушивать телефонные разговоры, проводить обыски в квартирах. Этот законопроект вызвал возмущение не только оппозиции, но и некоторых парламентариев – членов самой правящей партии. Во время его обсуждения группа недовольных проникла в здание парламента, но была изгнана оттуда полицией. Демонстрации протеста проходили в Веллингтоне и Окленде; 10 тысяч человек собрались у штаб-квартиры службы безопасности и забросали ее камнями и тухлыми яйцами. Этот законопроект давал Р. Малдуну неограниченные возможности для дискредитации и подавления своих политических противников. Как подчеркивали в своих парламентских выступлениях депутаты от Лейбористской партии, поскольку служба безопасности подчинена непосредственно премьер-министру, он может навязывать свою волю партии, усмирять недовольных, компрометировать неудобных ему лиц и избавляться от них.

1 февраля 1984 г. правительство издало Закон о свободном членстве в профсоюзах. Вводя его перед предстоящими выборами, Р. Малдун надеялся спровоцировать беспорядки в стране, расколоть профсоюзное движение, привлечь на свою сторону

избирателей, опасющихся чрезмерного влияния профсоюзов, и таким образом удержать власть. Жесткая линия в отношении профсоюзов в какой-то мере помогла Р. Малдуну победить на парламентских выборах 1975 г., когда обыватели были напуганы активизацией стачечной борьбы при его предшественниках-лейбористах. Суть такой политики была очевидна многим представителям общественности. «Свободные профсоюзы, – подчеркивал лейборист Э. Исби, – не могут обеспечить промышленного мира, они предназначены создать напряженную атмосферу, в которой правительство соберет голоса»¹¹². В то же время данный закон (и это показало дальнейшее развитие Новой Зеландии) имел и положительные последствия. Стране необходимо было покончить с протекционизмом в сфере промышленности, развивать свободную конкуренцию. На это ссылался Джим Болджер, в то время министр труда, обосновывая необходимость в отмене обязательного членства в профсоюзах: «Можно ли с полным правом сказать, что 50 лет гарантированного членства и финансирования содействовали развитию новозеландских профсоюзов и превращению их в современную, ориентированную на будущее организацию? Приходится констатировать, что наши профсоюзы не новаторские. Более того, они цепляются за такую устаревшую концепцию, как продолжающаяся классовая борьба... Обязательное членство в профсоюзах относится ко времени, когда Новая Зеландия полагала, что можно существовать в коконе протекционизма и мировые события будут обходить ее стороной. Нам надо установить справедливость в наших профсоюзах, как и в других областях жизни»¹¹³. Характерно для Новой Зеландии, где профсоюзное движение имело долгую историю (первые организации возникли еще в 40-х годах XIX века обязательное членство в профессиональных союзах было введено в 1936 г.), что после отмены его правительством Р. Малдуна по всей стране только 30 человек решились выйти из них.

Консервативное правительство провело через парламент еще ряд антидемократических актов. Поправка к Закону об отношениях в промышленности, принятая в октябре 1978 г., содержала

прямое ущемление прав профсоюза канцелярских и конторских работников, пересмотр закона, касающегося Ассоциации государственных служащих, давал возможность правительству распоряжаться фондами этой организации. Закон о компенсации 1979 г. позволял правительству определять размер заработной платы и условия труда в любой отрасли народного хозяйства.

В целом правительство Национальной партии, уклоняясь от проведения кардинальных структурных реформ, в основном действовало, как и предшествующие правительственные кабинеты. Оно лавировало, принимало сиюминутные, конъюнктурные меры, пытаясь сохранить стабильность, и по существу в основном либо увеличивало, чтобы оживить экономику, государственные расходы, либо, борясь с инфляцией, сокращало их, что вело к замедлению экономического роста и отрицательным социальным последствиям, особенно на рынке труда.

В своей внешней политике правительство Малдуна во многом продолжало линию лейбористов. Оно по-прежнему декларировало свою идентичность с народами Океании, уверяя, что проблемы региона имеют первостепенное значение для Новой Зеландии. «Развитие дипломатических связей с островными государствами и предоставление им помощи, как на двусторонней основе, так и через региональные организации, например через Южно-Тихоокеанский форум, – заявил в 1983 г. заместитель секретаря министерства иностранных дел М. Темплон, – является одним из главных направлений новозеландской внешней политики. Интересы Новой Зеландии совпадают с интересами ее северных островных соседей»¹¹⁴. На почве осознания общности интересов Новой Зеландии и Австралии в южной части Тихого океана происходит тесное взаимодействие обеих стран как в экономической, так и политической сферах, в частности в вопросах внешней торговли и безопасности.

Еще при втором правительстве националистов 31 августа 1965 г. было подписано соглашение о свободной торговле между двумя странами – НАФТА. Оно намечало снижение, а затем и отмену пошлин, тарифов, импортных лицензий, т.е. постепенное

устранение всяческих барьеров на пути движения товаров, капиталов и услуг. Цели соглашения четко формулировались в его второй статье: содействовать развитию данного района, использованию его ресурсов путем поддержания и расширения взаимовыгодной торговли, обеспечить (насколько это возможно) честную конкуренцию. Чтобы соглашение было взаимовыгодным и не наносило партнерам никакого ущерба, предусматривались определенные гарантии, в частности исключение из товарооборота ряда товаров, если беспошлинная торговля ими окажется неприемлемой для одной из сторон. К соглашению о свободной торговле подтолкнуло указанные страны планируемое вступление Великобритании в Общий рынок. Но, как подчеркивает В. А. Богомолов, речь не шла о неограниченном доступе австралийских товаров в Новую Зеландию, поскольку последняя менее развита в индустриальном отношении, и это могло негативно сказаться на развитии ее национальной промышленности. Да и Австралия, защищая своих производителей, не хотела неконтролируемого увеличения поставок новозеландского сельскохозяйственного сырья. Новая Зеландия значительно меньше Австралии по размерам территории, а также численности населения. Она не имеет тех разнообразных природных ресурсов, которыми богата Австралия. Неудивительно, что сальдо торгового баланса было в пользу Австралии. Отношение импорта к экспорту, по подсчетам В. А. Богомолова, определялось в 1967 г. как 1:4, в 1975 г. – 1:2,7¹¹⁵. Однако соглашение было выгодным и для Новой Зеландии – служило стимулом для развития промышленности, производства экспортных товаров. Товарооборот между двумя странами рос быстрыми темпами. В 1978 г. Австралия занимает четвертое место (после Великобритании, США и Японии) в экспорте Новой Зеландии и первое место в ее импорте¹¹⁶. В 1976 г. было решено продлить соглашение НАФТА еще на 10 лет.

Новый этап в развитии экономической интеграции – вступление в силу 1 января 1983 г. нового соглашения о Тесных экономических связях (полное название – Australian-New Zealand

Closer Economic Relations Trade Agreement, ANZCERTA). Фактически это соглашение о создании зоны свободной торговли к 1995 г. продолжало решение задач, поставленных НАФТА: расширение экономических связей, провозглашение свободы торговли, снятие торговых барьеров, развитие торговли в условиях конкуренции. В соответствии с этим соглашением были проведены консультации официальных лиц и представителей деловых кругов двух стран, касающиеся дальнейшей либерализации торговли товарами и услугами, на которые предполагалось уменьшить пошлины. Сфера действия предусматриваемых операций включала около 60% общего объема торговли. Соглашение распространялось на все области торговых отношений, за исключением некоторых отраслей промышленности, торговля продукцией которых не подлежала либерализации. Впоследствии договор с Австралией дополнялся другими соглашениями. Поэтому он постоянно расширялся и углублялся, затрагивая различные сферы экономики.

Общая цель Австралии и Новой Зеландии – усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии, играть доминирующую роль в Южно-Тихоокеанском бассейне – обуславливала тесное взаимодействие не только в сфере экономики, но и дипломатии, военной стратегии. В 1969 г. между Австралией и Новой Зеландией было заключено соглашение об интеграции и сотрудничестве в области обороны и вооружения; в 1970 г. подписана Тасманийская декларация, в которой подчеркивалось значение дальнейшего укрепления двусторонних связей между Новой Зеландией и Австралией; в 1972 г. объявлено о создании консультативного комитета по вопросам оборонного сотрудничества. В 1977 г. были разработаны меры по координации деятельности в таких областях, как военно-морская разведка, военно-научные исследования, и начаты регулярные консультации по различным вопросам военного сотрудничества.

Тесное взаимодействие Новой Зеландии и Австралии касалось не только экономики. Военно-политическое партнерство

Австралии и Новой Зеландии в конце 70-х – начале 80-х годов постепенно переходило от простой координации усилий к более широкому, всестороннему взаимодействию сторон. Был подписан меморандум о достижении договоренности о совместных мероприятиях в области обороны, обсужден меморандум о проведении на взаимной основе ремонта военной техники и мероприятий по ее обслуживанию. В июне 1983 г. было заключено соглашение о более тесном сотрудничестве в области тылового обеспечения. Как подчеркивал министр иностранных дел Новой Зеландии, австралийско-новозеландский «центр силы» превратился в «единое целое в стратегическом отношении»¹¹⁷.

Однако националисты не во всем следовали за лейбористами, отказавшись от ряда установок своих предшественников прежде всего от концепции безъядерной зоны как нереальной. Американские суда с ядерным оружием на борту или с силовыми атомными установками вновь могли появляться в портах Новой Зеландии. Правительство Р. Малдуна пошло на сближение с США: одобрило линию на свертывание отношений с Советским Союзом в связи с вводом войск в Афганистан в конце 1979 г. и событиями в Польше. Это повлекло за собой серию определенных решений. В период возросшей озабоченности Новой Зеландии в отношении политики Советского Союза в целом на мировой арене и в частности в Тихоокеанском регионе Веллингтон ввел ряд практических ограничений на двусторонние взаимоотношения. Кроме того, правительство провозгласило советского посла в Новой Зеландии В. Н. Софинского персоной нон-грата на основании деятельности, несовместимой с дипломатическим статусом, и попросило его покинуть страну. Вслед за этим последовало требование с советской стороны, чтобы новозеландский посол Джим Вейр покинул Москву в январе 1980 г. Между тем, как следовало из беседы Временного Поверенного в делах СССР в Новой Зеландии В. И. Азарушкина с корреспондентом Национального радио Новой Зеландии Т. Берчем 23 января 1981 г., несмотря на прохладные дипломатические отношения, «торговля между СССР и Новой Зеландией увеличилась в два

раза по сравнению с предыдущим годом... Новозеландский экспорт в СССР составил 250 млн долл., импорт – 6 млн долл.»¹¹⁸.

Таким образом, Новая Зеландия имела огромное положительное сальдо в торговле с СССР, что способствовало улучшению ее общего платежного баланса, и это не могли не учитывать даже резко настроенные критики общей внешней политики СССР. Что же касается СССР, то все возрастающий импорт продовольствия из Новой Зеландии отражал неспособность советского агропромышленного комплекса обеспечить потребности населения такими важнейшими продуктами, как мясо, масло и сыр.

Успешное развитие экономических отношений Новой Зеландии с СССР не ограничивалось торговлей продукцией земледелия и животноводства. В этой связи все более важное значение приобретали переговоры о рыболовстве в водах, омывающих Новую Зеландию, начавшиеся еще при лейбористах в январе 1975 г. и продолжавшиеся при Р. Малдуне. 4 апреля 1978 г. было подписано соглашение между правительствами Новой Зеландии и СССР по рыболовству, которое включало в себя 12 статей, где подробно описывались права и обязанности сторон. Соглашение было принято на срок до 30 июня 1982 г., затем оно неоднократно продлевалось. Помощник секретаря по иностранным делам МИД Новой Зеландии Дж. Шеперд в беседе с Временным Поверенным в делах СССР в Новой Зеландии В. И. Азарушкиным 20 ноября 1981 г. выразил удовлетворение развитием советско-новозеландских отношений в области торговли и рыболовства¹¹⁹. Дипломатические отношения между странами стали налаживаться. В октябре 1983 г. возобновила свою работу советско-новозеландская комиссия по торговле, а в мае 1984 г. состоялся обмен вновь назначенными послами.

В то же время правительство Р. Малдуна развивало отношения с Китаем, отойдя от принципа «равноудаленности», исповедуемого лейбористами. Националисты одобрили военные действия Китая против Вьетнама, поддерживали в ООН режим Пол Пота, солидаризировались с США в дальнейшей милитаризации

Тихого и Индийского океанов. Военный блок АНЗЮС не потерял своего значения для Австралии и Новой Зеландии. И несмотря на то что после отказа Новой Зеландии допускать в свои порты американские корабли с атомным грузом на борту, американская сторона приостановила выполнение своих гарантий по договору. Региональная политика претерпела мало изменений. Новая Зеландия все отчетливее сознавала, что ее будущее связано прежде всего с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Тем не менее она поддержала Великобританию в фолклендской войне, отправив в 1982 г. на помощь английским судам новозеландский фрегат, а также разорвала дипломатические отношения с Аргентиной. В защиту участия в этой войне Малдун написал статью, опубликованную в газете «Таймс» под заголовком «Почему мы на стороне метрополии», подчеркнув, что жители Фолклендских островов и новозеландцы – одна семья.

Кардинальные экономические и социальные реформы

Внешняя политика третьего правительства Национальной партии, в частности отрицательное отношение к созданию безъядерной зоны в Южно-Тихоокеанском регионе, допуск в Новую Зеландию американских кораблей с атомным грузом на борту, сыграли не последнюю роль в ее поражении на парламентских выборах в 1984 г. Так, непосредственным поводом к проведению досрочных выборов (они состоялись в июле, а не в ноябре) послужило то, что два депутата от Национальной партии М. Майног и М. Уоринг проголосовали за предложенную лейбористами резолюцию объявить Новую Зеландию безъядерной зоной. Общественность Новой Зеландии поддерживала эту лейбористскую инициативу. Правительство потеряло свое большинство в парламенте. Оно имело там всего 46 мест из 92 и 45 голосов, поскольку спикер (член Национальной партии) не голосует.

Но основной причиной поражения Национальной партии были, конечно, плачевные итоги ее правления, прежде всего в

сфере экономики и социальной политики. Не такой, какой стала Новая Зеландия в начале 80-х годов, хотели видеть ее граждане. Малдуну не удалось сдержать слово и выполнить предвыборные обещания. Инфляция продолжала быть высокой, дефицит платежного баланса увеличился, безработица росла, положение основной массы населения существенно ухудшилось. Внутри самой правящей партии наблюдался разброд, приведший к образованию новой Новозеландской партии, не получившей в парламенте ни одного места, но все же отобравшей у националистов часть голосов традиционно голосующих за них избирателей. Новая партия ратовала за поощрение бизнеса, предоставления ему большей свободы, выступала против авторитарной политики и вмешательства государства в экономическую жизнь.

Программу коренной перестройки страны выдвинула Лейбористская партия. Программа была неожиданной и, казалось бы, парадоксальной. Ведь эта партия всегда провозглашала принципы государственного перераспределения национального дохода, усматривая в нем гарантию справедливости и социальной защищенности. Но таково было веление времени. Новой Зеландии было необходимо приспособиться к новым мировым условиям, догнать другие государства ОЭСР, от которых она фактически стала отставать уже в конце 60-х годов, и разрыв этот продолжал увеличиваться. Страна фактически жила в долг, обкрадывая тем самым будущие поколения. А в своей предвыборной программе 1984 г. лейбористы предусматривали ограничение государственного вмешательства в экономику, простор для действия рыночных механизмов и частной инициативы – положения, которые традиционно отстаивают националисты.

Лучше всего о необходимости проведения именно таких преобразований, о ходе и основных этапах изменений рассказывала впоследствии одна из непосредственных творцов новозеландских реформ министр финансов четвертого правительства Национальной партии Рут Ричардсон. Поэтому мы считаем целесообразным привести отрывок из ее доклада, подготовленного для международной конференции «Либеральная программа для

нового века: глобальный взгляд», организованной Институтом Катона (Cato Institute, США), Институтом экономического анализа (Россия) и Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей), прошедшей 8–9 апреля 2004 г. в Москве¹²⁰. Состояние страны, которое она описывает, может до некоторой степени напомнить читателю годы перестройки, начатой в СССР в то же время, что и реформы в Новой Зеландии. Конечно, было бы неправильно проводить прямые параллели между преобразованиями в Новой Зеландии и России. Слишком велика разница между огромной Россией, совершающей свой тяжкий переход от командно-административного управления к рыночно-капиталистической системе, и маленькой Новой Зеландией, экономика которой всегда базировалась на рыночной основе, но оказалась к 1980-м годам слишком зарегулированной и скованной многочисленными ограничениями и запретами. И все же опыт перестройки в двух странах имел немало общего.

«Проведение внеочередных выборов 14 июля 1984 года, – как пишет Рут Ричардсон, – опустошило резервы иностранной валюты Новой Зеландии. Выборы с большим преимуществом выиграла Лейбористская партия, находившаяся в оппозиции. После открытия валютного рынка сразу после выборов опустошение резервов иностранной валюты в Новой Зеландии вылилось в полномасштабное наступление на доллар. Таким образом, новое правительство унаследовало валютный кризис, плохо работающую экономику и несостоятельную экономическую политику.

Подобно многим другим странам Новая Зеландия слишком долго упорно отказывалась от проведения реформ. Вместо того чтобы решать проблемы структурных препятствий, тормозящих развитие экономики, Новая Зеландия практиковала политику отсрочек в проведении реформ. Не делая ничего, мы только увеличивали свою уязвимость. Произошедший кризис в итоге стал катализатором изменений. Считается, что подтолкнуть политические преобразования могут два фактора: первый – это общественное мнение и второй – это события. События, происходящие

в Новой Зеландии, требовали незамедлительных реформ, поэтому сформировавшееся убеждение о том, что экономическая свобода является основой процветающей экономики и что освобождение экономики даст положительный эффект, позволили Новой Зеландии приступить к проведению всесторонних реформ»¹²¹. Далее Р. Ричардсон дает емкую и четкую характеристику проведенных, в частности при ее непосредственном участии, структурных реформ, кардинально изменивших экономическую политику страны.

«В основе реформ лежало понимание того, что ресурсы в Новой Зеландии используются непродуктивно и что только путем активизации рыночных механизмов в промышленности и международной конкуренции можно трансформировать экономическое развитие страны. Таким образом, возобладала философия экономического либерализма: свободный рынок рассматривался как главный двигатель экономического роста в среднесрочном плане. Кроме того, существовало также опасение, что излишняя направленность макроэкономической политики на краткосрочные цели наносит серьезный ущерб экономике. Необходимо было дисциплинировать монетарную и налоговую политику таким образом, чтобы она соответствовала целям устойчивого среднесрочного экономического роста. Одной из наиболее отличительных черт программы реформ в Новой Зеландии была концепция о «правительственном фиаско» в понимании теоретиков школы общественного выбора. От бюрократии можно было ожидать, что она будет действовать в своих интересах; не было гарантий, что правительство будет следовать политике максимизации общего благополучия своих граждан. Те, кто разрабатывал политику в Новой Зеландии, пытались найти в Конституции нормы, которые обязывали правительство по возможности следовать курсом здоровой макроэкономической политики, даже в случае возникновения причин, побуждающих правительство проводить временно нездоровую политику»¹²².

Первоначальные шаги по программе экономической либерализации Новой Зеландии были сделаны быстро. Еще до того как

новое лейбористское правительство было приведено к присяге, оно осуществило девальвацию курса валютного обмена на 20%. В то же самое время правительство сняло контроль над процентными ставками. Этих мер оказалось достаточно, чтобы справиться с текущим кризисом – наступлением на новозеландский доллар. Затем последовал ряд инициатив по либерализации финансовых рынков. Был положен конец контролю валютного обмена. В марте 1985 г. был введен плавающий курс новозеландского доллара. Плавающий курс валюты способствовал проведению монетарной политики, что позволило властям более эффективно, чем при фиксированном курсе валютного обмена, контролировать денежную массу.

Правительство, кроме того, считало, что плавающий обменный курс играет важную роль в сфере распределения ресурсов. Подобно другим ценам, плавающий курс, то есть цена национальной валюты, является механизмом, посредством которого посылаются важные сигналы участникам экономической деятельности. Следующим шагом было снижение субсидий производителям, особенно в области сельского хозяйства. Несмотря на предыдущие попытки правительства диверсифицировать экспортную базу, вывоз сырья в 1984 г. по-прежнему обеспечивал примерно две трети общей экспортной выручки. Была резко сокращена прямая помощь овцеводам, а также производителям промышленной продукции на экспорт. Снижение протекционистских импортных барьеров осуществлялось гораздо медленнее. Несмотря на отказ от лицензирования импорта, на ранней фазе реформ отечественные тарифы по сравнению с международными оставались очень высокими.

Особенно удачно, как считала Рут Ричардсон, проходила налоговая реформа. Налоговая структура, унаследованная лейбористами в 1984 г., базировалась в основном на прямых налогах, обеспечивавших две трети всех поступлений. Высокие прогрессивные ставки налогообложения подрывали стимулы к труду, сбережениям и инвестициям, побуждали искать пути для укло-

нения от их уплаты. Кроме того, система была запутанной, многие ее положения воспринимались как несправедливые. Новое правительство ввело плоскую ставку налога на добавленную стоимость буквально на все товары и услуги. Налог на товары и услуги (GST) заменил налог с продаж с различными ставками для различных товаров, а налоговые ставки на предельные уровни доходов были значительно снижены. GST доказал, что может служить моделью налоговой реформы – от его уплаты трудно уклониться, его легко рассчитывать, к тому же он может быть примером и по своему охвату.

Были проведены также и другие налоговые реформы, чтобы расширить базу налогообложения и избавиться от дыр в налоговом законодательстве. Высокий, до 48%, подоходный налог, нивелирующий в итоге результаты труда, был заменен лейбористами на двухуровневый – 24% и 33% (с местных корпораций – 28%). Введение в октябре 1986 г. единого налога на услуги в размере 10% (а позднее 12%) было расценено как крупнейшее мероприятие. Однако, несмотря на положительную оценку налоговой реформы ее творцом, она не оправдала возлагаемых на нее надежд: предприниматели не спешили вкладывать освободившиеся средства в производство, предпочитая тратить деньги на удовольствия. Уровень же производства продолжал падать.

Успешным было преобразование лейбористами государственного сектора. Были акционированы, а затем и проданы многие государственные предприятия. Приватизация государственных компаний превратила их из малоэффективных в высокорентабельные. Примером могут служить государственная, а затем приватизированная телефонная компания «Телеком» и почта. Продавая государственные компании в частные руки, правительство, помимо увеличения производительности труда, преследовало также цель снизить за счет вырученных от продажи средств внешнюю задолженность. В первые годы реформирования дефицит платежного баланса оставался значительным, ин-

фляция росла. Для борьбы с ней была ужесточена монетарная политика.

На втором этапе реформ, при следующем сроке нахождения у власти, в 1987 г., правительство уничтожило ряд барьеров на пути свободной финансовой деятельности. Так, были упразднены всякого рода специальные льготы и ограничения в отношении некоторых финансовых институтов, в частности сберегательных и строительных обществ. В результате только за год число банков выросло с 4 до 14. Прекратилось политически мотивированное вмешательство в деятельность валютного рынка, а все операции по сбалансированию внешних расчетов стали осуществляться на основе коммерческих расчетов. Острый дефицит бюджета, растущий государственный долг вынудили правительство пересмотреть финансовую политику. 1 июля 1989 г. был принят закон о государственных финансах, согласно которому Резервный банк страны получал определенную автономию. Были четко разграничены функции банка и правительства. Правительство определяло цели финансовой политики, а Резервный банк был свободен в выборе средств достижения этих целей. Министр финансов не мог отныне «поучать руководство» банка, давать ему директивные указания. Изменения в принятом финансовом курсе становились возможны только после обсуждения их в парламенте и утверждения генерал-губернатором. Ранее для Новой Зеландии было характерно увеличение денежной массы и расходов в год парламентских выборов, а затем снижение их в последующий период. Оптимальной денежной политикой признавалась та, которая способствовала стабильности основных потребительских цен. Это, в свою очередь, повышало ответственность Резервного банка.

Поощряя активную свободную конкуренцию, правительство аннулировало систему регулирования цен. Стремясь привлечь в страну иностранных инвесторов, оно сняло ограничение на размер их капиталовложений, разрешило им приобретение местных фирм и земельных участков, обеспечивая потенциальных предпринимателей информацией и реальными возможностями для

заклучения торговых и посреднических операций. Либерализовав рынок капитала, правительство приступило к дерегуляции рынка труда, который в Новой Зеландии был централизованным. Как пишет Р. Ричардсон: «Одним из худших примеров политики вмешательства в экономику была система производственных отношений в Новой Зеландии. Согласно этой системе государство определяло уровень оплаты и условия работы для различных профессий. Оплата по профессиям определялась централизованно, то есть государство определяло минимальную оплату для всех рабочих данной профессии во всей стране. В рамках такой системы работодатели и рабочие не могли выбирать условия трудовых взаимоотношений, выходящие за рамки государственных ограничений. Наряду с Австралией в Новой Зеландии существовал в то время, наверное, самый негибкий режим рынка труда во всем западном мире»¹²³.

В декабре 1985 г. департамент труда опубликовал «Зеленую книгу», где содержался детальный анализ существующей системы и был очерчен круг проблем, касающихся направления грядущих изменений. Заинтересованные стороны могли посылать в департамент свои замечания до 30 апреля 1986 г. В результате выявились глубокие разногласия. И если Федерация труда защищала существующее положение вещей и хотела лишь скромной модернизации, то Федерация предпринимателей и Круглый стол бизнесменов требовали радикальных изменений, упразднения положения об установлении заработной платы на национальном уровне. Правительство Лейбористской партии пошло дальше националистов, которые до него отменили обязательное членство в профсоюзах, что было возможно лишь тогда, когда Новая Зеландия существовала в коконе протекционизма и полагала, что может быть в стороне от внешних событий. Лейбористы приняли в 1987 г. Закон о трудовых отношениях, который упростил порядок регистрации новых профсоюзов и разрешил вести прямые переговоры о заработной плате между ними и предпринимателями.

Успехи новозеландского государства на пути перестройки несомненны. Их считают замечательными эксперты ОЭСР, Всемирного банка и других международных и национальных институтов. Так, согласно обследованию новозеландской экономики, проведенному ОЭСР и опубликованному в конце 2003 г., среди стран ОЭСР за последние десятилетия Новая Зеландия превратилась в государство с быстроразвивающейся экономикой. Следовать примеру Новой Зеландии призывали свои правительства бизнесмены, ученые, журналисты. По словам вице-президента Резервного банка Новой Зеландии Мэррей Шервин, изучение новозеландских реформ превратилось почти что в индустрию. Таковы в самом общем виде радикальные экономические преобразования, положившие начало развитию страны в качественно новых внутренних и внешних условиях экономической деятельности. Однако лейбористское правительство не ограничивалось изменением в этой, хотя и важнейшей сфере. Оно понимало многообразные связи между экономикой и политикой, законодательной и исполнительной властью, внутренним суверенитетом и сохранением элементов формальной зависимости от английской королевы.

Во второй половине 1980-х годов в стране были приняты важные законодательные меры. Конституционный кризис, который возник при объявлении досрочных выборов, и нежелание Р. Малдуна выполнять инструкции нового премьера, в частности касающиеся девальвации новозеландского доллара, побудили правительство принять в 1986 г. Конституционный акт. Этот акт окончательно засвидетельствовал суверенность Новой Зеландии, уточнил соотношение ее верховной, законодательной и исполнительной ветвей власти. Правительство придавало особое значение сложному комплексу иммиграционных и эмиграционных проблем. Конечно, и до этого правительства как Национальной, так и Лейбористской партий время от времени пересматривали те или иные положения соответствующего законодательства. Однако именно лейбористское правительство попыталось оптимизировать соотношение иммиграционных и эмиг-

рационных процессов с учетом качественных различий в составе иммигрантов и эмигрантов.

В 1987 г. был издан новый закон об иммиграции. Ранее, в своей предвыборной кампании, Р. Малдун, обвиняя прежнее лейбористское правительство в том, что оно перегрузило экономику, удовлетворяя непомерные требования иммигрантов в жилье и импортных товарах, обещал подрезать иммиграцию пол корень – довести ее до 5 тыс. человек в год. Лейбористов, напротив, волновал отток новозеландцев из страны. По подсчетам Р. Дагласа, министра финансов четвертого лейбористского правительства, инициатора кардинальных экономических реформ и творца новой иммиграционной политики, в 80-е годы чистые потери жителей вследствие эмиграции составляли чуть более 16 тыс. в год. Из них 14 тыс. были активно вовлечены в экономическую деятельность, т.е. страна ежегодно теряла до 1% своей рабочей силы. А в 1986 г., например, из Новой Зеландии вообще выехало на постоянное жительство или на длительный срок 57,6 тыс. человек, а въехало лишь 36 тыс., т.е. чистые потери населения составили 21,6 тыс. человек¹²⁴. Уезжали, как правило, наиболее способные, энергичные, предприимчивые англо-новозеландцы, обладавшие достаточной квалификацией. Их отъезд негативно сказывался даже на безработице, поскольку нередко каждый квалифицированный рабочий создавал рабочее место для нескольких малоквалифицированных или неквалифицированных. Особенно страдала от эмиграции обрабатывающая промышленность, которая испытывала постоянную нужду в квалифицированных кадрах. Все это подталкивало правительство к пересмотру эмигрантской политики, к ее либерализации. Новая иммиграционная политика, по замыслу Р. Дагласа, должна была привлечь в страну капитал и квалифицированную рабочую силу, способствуя тем самым экономическому росту.

По новому закону при въезде в страну во главу угла ставилась квалификация человека, желающего поселиться в Новой Зеландии. У него она должна быть высокой – выше, чем у местного жителя. При этом учитывались возраст и здоровье имми-

гранта, его способность овладеть английским языком. При прочих равных условиях предпочтение отдавалось тем, у кого родственники жили в Новой Зеландии, поскольку последние потенциально могли помочь вновь прибывшим устроиться и быстрее приобщить их к новой родине. Отбор следовало производить внимательно, ибо нежелательный эмигрант – обуза для страны. Особенно поощрялась иммиграция предпринимателей. От них требовалось подтверждение, что они имеют определенный опыт и в состоянии инвестировать в экономику Новой Зеландии в течение двух лет, по крайней мере, 1 млн новозел. долл. В страну хлынул поток дельцов из Азии. В 1989 г., например, число заявок на долгосрочную визу иммигрантов с Тайваня по сравнению с предыдущим годом возросло почти в шесть раз, из Гонконга и Малайзии – в три раза. Привлекательность Новой Зеландии для богатых азиатов заключалась в ее стиле жизни, хорошей экологии, низких ценах на недвижимость. Новая Зеландия также принимала беженцев из Азии. В результате доля иммигрантов из Европы и Северной Америки с 1986 г. по 1989 г. снизилась с 54% до 23% , а из Азии поднялась с 20% до 31%. И хотя это в какой-то мере беспокоило правительство, которое все же хотело видеть Новую Зеландию страной с преимущественно белым населением, с политикой «белой Новой Зеландии» было покончено, началась эра мультикультурализма.

Увеличение потока иммигрантов с Востока вызывало беспокойство у жителей соседних островов. Они опасались конкуренции со стороны азиатов, обладавших определенными (капитал, квалификация и т.д.) преимуществами перед ними. Полинезийцы хотели увеличения квоты для въезда в Новую Зеландию. Но в результате расширяющегося иммиграционного потока из Азии она в лучшем случае оставалась на прежнем уровне, в худшем – даже была урезана, как в отношении самоанцев. Правительство этого острова справедливо полагало, что квота для иммигрантов из Самоа – это часть общих отношений с Новой Зеландией и любые изменения в ней означают существенные изменения в этих отношениях. По мнению самоанских полити-

ков, новозеландские власти отвратили свои взоры от островитян и повернулись в сторону Юго-Восточной Азии. Не одобряли политику расширения потока иммигрантов в страну и профсоюзы, а также коренные жители – маори, боявшиеся, что вновь прибывшие вытеснят их с рынка труда.

Особое место в законодательной деятельности лейбористского правительства занимала политика в отношении «исконного» населения страны маори. Политика ассимиляции маори, на которую надеялись европейцы, не оправдала себя. И четвертое лейбористское правительство продолжило политику третьего, содействуя экономической и культурной автономии маори. Оно расширило деятельность Трибунала Вайтанги (Договор Вайтанги). В 1985 г. число его членов увеличилось с трех до семи, причем по крайней мере четверо, т.е. большинство, должны быть маорийцами. Функции трибунала были распространены и на решение спорных вопросов в далеком прошлом, т.е. начиная с даты подписания Договора – 6 февраля 1840 г. Важной вехой на пути удовлетворения земельных притязаний маори явился Закон 1988 г. о государственных предприятиях. Он запрещал при приватизации государственной собственности продавать участки земли, на которые претендуют маори. По этому закону трибунал был вправе заставить правительство выкупить эти земли у племен, если альтернативное решение не будет найдено. Земля, представляющая для маори духовную и культурную ценность, не могла быть предметом сделок. Из-за медленности и сложности разбора земельных тяжб была отложена продажа собственности Угольной корпорации и ряда других.

Не менее трудной оказалась и проблема прав на рыбные богатства. Чтобы сохранить их, в Новой Зеландии с 1986 г. была введена система индивидуальных квот. Коммерческим рыболовством занимались в основном англо-новозеландцы совместно с иностранными компаниями. Трибунал Вайтанги поддержал притязания племени муривахена на ловлю рыбы в акватории 5 тыс. км у северных берегов Новой Зеландии. Таким образом, был создан серьезный прецедент для решения подобных вопро-

сов. Маори требовали контроля над 50% рыбных ресурсов, но на это не соглашались промышленники и правительство. Законопроект о рыбной ловле, внесенный в парламент в 1988 г., предлагал передавать маори в течение 20 лет по 2,5% квоты ежегодно, с тем чтобы к 2008 г. они сосредоточили в своих руках 50% богатств, но их иски, включая и те, что уже были рассмотрены, замораживались. Закон не удовлетворил маори. В качестве временного промежуточного решения предлагалась передача 10% в течение четырех лет, но одновременно маори не теряли своих прав подавать новые иски. Принятый в 1989 г. закон о рыбной ловле маори предусматривал ряд финансовых отчислений правительства маорийцам, в том числе 10% стоимости улова, произведенного до 31 октября 1992 г.; создание рыболовной комиссии, призванной помочь маори включиться в коммерческое рыболовство.

Перед Трибуналом Вайтанги ставились проблемы не только экономического, но и культурного характера. Наиболее сложным оказался вопрос о языке. При подписании Договора корона не обязывалась ни признавать язык маори, ни тем более способствовать его развитию. Но, как справедливо рассудил Трибунал, поскольку племенные вожди подписали маорийский текст Договора, само собой разумеется, что пользоваться родным языком – неотъемлемое право маори. Кроме того, язык входит в духовное понятие ценностей маори, на которые корона не покушалась. В результате рекомендаций Трибунала (правовой статус которого четко не определен: сам договор выше по статусу, чем любой акт парламента, но его решения в отличие от суда необязательны) законопроект 1987 г. признал маорийский язык наравне с английским официальным языком новозеландского государства. Была создана специальная комиссия с целью расширить сферу его применения.

Возникли кооперативные детские сады (языковые гнезда), где дети общались на родном маорийском языке. Правительство выделило им ассигнования в размере в среднем 3,3 долл. в час на одного ребенка (для детей до двух лет – 7,2 долл.). Создание

таких очагов специалист по маорийской культуре, профессор Оклендского университета Р. Уолкер расценил как наивысшее достижение департамента по делам маори за все годы его существования. Для распространения маорийского языка 17 августа 1989 г. был принят закон о радиовещании, в соответствии с которым в пользование маори предоставлялись определенные частоты. Правительство обязалось выделять на маорийское радиовещание и телевидение достаточные средства. В результате государственные радио- и телевизионные компании три раза в день передавали сводку новостей на маорийском языке.

Поверив в себя, в свои права, ценность своей духовной и материальной культуры, маори не хотели больше патерналистского отношения со стороны белых. Они стремились к партнерству с европейцами. В апреле 1988 г. была подготовлена дискуссионная брошюра «Предложения нового партнерства». В ней признавалось, что четвертое лейбористское правительство готовится к проведению реформ, в том числе и в области расовых отношений, и предлагались конкретные меры по ее решению. В течение нескольких месяцев дискуссионные материалы обсуждались по всей стране. В ноябре 1988 г. на их основе была выработана новая политика в отношении маори, обнародованная в заявлении «Ответ на партнерство». Правительство принимало и утверждало основные положения, изложенные в «Предложениях нового партнерства», которые в основном сводились к следующему:

1. Верность принципам Договора Вайтанги.
2. Устранение разрыва в образовании и социально-экономических условиях жизни между маори и остальным населением.
3. Обеспечение экономических возможностей, позволяющих маори реализовать свои надежды и устремления, стать экономически самообеспеченными и независимыми.
4. Признание маорийского языка и культуры, справедливое выделение средств на их развитие.

5. Обеспечение активного участия маорийских общин (на взаимно согласованных условиях) в выработке и реализации для них правительственных решений.

6. Вовлечение маори в политическую деятельность.

Таким образом, речь шла о постепенном признании за маори большей автономии, права самим решать свою судьбу. Автономия маори обеспечивалась специальными законодательными мерами. Выборные общин получили полномочия на власть и официальное признание правительства. 1 апреля 1989 г. начало функционировать Министерство по делам маори, призванное давать рекомендации правительству, защищать интересы маори, наблюдать за деятельностью всех государственных департаментов, обязанных консультировать племенную администрацию и быть ответственными перед ней. Целью политики лейбористов по отношению к маори было сделать их экономически независимыми, подготовить к участию в работе администрации всех уровней – от местного до государственного.

Реакция белых на возрождение маори не была однозначной. Одни считали абсурдным придавать по прошествии 150 лет обратную, законную силу Договору Вайтанги. Другие полагали, что лучше отдать добром то, что маори могут приобрести насильственным путем. Четкую позицию в этом вопросе занял премьер-министр Джеффри Палмер (1989–1990). Подчеркивая, что отношения к проблеме прав на землю и рыбные угодья различные у англо-новозеландцев и маори, он предупреждал: «Если мы не найдем решения, подлинные структуры нашего общества окажутся разрушенными. Лейбористское правительство не предусматривает полной передачи земли и других ресурсов маори, но оно не может повернуться спиной к своему решению – добиться договоренности с маори»¹²⁵.

Внешняя политика (1984–1990)

После внушительной победы лейбористов премьер-министром в 42 года (самый молодой премьер-министр за всю историю Новой Зеландии) стал Дэвид Лонги (1983–1989). Он вступил в партию в 1963 г., в 1977 г. был избран в парламент от округа Манжер. В 1979 г. выбран заместителем лидера партии, с 1983 г. – ее лидер. Он занял также посты министра иностранных дел и министра по делам образования. Д. Лонги исполнил свое предвыборное обещание, запретив в сентябре 1985 г. заход американских кораблей с ядерными установками на борту. Введя это запрет, Д. Лонги все же надеялся на сохранение АНЗЮС, однако очередная сессия Совета АНЗЮС, которая должна была проходить в 1985 г., была отменена, американцы прекратили все военные контакты с Новой Зеландией. В своей книге, названной «Путь Новой Зеландии – безъядерный»¹²⁶, Лонги подчеркивал, что Новая Зеландия хотела бы продолжать участвовать в союзе, что она была исключена из него не по собственному желанию, а по воле США. В конце своего правления Лонги меняет свой взгляд на членство Новой Зеландии в АНЗЮС и с горечью заявляет: «Я начал путь к тому, чтобы положить конец союзу и это почти то же самое, что положить конец своей карьере»¹²⁷.

Д. Лонги – ярый проповедник безъядерной политики. В своей книге он рассказывает о том, как стал приверженцем такого курса¹²⁸. В 1985 г. он вместе с руководителями других пяти стран региона подписал на Раротонге (острова Кука) Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана. Основные положения документа сводились к следующему:

- не производить и не приобретать любым путем ядерные взрывные устройства, не обладать такими устройствами и не иметь контроля над ними;
- не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве или приобретении ядерных взрывных устройств;
- не предоставлять расщепляющиеся материалы и оборудование, предназначенные для использования или производства

таких материалов, любому государству для мирных целей, если оно не является участником Договора о нераспространении ядерного оружия или не имеет соглашения о контроле с МАГАТЭ;

- не размещать на своей территории ядерных взрывных устройств;
- не проводить испытаний на своей территории ядерных взрывных устройств, не помогать и не поощрять какое-либо государство проводить такие испытания;
- воздерживаться от захоронения радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ в территориальных водах и открытом море.

Договор вступил в силу 11 декабря 1986 г.; 12 декабря к участникам Договора присоединился Советский Союз. Это было одним из проявлений начавшейся тогда политики разрядки международной напряженности и нового мышления, проводимой под руководством генерального секретаря ЦК Коммунистической партии М. С. Горбачева. В стране началась «перестройка». В 1987 г. Новая Зеландия первая в мире объявила свою территорию безъядерной зоной. Характерно, что в советской прессе тех лет широко обсуждалась антиядерная политика Новой Зеландии, хотя обычно эта страна нечасто фигурировала в международных новостях, которые публиковались на страницах советских журналов и газет.

Отношения с Францией также пережили испытание. 10 июня 1985 г. агенты французской спецслужбы взорвали судно экологической организации Гринпис «Рейнбоу Уорриор», пришвартованное в Окленде, которое стремилось помешать проведению французских ядерных испытаний, причем один человек погиб. В июне 1986 г. Д. Лонги, при посредничестве генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, добился политической договоренности с Францией. Последняя соглашалась выплатить Новой Зеландии компенсацию в размере 6,5 млн долл. и принести свои извинения, а Лонги обещал выдать двоих осужденных француз-

ских агентов с тем, чтобы они отбывали заключение в течение трех лет на французской военной базе. Однако оба агента были освобождены уже в мае 1988 г., спустя менее двух лет.

Наблюдалась стабилизация в отношениях Новой Зеландии и Советского Союза. 9 октября 1985 г. было заключено соглашение об учреждении Торгового представительства СССР в Новой Зеландии. В следующем году был учрежден советско-новозеландский Деловой совет, который привлекал коммерческие организации и частных лиц, заинтересованных в торговых контактах с Россией. Однако торговля между двумя странами характеризовалась постоянным дисбалансом в пользу Новой Зеландии, которая экспортировала в Россию традиционные для нее мясо-молочные продукты и шерсть. Визит министра внешней торговли М. Мура с делегацией деловых кругов Новой Зеландии в Советский Союз в 1986 г. показал заинтересованность новозеландской стороны в развитии экономических связей между двумя странами. В 1987 г. фирма СОВЕНС создала свою дочернюю компанию в Москве. Компания устраивала поездки советских организаций в Новую Зеландию, заключала сделки на поставки новозеландского масла, оборудования для производства рыбной муки. При поддержке этой фирмы создавались совместные предприятия по перевозке грузов, переработке торфа и производству в медицинских целях препаратов из оленьих рогов. Благодаря ей новозеландцы построили небольшие хладокомбинаты, мясоперерабатывающие и молочные заводы на Алтае, Южном Урале и Дальнем Востоке.

Новая Зеландия усиливает свою деятельность в международных организациях. Совместно с Австралией она участвовала в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). Собственно, они и были инициаторы его создания. Идею предложил премьер-министр Австралии Хок в 1967 г. Первая встреча членов этой организации состоялась в ноябре 1989 г. в Канберре – столице Австралии. На нее собрались 26 министров из 12 стран. Наблюдался новый этап экономической интеграции этих государств. После заключения в 1983 г. соглашения о Тес-

ных экономических связях, которое было нацелено на продолжение действий по решению задач, поставленных НАФТА, в 1988 г. были отменены пошлины; в 1990 г. ликвидированы количественные ограничения, проведены антидемпинговые процедуры, осуществлена гармонизация национальных стандартов и таможенных правил, устранена практика преференций в системе государственных закупок и заказов.

Характеризуя внешнюю политику четвертого лейбористского правительства, исследователь Л. Игумнова справедливо заключает: «В годы правления Д. Лонги идеалистическое направление внешней политики страны, стремившееся к достижению независимости от великих держав и отказу от ядерного сдерживания, достигло высшей точки. Веллингтон поставил антиядерные принципы на первое место перед преимуществами военно-политического блока»¹²⁹.

Предварительные итоги реформ и поражение Лейбористской партии

Четвертое лейбористское правительство было у власти два срока (1984–1990). Поначалу реформы не давали положительных результатов. Темпы роста валового национального продукта замедлились и составляли в 1985 г. 6,6%, в 1986 – 1,5, в 1987 – 1,4, в 1988 – 0,15, в 1989 – 0,7, в 1990 г. – 0%, т.е. экономический рост прекратился¹³⁰. Дефицит платежного баланса, оцениваемый в 1984 г. в 4,6% валового национального продукта, достиг в 1990 г. 6,1%. И все же лейбористы добились определенных успехов в сфере финансов: они сократили государственный долг с 64% ВВП до 61% и превратили дефицит бюджета (8,7% ВВП) в профицит, равный 3,9% ВВП¹³¹. Правда, во многом это было обусловлено приватизацией, т.е. разовой продажей государственных компаний в частные руки, а также введением 10–12%-го налога на добавленную стоимость. Проводя жесткую кредитно-денежную политику, лейбористы добились одной из

основных своих целей – обуздания инфляции, которая после отмены предыдущим правительством замораживания цен и заработной платы вновь стала быстро расти и достигала в 1984 г. 7,5%, а в последующие годы – даже двузначной цифры. Перед парламентскими выборами 1990 г., когда четвертое лейбористское правительство потерпело жестокое поражение, инфляция сократилась до 5%.

В 1987 г. лейбористов выбрали на второй срок правления. И казалось, что население одобряет новый экономический курс, хотя в это время некоторые макроэкономические показатели были хуже, чем в 1984 г. Так, государственная задолженность оценивалась в 80% ВВП, а инфляция достигала 18%. Но избиратели верили обещаниям правящей партии, что это временное ухудшение, и дали ей еще один шанс довести свои реформы до конца. После второго срока правления четвертого лейбористского правительства результаты его деятельности разочаровали граждан. На выборах на третий срок из 97 депутатских мест Лейбористская партия получила 28 мест (вдвое меньше, чем имела), за нее проголосовало лишь 34,5% избирателей, тогда как 68 мест завоевала Национальная партия и одно – Новая лейбористская партия. Конечно, до некоторой степени такой состав парламента объяснялся мажоритарной избирательной системой: 78% мест (подавляющее большинство в парламенте) получила Национальная партия, за которую отдали свои голоса только 48,7% всех избирателей (меньше половины). Партия зеленых не получила ни одного места, хотя ей отдали предпочтение 6,6% избирателей, а Новой лейбористской партии – только 5,2%. Таким образом, голоса этих двух партий отошли в конечном счете к националистам. Но было бы неправильным списывать поражение лейбористов только на мажоритарную систему. Она существовала в стране издавна, а такой большой разрыв в голосах, поданных за две основные партии, наблюдался впервые с 1935 г., когда к власти пришли лейбористы, осуществлявшие те самые принципы эгалитарного, патерналистского государства «всеобщего благоденствия», на которые они теперь так резко обрушились.

Причиной провала лейбористов стало недовольство населения тем, что за два межвыборных срока правящей партии не удалось преодолеть структурный кризис и добиться успехов, которые бы ощущались большинством населения и прежде всего теми слоями, на которые традиционно опиралась Лейбористская партия, т. е. рабочими и служащими. Важнейшим фактором, определявшим положение этих слоев, являлась занятость, а именно в этой области ситуация не только не улучшилась, а значительно ухудшилась. По официальным данным, число безработных достигало в 1990 г. 125 тыс. человек – 7,9% самодеятельного населения. По оценкам средств массовой информации, оно составляло 200 тыс. – 12% и более. Между тем в 1984 г., когда лейбористы пришли к власти, она была на уровне менее 5%. Рост безработицы – одно из наиболее серьезных негативных последствий проводившегося лейбористами нового экономического курса. Такой курс кардинально отличался от его прежней экономической политики, да и вообще от магистральной линии в этой области всех новозеландских правительств за последние полвека. Стремясь, с одной стороны, повысить эффективность производства, с другой – уменьшить дефицит бюджета, лейбористы продавали многие государственные компании в частные руки, что в огромной степени и обусловило невиданный рост безработицы. Ибо при приватизации, при улучшении организации труда тысячи рабочих и служащих оказываются лишними и пополняют ряды безработных.

Таким образом, за 6 лет лейбористскому правительству так и не удалось, как оно обещало, вывести страну на путь «процветания» и добиться устойчивого экономического роста: в 1990 г. он был равен нулю, тогда как эксперты ОЭСР предсказывали, что он увеличится на 2%. Поражение лейбористов на выборах 1990 г. – это кризис доверия. На отношение к ним не могли не повлиять также бесконечные перестановки в правительстве. За короткое время сменилось три премьера: 7 августа 1989 г. в отставку ушел Дэвид Лонги, на его место заступил Джеффри Палмер, которого, в свою очередь, сменил 4 сентября 1990 г. (всего

за 2 месяца до выборов) Майкл Мур. Рейтинг последнего, по предварительным опросам населения, был самым высоким из предполагаемых глав правительств, и хотя он обещал новый комплекс мер, во многом устраивающих профсоюзы, однако было уже поздно. Перелома в отношении к Лейбористской партии, которая подвергалась критике и справа – за недостаточную быстроту и твердость в проведении реформ, и слева – за отход от старых принципов и измену социализму, не произошло.

В самом лейбористском правительстве не было единства. В период второго срока пребывания у власти началась политическая борьба между премьер-министром Д. Лонги и его ближайшим соратником – министром финансов Р. Дагласом. Разногласия касались темпов проведения реформ. Лонги опасался, что быстрый поворот к рынку ввергнет страну в хаос, а Даглас считал, что промедление только отдалает достижение стабильности в будущем. В результате многие преобразования отличались от задуманного варианта и были половинчатыми, например налоговая реформа, хотя и положительно оцененная следующим министром финансов уже правительства националистов Рут Ричардсон. Р. Даглас предложил в 1987 г. ввести единую ставку подоходного налога в размере 24% и одновременно – меры по гарантированности минимального дохода семьи. В 1988 г. после долгих дискуссий был принят вариант, отличавшийся от того, на котором настаивал Даглас. Основная ставка налога составляла 24%; при доходе свыше 30 875 новозел. долл. – 33%; с местных компаний – 28%, с иностранных – 33%. Но поскольку поступления в государственную казну уменьшились, была повышена ставка налога на добавленную стоимость, что сократило покупательную способность населения и вызвало недовольство его низших и средних слоев. Представители деловых кругов, которые вроде бы приветствовали «роджерномику» (по имени творца подобной политики Роджера Дагласа, по аналогии с «рейганомикой»), оказались разочарованными, ибо не получили того, на что рассчитывали. Профсоюзы в свою очередь были недо-

вольны денационализацией государственных предприятий, дерегулированием рынка труда и т.д.

На гребне этого недовольства из представителей левого крыла Лейбористской партии выступила Новая лейбористская партия. Она ратовала за обеспечение полной занятости, ограничение иностранного участия в капиталовложениях, прочные связи с профсоюзами и даже – в случае необходимости – за государственный контроль над частным сектором экономики, т.е. за традиционную лейбористскую политику. Ее предвыборная агитация за отмену налога на продажу, прогрессивное налогообложение, в частности увеличение налога на иностранные компании с 33% до 48%, против социального неравенства, которое неизбежно углубляется на ранних этапах форсированного развития рыночных механизмов, привлекла к ней часть избирателей, постоянно голосовавших за лейбористов. Определенное число голосов, которое могло быть подано за Лейбористскую партию, перетянули «Мана Мотухаке», отстаивавшая права маорийского народа, и партия зеленых, делающая упор на решение экологических проблем.

В целом по стране Лейбористская партия недосчиталась в среднем 10% (в городских округах 12%) обычно принадлежавших ей голосов. Против нее была часть шахтеров, докеров, железнодорожников, промышленных рабочих, государственных служащих, опасавшихся безработицы, а также представители национальной буржуазии, не желавшие «распродавать родину», выступавшие против приобретения акций иностранными компаниями, боявшиеся конкуренции с ними. Ее не поддержали средние слои, по которым больше всего ударила новая налоговая политика; левая интеллигенция, обеспокоенная дегуманизацией общества, резким социальным расслоением; подавляющее большинство фермеров, страдавших от высоких процентных ставок и высокого обменного курса, а также отмены государственных гарантий и субсидий.

Население ярко продемонстрировало свое отношение к четвертому лейбористскому правительству, деятельность которого

не оправдала его надежд на процветание и стабильность. Оно голосовало не столько за Национальную партию, экономическая платформа которой мало чем отличалась от «роджерномики», сколько против находившейся у власти Лейбористской партии. Конечно, отчасти завоевать относительное большинство голосов Национальной партии помогло изменение ее внешнеполитического курса, обещание не отказываться от антиядерной политики лейбористов, принесшей им значительный успех на прошлых выборах и сыгравшей не последнюю роль в приходе лейбористов к власти после девятилетнего перерыва. Национальная партия еще раз продемонстрировала умение заимствовать прогрессивные идеи соперников, пересматривая с этой точки зрения свои лозунги и приоритеты, и одновременно использовать в своих интересах тактические просчеты последних.

За 6 лет, которые лейбористы были у власти, трудно выйти из структурного кризиса, сломать устоявшиеся десятилетиями представления. Годами воспитанная в народе вера в непогрешимость государства в управлении народным хозяйством обусловила негативное отношение к приватизации, к продаже национальных компаний иностранному капиталу. Прежде защищенная высокими пошлинами, тарифами, барьерами, налоговыми льготами, лицензированием импорта новозеландская промышленность не могла в короткие сроки перестроиться и стать конкурентоспособной. С одной стороны, у нее недостаточно высокий по сравнению с другими развитыми странами уровень технологии производства и относительно высокие его издержки. С другой – одно из преимуществ отсталых стран перед ней – в их более дешевой рабочей силе. Как бы ни было продуктивно сельское хозяйство Новой Зеландии, ориентированное на экспорт, оно подвержено колебаниям цен на мировом рынке. Население страны, долгие годы почти не знавшее безработицы, жившее в условиях гораздо большей социальной защищенности, чем во многих других капиталистических странах, привыкшее к распорядительной роли государства, которое гарантировало ему достойный прожиточный минимум, определенные социальные

блага, не могло безболезненно пережить поворот к рынку; особенно когда он касался социальной сферы. Представители профсоюзов и левого крыла лейбористов во всем обвиняли «роджерномику». Но у Новой Зеландии не было иного выбора. Она и так запоздала со своими структурными преобразованиями.

Подобные преобразования болезненно воспринимались и в других странах. Но М. Тэтчер, например, на ранних стадиях их осуществления помогла фолклендская война, вызвавшая взрыв национальных чувств, укрепившая веру в правительство. В Новой Зеландии, напротив, мировой кризис подорвал доверие к финансовым мероприятиям лейбористов. Начавшийся спад производства у ее основных торговых партнеров, снижение экспортных цен на сельскохозяйственную продукцию, ближневосточный кризис, события в Восточной Европе усугубили и без того тяжелое экономическое положение внутри страны. В отличие от английского новозеландскому правительству пришлось проводить непопулярные реформы при резком падении своего авторитета.

«Роджерномика» продемонстрировала, что лейборизм в Новой Зеландии претерпел серьезные изменения. Так, Лонги заявил, что «социал-демократы должны принять существование экономического неравенства, ибо оно есть тягловая сила, движущая экономику». При этом он настаивал, что партия не изменила своих социальных идеалов, ибо, став в результате реформ богаче, правительство сможет тратить больше денег на цели, которые оно определяет как «современные социалистические»: совершенствование системы образования, защиту окружающей среды, улучшение положения маори. Правда, о «социализации» общества лейбористы заявляли только до 1951 г. Позднее в официальном органе партии в газете «Экшн токс» они так определяли, в чем состоит их приверженность к социализму и как они его понимают: «Существенна ли для социализма, которому следует Лейбористская партия, отмена частной собственности 66 тысяч

владельцев ферм, которые дают 80% экспортных поступлений? Партия отвечает на этот вопрос ясно и коротко: нет». Социализм Лейбористской партии Новой Зеландии соответствовал тому социализму, которого придерживался после Второй мировой войны Второй Социалистический Интернационал. Такой социализм провозглашал следующий принцип: усилия должны сводиться к тому, чтобы построить новое общество без принуждения демократическими методами. Без свободы не может быть социализма»¹³².

Деятельность Лейбористской партии Новой Зеландии действительно была тесно связана с Социалистическим Интернационалом. Она вступила туда через год после его образования – в 1952 г. В 1977 г. на конференции Лейбористской партии член парламента о’Флинк так сформулировал теоретическую платформу партии, поддержанную большинством делегатов: «Современное социалистическое государство – одно из тех государств, где фундаментальные экономические или социальные решения принимаются в интересах всего общества, не под экономическим или иного рода давлением отдельных групп. Социализм предусматривает эффективную политическую демократию, всю полноту гражданских и личных прав и сверх того, максимум экономической справедливости, которой можно достигнуть. Социализм не ограничивает индивидуальную или личную свободу. Напротив, экономическая справедливость существенна для практического воплощения в жизнь политической и социальной свободы»¹³³. Такое понимание социализма идеологами Лейбористской партии Новой Зеландии соответствовало духу «Мандата Лимы». Неслучайно Д. Лонги был выбран вице-председателем на 17-м конгрессе Интернационала в Лиме. Его предшественник У. Роулинг также являлся вице-председателем Интернационала и председателем АПСО (Asia Pasific Socialist Organisation).

Если до «перестройки» лейбористы предлагали заключить «социальный контракт» между правительством и профсоюзами (не просто добиться соглашения между правительством, а принять концепцию минимального жизненного дохода), считая, что

этот контракт будет означать возвращение к принципам государства «всеобщего благоденствия», то четвертое лейбористское правительство вообще дерегулировало рынок труда, отменив всякие соглашения с профсоюзами. Правда, несмотря на тяжелое экономическое положение, Лонги все же ввел гарантированный минимальный семейный доход, первоначально в размере 250 долл. в неделю на семью с одним ребенком. Не считаясь с мнением конференций Лейбористской партии, ее парламентская фракция проводила активную денационализацию государственных компаний, против чего возражали профсоюзы и представители левого крыла. Но главным отступлением от прежних постулатов был отказ от политики полной занятости. На ежегодной конференции партии в 1986 г. ее тогдашний президент Маргарет Вилсон обратила взгляд в прошлое, подчеркнув, что ранее основным принципом лейбористов была кооперация, а не конкуренция. Именно этот принцип был положен в основу распределения богатства и социальной защищенности. В своем стремлении сделать новозеландскую продукцию конкурентоспособной, уменьшить внешний и внутренний долг четвертое лейбористское правительство превзошло консерваторов в дерегулировании экономики, в поощрении развития рыночных отношений и частной инициативы.

Последнее десятилетие XX века (1990–2000)

Программа победившей Национальной партии, которую в это время возглавлял Джим Болджер, провозгласила своим девизом борьбу за «оздоровление экономики, хорошая экономика – это хорошая политика». Эта программа мало чем отличалась от курса, проводимого их предшественниками – лейбористами. В своей экономической политике они планировали делать упор на сдерживание инфляции – довести ее уровень до 0–2% к концу 1993 г. (лейбористы обещали такой уровень к концу 1992 г.), а процентных ставок – до однозначной цифры. Выдвигались все те

же, что и у предыдущего правительства, задачи: сбалансировать бюджет, уменьшить государственный долг, добиться трехпроцентного экономического роста. Новый министр финансов Рут Ричардсон, ярая приверженка «роджерномики», намеревалась осуществить их путем жесткой кредитно-денежной политики и одновременно преобразования рынка труда. Иными словами, новое правительство унаследовало у старого те же проблемы и те же пути их решения. В правительстве националистов также не было единства взглядов: Рут Ричардсон настаивала на быстром проведении реформ, начатых лейбористами, а премьер-министр Д. Болджер хотел плавного, постепенного перехода к чисто рыночным отношениям. Лидер партии «Новая Зеландия прежде всего» Уистон Питерс, занявший пост министра по делам маори (пользовавшийся, согласно опросам общественного мнения, даже бóльшей популярностью, чем Д. Болджер), и его сторонники выступали против подобной политики, против упора на снижение инфляции. Они стояли за увеличение государственных расходов для стимулирования бизнеса и создания рабочих мест. За пересмотр финансовой политики правительства ратовал и бывший много лет премьер-министром Р. Малдун.

Тактика, которой придерживалась Национальная партия, заключалась в том, чтобы осуществить бóльшую часть непопулярных мер в первый год пребывания у власти, с расчетом на то, что последующие два года до очередных парламентских выборов «самортизируют» первоначально возникавшие протесты и недовольство среди потенциальных избирателей. Болджер, которому пришлось проводить эти меры, заявил, что последние 17 лет расходы страны превышали ее доходы и что без решительных мер «наш следующий шаг – это превратиться в страну третьего мира»¹³⁴. Первая волна паники началась 1 апреля 1991 г., когда было объявлено о сокращении размеров социальных пособий, выплачиваемых населению. Прямо или косвенно это затронуло свыше миллиона граждан – около трети всего населения. В наибольшей мере пострадали одинокие люди и безработная молодежь 20–24 лет. В частности, пособия по безработице этой кате-

гории лиц были сокращены со 144 новозел. долл. в неделю до 108 новозел. долл. Отменены выплаты так называемого семейного пособия. Нельзя позволить себе, подчеркивал премьер-министр, «иметь первоклассную систему социального обеспечения при третьеразрядном экономическом потенциале». Бремя расходов слишком велико: в Новой Зеландии около миллиона людей (до 50% самодеятельного населения) получали те или иные пособия. С 1971 г. число новозеландцев, живущих на пособие, возросло с 42 тыс. до 345 тыс., а пенсионеров стало вдвое больше. В социальной сфере новое правительство также следует за предыдущим. Оно отходит от принципа универсальности, дабы побудить само население в большей степени заботиться о себе, о своей старости. Такое покушение на святая святых традиционной лейбористской политики естественно сопровождалось недовольством граждан, особенно старшего возраста.

Но политика урезывания средств касалась и других членов общества, даже парламентариев. Так, например, созданный правительством специальный комитет рассматривал вопрос о сокращении расходов на содержание парламентских служб, что обходилось налогоплательщикам в 50 млн новозел. долл. С помощью всех этих жестких мер Рут Ричардсон планировала сэкономить в течение 1991–1992 гг. свыше миллиарда. Конечная цель – сокращение бюджетного дефицита и внешней задолженности, составлявшей в конце 1990 г. 75% ВВП¹³⁵. Другая причина для волнений – безработица. В феврале 1991 г. число официально зарегистрированных безработных, по данным Департамента статистики, составило 147 тыс. человек, или 9,1% рабочей силы. Больше, чем в Австралии (8,7%), Великобритании (8,1%), США (6,4%)¹³⁶. Лидеры Национальной партии стремились пойти еще дальше, чем лейбористы, по пути либерализации рынка труда, сделать оплату труда более гибкой, зависящей от прямых переговоров между работодателями и рабочими, принять закон об отмене обязательного членства в профсоюзах. Все это встречало сопротивление значительной части населения. В апреле на улицах городов состоялись многотысячные демонстрации, участни-

ки которых протестовали против этого законопроекта, призванного, как полагал президент Совета профсоюзов Кен Дагалас, расколоть их и усилить власть предпринимателей. Таким образом нарастала социальная напряженность.

Непосредственное влияние на ситуацию в стране оказал и характер решения назревших национальных проблем. Лейбористское правительство обещало народу маори, переживающему национальное возрождение, удовлетворить требования, касающиеся возвращения части отторгнутых у племен земель и других ресурсов, находящихся во владении государства, а также предоставить им экономическую и культурную автономию. Однако новый министр по делам маори У. Питерс (сам наполовину маориец) заявил, что он не собирается следовать лейбористской политике в национальном вопросе и отменит ряд принятых прежним правительством законодательных актов. В частности, он добавил, что упразднит Агентство по перестройке племен, сформированное, чтобы помочь им в переходный период, пока они не создадут автономные органы власти, а также урежет полномочия Трибунала Вайтанги. Приоритетным для Питерса являлось развитие образования у маори.

Вместе с тем лидеры победившей Национальной партии, учитывая ошибки лейбористов, стремились не допускать раскола в правительстве. Несмотря на разногласия в кабинете министров, обсуждавшиеся на страницах печати, Р. Ричардсон заявила, что у нее и премьер-министра не будет противостояния, что правительство выработало четкую экономическую программу и все министры будут ее неукоснительно выполнять. Она подтвердила свою линию на неуклонное снижение инфляции и свое намерение сократить в течение 10 лет государственные расходы на 5 млрд долл., объявив, что хотела бы видеть их на уровне 70-х годов, когда они составляли 30% ВВП, а не свыше 40%, как в 1990 г. Такое заявление министра финансов было воспринято лидером оппозиции М. Муром как разрушение «государства всеобщего благоденствия».

В свою очередь, Лейбористская партия, как показала ее очередная конференция в 1990 г., начала спланировать ряды на основе своей традиционной платформы (государственное вмешательство в экономику, полная занятость, отказ от приватизации государственных компаний, справедливое распределение общественного богатства и т.д.). Иными словами, она отошла от всего того, что пыталась проводить в жизнь последние шесть лет своего пребывания у власти. В поддержку этой платформы, которая смыкалась с программой Новой лейбористской партии, выступил и М. Мур, в прошлом сторонник «роджерномики».

Мелкие партии давно поднимали вопрос о пересмотре мажоритарной избирательной системы. В течение многих лет эта система копировала «чистейшие парламенты Вестминстерского образца» с относительно стабильной двухпартийной системой. Число мест в парламенте не всегда отражало реальную поддержку избирателей. Так, на ежегодных парламентских выборах в 1978 и 1981 гг. большинство голосов набирала Лейбористская партия, а большинство мест в парламенте получала Национальная. Партия Социального кредита завоевывала в эти годы довольно большой процент голосов избирателей – 16% и более 20%, а была представлена среди 90 членов парламента соответственно только одним-двумя депутатами. Неудивительно, что общественность выражала недовольство таким положением вещей. В 1984 г. правящей в то время Лейбористской партией была создана Королевская комиссия, которая анализировала существующую избирательную систему и разрабатывала ей альтернативу. Комиссия предложила принять систему пропорционального представительства, схожую с германской. В 1993 г. на референдуме население проголосовало за нее. Она вступила в действие начиная с выборов в 1996 г. Парламентские выборы 1993 г. проводились еще по прежней мажоритарной системе.

К этому времени макроэкономические показатели Новой Зеландии улучшились. Темпы роста ВВП, упавшие в 1991 г. до минус 1,1%, в 1992 г. составили 3,1%¹³⁷. Снизилась инфляция, процентные ставки, наметилась тенденция к снижению безработи-

цы. Произошел перелом в промышленном производстве. И если в 1991 г. оно сокращалось, уровень его падения достигал 5%, то в 1992 г. оно дало прирост в 1,3%, причем, что очень важно для Новой Зеландии, увеличился экспорт продукции промышленного сектора. Закрылись неконкурентоспособные предприятия, труд на тех, что сумели выжить, стал более эффективным. Многие из них заработали в три смены. Однако позитивным сдвигам в экономике противостояли негативные тенденции в социальной жизни. Быстрым темпом шло расслоение общества, славившегося прежде своим эгалитаризмом. Росли социальная и расовая напряженность, ухудшилась криминогенная ситуация. Особое недовольство вызвали попытки приватизировать национальную систему здравоохранения, пересмотреть принципы и размеры социального обеспечения, сделать платным то, что долгие годы было доступно всем слоям населения.

Предвыборная борьба показала, что на арене политической жизни, помимо двух основных партий – Лейбористской и Национальной, выходят новые группы и объединения. Таковыми были, например, «Новая Зеландия прежде всего» во главе с У. Питерсом и «Альянс», возглавляемый Дж. Андертоном. Новые партии использовали для сплочения своих рядов недовольство населения реформами, которые проводили две основные партии, и обвиняли Лейбористскую и Национальную партии в забвении интересов трудящихся, пообещав в случае победы на парламентских выборах вернуть страну в прежний кокон эгалитаризма и социальных гарантий.

Очередные парламентские выборы 1993 г. состоялись 6 ноября. Результаты первого подсчета голосов были неопределенны. Кандидаты Национальной партии получили 35,2% голосов и 49 мест; партия «Альянс» соответственно 18,3% и 2 места; «Новая Зеландия прежде всего» – 8,3% и 2 места. Казалось, что лейбористы, объединившись вместе с мелкими партиями, составят большинство и сменят правительство. Власть Национальной партии держалась на ниточке, и только дальнейший подсчет голосов, включивший тех, кто проживал за пределами страны, дал

Национальной партии абсолютное большинство. В результате Национальная партия получила в парламенте 50 мест из 99.

Выборы в 1996 г. проходили уже по новой избирательной системе, которая значительно сложнее прежней. Это смешанно-пропорциональная система по германскому образцу. Раньше избиратели имели по одному голосу на выборах кандидата в парламент от своего округа. Теперь каждый избиратель имеет два голоса и получает два бюллетеня. По одному – он голосует за кандидата, выдвинутого в родном округе, по другому – за представленного по общепартийному списку. При этом кандидаты, входящие в партийный список, распределяются по номерам... 1, 2, 3..., и в зависимости от процентов голосов, поданных за данную партию, зное количество депутатов (по порядку, указанному в этом списке) попадает в парламент. Таким образом, во время выборов по каждому округу осуществляется одновременный подсчет голосов, поданных за ту или иную партию и за того или иного кандидата, выдвинутого в данном округе. Избиратели делают свой выбор в пользу того или иного кандидата не в зависимости от того, к какой партии он принадлежит (ведь они уже проголосовали за партийный список), а в соответствии с его личными достоинствами и недостатками. Чтобы быть в парламенте, партии (если ни один из ее представителей не одержал личную победу в округе) необходимо преодолеть пятипроцентный барьер. Но в этом случае, если хотя бы один представитель партии, преодолевшей пятипроцентный барьер, победил на выборах в округе (как независимый кандидат), при подведении окончательных результатов учитывается и число голосов, поданных за эту партию по партийному списку.

И потому существенное значение на итоги выборов может оказать подсчет специальных голосов, принадлежащих избирателям, не сумевшим по тем или иным серьезным причинам проголосовать в назначенный день. Так, например, в 1999 г. партия зеленых и «Новая Зеландия прежде всего» попали в парламент только благодаря учету специальных голосов. Выборы по новой системе показали, что одной партии невозможно получить

большинство в парламенте, число членов которого к тому же увеличилось до 120.

Таблица 6

Результаты выборов 1996 г.

Партии	Число голосов	% голосов		Число мест			
		%	Из- мене- ния	Элек- торат	Спи- сок	Все го	Изме- не- ния
Национальная	701,315	33,87	-1,18	30	14	44	-6
Лейбористская	584,159	28,19	-6,49	26	11	37	-8
«Новая Зеландия прежде всего»	276,603	13,35	+4,95	6	11	17	+15
Альянс	209,347	10,10	-8,11	1	12	13	+11
АКТ	126,442	6,10	+6,10	1	7	8	+8
«Объединенное будущее»	18,245	0,88	+0,88	1	0	1	+1
Другие	156,248	7,54	+3,88	0	0	0	0
Всего	2,072,359	100	-	65	55	120	-

Комиссия избирательного референдума 1992 г. указывала на то, что согласно смешанно-пропорциональной системе «второстепенные партии будут представлены в парламенте». Чтобы сформировать правительство, необходимо будет создавать коалиции. На следующий год Комиссия избирательного референдума повторила, что при новой системе вероятно появление коалиционных правительств. Это происходит потому, что система предоставляет каждой партии долю ее голосов в целом по стране. Поскольку в парламент попадают депутаты от нескольких партий,

вероятность того, что ни одна партия не будет иметь там большинства голосов, очень высока.

Именно это и произошло в Новой Зеландии в 1996 г. Национальной партии удалось сформировать правительство только в коалиции с партией «Новая Зеландия прежде всего». И в этом случае их перевес был незначителен – 61 место из 120. Второстепенные партии, в прошлом имевшие крайне мало мест в парламенте, значительно увеличили число своих депутатов. Так случилось с партией «Новая Зеландия прежде всего», которая увеличила их с 2 до 17, и партией «Альянс» – соответственно с 2 до 13. В результате раздоров внутри Национальной партии и падения ее авторитета в народе (опросы общественного мнения показывали, что коалиционным правительством недовольно до 90% населения) премьер-министр Дж. Болджер в декабре 1997 г. ушел в отставку с поста главы кабинета и лидера Национальной партии. Болджер был лидером партии 12 лет, из которых семь лет возглавлял правительство. На посту лидера Национальной партии и премьер-министра его заменила Джени Шипли. В августе 1998 г. коалиция распалась, и представители партии «Новая Зеландия прежде всего» вышли из правительства. Национальная партия, которую поддерживал ряд малых партий и независимых членов парламента, продолжала оставаться у власти.

Выборы 1999 г. еще раз подтвердили, что при новой системе голосования невозможно какой-либо одной партии одержать решающую победу, необходимо объединение, поддержка других партий. Как было сказано в тронной речи, «новозеландцы проголосовали за изменения в правительстве и перемену экономического и социального курса». За годы реформ Новая Зеландия добилась несомненных экономических успехов. Рост валового продукта составлял в 1990–1998 гг. в среднем ежегодно 3,2%. В предыдущее десятилетие (1980–1990) – 1,8%¹³⁸. Наблюдалась низкая, по международным меркам, инфляция – 1,7–2% в год. Валютные резервы страны увеличились более чем в 10 раз (с 365 млн в 1980 г. до 4204 млн в 1998 г.)¹³⁹. Внутренние инвестиции росли в это время ежегодно на 8,8%. Перед выборами,

в сентябре, безработица оценивалась в 6,8%, за тот же период годом раньше она составляла 7,5%¹⁴⁰.

Однако именно в год проведения парламентских выборов экономическое положение в стране ухудшилось. Дефицит платежного баланса достиг 30 июня 1999 г. 3,2 млрд. новозел. долл., или 6,3% ВВП. Иностранная задолженность превосходила 100% ВВП. Основная причина такого увеличения – разрыв между прибылью, которую получали иностранные предприятия, действующие в Новой Зеландии, и доходами собственно новозеландских фирм за границей. Негативным был и торговый баланс, дефицит которого выразился в рекордной цифре – 2,3 млрд новозел. долл. Не в последнюю очередь здесь сыграли роль такие факторы, как повышение цен на нефть, которую Новая Зеландия вынуждена импортировать, а также ажиотажный спрос на автомобили, купленные за границей, поскольку тарифы на ввоз их были сняты начиная с мая 1998 г. Спрос на потребительские товары в стране также возрос. В ноябре 1999 г. новозеландский доллар стал почти вдвое дешевле американского – 1:1,95 (в мае это соотношение было 1:1,81)¹⁴¹. Неслучайно министр финансов вновь избранного лейбористского правительства М. Куллен, перечислив изъяны структурных реформ прежнего правительства, охарактеризовал новозеландскую экономику как «скачущую и нестабильную».

Ухудшение экономического положения, естественно, отразилось на выборах, проходивших 27 ноября 1999 г., которые и привели к смене кабинета. При этих выборах существенное значение на расстановку сил в парламенте имел подсчет специальных голосов граждан, которые не попали в электорат в день выборов или опоздали к регистрации. В ночь выборов лейбористы получили 39% голосов, 41 место в округах и 11 – по партийному списку. Партия «Альянс» – соответственно 7,8%, 1, 10. Объединившись, две партии имели бы в парламенте 63 места из 120, т.е. абсолютное большинство. Партии зеленых для преодоления пятипроцентного барьера не хватило 0,1%, и она не одержала победы ни в одном округе. Правда, одна из ее кандидаток отставала

ла от победившего члена Национальной партии в округе Коромандел только на 114 голосов. С учетом специальных голосов партия зеленых набрала 5,2%, завоевала первенство в Короманделе и получила в парламенте 7 мест. До последнего момента было неясно, войдут ли в парламент представители партии «Новая Зеландия прежде всего»: их поддержало всего 4,3% избирателей. Однако ее лидер У. Питерс подтвердил (правда, с преимуществом всего в 62 голоса) свою победу в округе Тауранга и тем самым обеспечил партии 5 парламентских мест.

Окончательные результаты выборов были обнародованы 24 декабря. В выборах приняли участие 22 партии, проголосовало 2 085 381 человек (83,1% зарегистрированных избирателей)¹⁴².

Таблица 7

Результаты выборов 1999 г.

Партии	Голоса, %	Места
Лейбористская	38,7	49
Национальная	30,5	39
«Альянс»	7,1	10
АКТ	7,0	9
Партия зеленых	5,2	7
«Новая Зеландия прежде всего»	4,3	5
«Объединенное будущее»	0,5	1

Из 120 депутатов парламента 67 были избраны прямым голосованием, а 53 назначены партиями. По сравнению с данными от 27 ноября 1999 г. Лейбористская партия потеряла 3 места, Национальная – 2, «Альянс» – 1, «Новая Зеландия, прежде всего» – 1. В итоге левоцентристская коалиция – Лейбористская партия –

«Альянс» имеет 59, т.е. не составляет парламентского большинства. Лидер лейбористов, премьер-министр нового правительства Хэллен Кларк вынуждена была признать, что после учета специальных голосов ситуация стала несколько сложнее. Однако партия зеленых, не претендуя на посты в кабинете, обещала поддерживать коалицию в ее разумных начинаниях, не противоречащих ее идеологии и интересам.

Маори в отличие от выборов 1996 г., когда они отдали свои голоса партии, «Новая Зеландия, прежде всего», вновь, как и в предшествующие годы, поддержали лейбористов. В 5 из 6 маорийских округов с большим перевесом победили кандидаты от лейбористов. Они также завоевали 56% маорийских мест по партийным спискам. Как сказал один из маорийских лидеров Оке-роа, «избиратели имеют долгую память, и они вернулись к лейбористам, партии, которую они в прошлом всегда поддерживали, после того как были преданы коалицией, состоявшей из партии “Новая Зеландия, прежде всего”, которой они отдали свои голоса, и Национальной». В парламент по партийному списку от лейбористов прошла первая женщина-самоанка, что явилось важным политическим прецедентом. Аналитики характеризовали новых депутатов парламента как более умудренных и образованных. 79% из них получили в той или иной форме высшее образование. Таких 90% среди представителей Национальной партии, 89% – АКТа, 73% – «Альянса» и 69% – Лейбористской партии; 61% членов парламента закончили университет, в том числе 33% имели степень магистра или доктора, 165 – ученую степень в области юриспруденции. Наиболее распространенными занятиями депутатов были: бизнес – 14%, фермерство – 12%, преподавание – 10%, работа в местной администрации – 9%, юридические услуги – 8%¹⁴³. Одновременно с парламентскими выборами проходил референдум, включающий два вопроса: 1. Надо ли сократить число членов парламента до 99; 2. Назрела ли необходимость в реформе системы уголовного судопроизводства. Подавляющее большинство опрошенных новозеландцев ответили на эти вопросы положительно.

Лидер Лейбористской партии, набравшей относительное большинство голосов, Хелен Кларк сформировала правительство из 26 человек – самый разнородный по составу кабинет за всю историю Новой Зеландии. В правительство вошли 11 женщин, 4 маорийца и впервые один представитель тихоокеанских островов. Назначением 4 министров-маори Х. Кларк подчеркнула свое внимание к маорийским проблемам, заявив, что должна быть проведена большая работа для сокращения разрыва в уровне жизни маори и остальных новозеландцев. Хелен Кларк долго шла к своей победе. Она стала первой женщиной-премьер-министром, выбранным населением Новой Зеландии. Закончив Оклендский университет (по специальности политология), была вовлечена в политические движения, выступала против расизма, войны во Вьетнаме, ядерных испытаний в Тихом океане.

Впервые она была избрана в парламент в 1981 г.; в 1984 г. возглавляла комитет по контролю за разоружением; в 1987 г. была назначена министром окружающей среды и жилищного строительства; в 1989 г. стала министром здравоохранения и труда и первой новозеландской женщиной, занявшей пост заместителя премьер-министра. На протяжении своей долгой политической карьеры (за длительную работу в парламенте ее окрестили «матерью парламента») она осталась верна привитым в семье принципам: защищать такие ценности, как бесплатное образование и здравоохранение, систему социальных гарантий. Свою предвыборную кампанию она проводила под лозунгом «Справедливость, безопасность, осуществление личных возможностей» и в 1999 г. возглавила лейбористское правительство.

Результаты парламентских выборов в Новой Зеландии в конце столетия (да и в самом начале века, в 2002 г.) показали, что в обстановке частых выборов в парламент, как это происходит в Новой Зеландии, сохранить преемственность власти для правящей партии оказывается возможным только тогда, когда необходимые структурные реформы проведены и начинают приносить плоды. Речь идет не только о чисто экономическом эффекте (повышение темпов экономического роста, бездефицит-

ный бюджет, уменьшение долговых платежей), но прежде всего о социальных результатах (сдвигах в лучшую сторону), касающихся населения. Иначе говоря, люди, электорат должны почувствовать на себе, что после нескольких лет трудностей и потерь положение в социальной сфере начинает заметно улучшаться. Именно так и произошло в Новой Зеландии после 1999 г.

Однако в условиях реальной многопартийности парламента, когда в стране немало партий, выражающих интересы различных социальных, экономических, политических, идеологически ориентированных групп населения, очень трудно, почти невозможно, получить абсолютное большинство мест и голосов в парламенте. Поэтому скорее правилом, а не исключением становится формирование коалиционного правительства; наличие формальной или неформальной поддержки его другими партиями, имеющими представительство в парламенте. Подобное положение неизбежно приводит к тому, что политика правительства становится компромиссной и правящая партия вынуждена идти на уступки, не имея возможности полностью реализовать намеренный курс.

Наконец, самый общий вывод, вытекающий из анализа социально-экономической политики Новой Зеландии во второй половине XX и начале XXI века: любая партия, правительство, коалиция вынуждена в конечном счете учитывать постоянно меняющееся соотношение между действием рыночных сил и регулирующей ролью государства, степенью его вмешательства в экономику и социальные отношения. Чрезмерное усиление одних или других указанных факторов сопровождается в дальнейшем кардинальным изменением других. В Новой Зеландии, как малой стране, в гораздо большей степени, чем в других и особенно крупных государствах, зависящей от внешних факторов, эта тенденция проявляется особенно отчетливо. Именно поэтому новый курс в политике страны (либо в сторону усиления рыночных факторов, либо в сторону укрепления роли государства) становится неизбежным после того, как соответствующее движение превращается в господствующее в развитых странах Запа-

да. Но у Новой Зеландии есть и своя специфика, обусловленная ее положением в регионе, историей, этническим составом населения, принадлежностью в прошлом к Британскому Содружеству наций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги глубоких перемен, произошедших в Новой Зеландии на протяжении всего XX века. Рассмотрим прежде всего общие результаты социально-экономического и политического развития, а также изменения условий жизни ее жителей. За сто лет радикально изменились демографические характеристики населения. Численность новозеландцев выросла более чем в пять раз. В 1900 г. она составляла немногим более 800 тыс. Достигла миллиона человек в 1908 г., двух миллионов – в 1952 г., трех – в 1971 г. На колебания численности населения непосредственное влияние оказывали периоды экономического процветания или депрессии. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в начале XX века не превышала 58,1 лет у мужчин, 60,6 у женщин, а в среднем 59 лет. Через 100 лет, точнее к концу первого десятилетия XXI века, средняя ожидаемая продолжительность жизни составила 81 год, что вполне сопоставимо с величиной аналогичного показателя у стран еврозоны, а также Великобритании (80) и США (78)¹.

Одним из важных показателей динамики качества жизни, а также медицинского обслуживания является уровень младенческой смертности. В этой области в результате развития государственной системы здравоохранения и улучшения условий жизни наблюдался прогресс. Если в начале 1900-х годов из каждых 1000 родившихся, не прожив и года, умирало 79 младенцев, то сейчас аналогичный показатель не превышает 5. Средний показатель по государствам еврозоны составляет – 3 (в Великобритании – 5, в США – 7)². Естественный прирост населения в 1900-х годах при всех колебаниях достигал 1,6%, в 2010 г. – 0,8%. В странах еврозоны в среднем – 0,1 (в Великобритании – 0,4, США – 0,6). Таким образом, естественный прирост населения в Новой Зеландии продолжается, тогда как для Германии, Японии, Италии, например, стала характерна депопуляция коренного населения соответственно (-0,3%, -0,1, -0,1). В Австрии по сущест-

ву естественный прирост прекратился; в Дании составил 0,1, Бельгии, Швеции, Швейцарии равен 0,2%, Нидерландах – 0,3%³.

Коэффициент фертильности играет важную роль в численности и структуре населения. В 1912 г. он достигал в Новой Зеландии 3,4 ребенка, в 1935 г. он упал до 2,2. После Второй мировой войны в Новой Зеландии начался «бэби бум» – 3,6 рождений на каждую женщину. Между 1946 и 1965 гг. появилось на свет более чем 1,1 млн новозеландцев. Своего пика коэффициент фертильности достиг в 1961 г. – 4,3 и был существенно выше, чем в других развитых странах. В указанный год дети составляли до трети новозеландского населения (33%). Фертильность женщин в Новой Зеландии, как и во многих других развитых государствах, имела тенденцию к снижению: в 2010 г. она составляла 2,2, но все же оказалась больше, чем в европейских странах, а также в США (2,1), Австралии (1,9), Канаде (1,7) и Японии (1,4)⁴. В конце XIX – начале XX века в Новой Зеландии ощущался недостаток женщин. Мужчин, особенно молодых (речь идет о «белом» населении), было значительно больше. Сейчас, напротив, численность мужчин слегка отстает от численности женщин (в 2001 г. на 100 женщин приходилось 95 мужчин, в возрасте до 65 лет на 100 женщин – 98 мужчин). Население постарело, средний возраст новозеландца равен примерно 35 годам. Лица 65 лет и старше составляют 13% жителей⁵.

Усложнился этнический состав страны. Если в начале XX века на одном полюсе находились европейцы, на другом маори, причем поселенцы британского происхождения составляли свыше 97% европейского населения, то по переписи 2001 г. европейцев насчитывается 2868 тыс. (80%), маорийцев – 526 тыс. (14,7%), островитян – 231,8 тыс. (6,5%), азиатов – 237,5 тыс. (6,6%)⁶. Благодаря иммиграции в Новую Зеландию молодежи и людей средних лет удается сдерживать снижение удельного веса лиц трудоспособного возраста во всем населении. Вместе с тем продолжается отток новозеландцев в Австралию в те периоды, когда социально-экономическая ситуация ухудшается, а Австралия по-прежнему обладает значительным экономи-

ческим потенциалом, запасами разнообразных природных ресурсов, особенно минерального сырья. Она, несомненно, сохраняет преимущество в уровне экономического развития: в 2010 г. подушевой ВНД, рассчитанный по паритету валют, составлял там около 36 910 долл., а в Новой Зеландии – 28 100⁷.

Перейдем к рассмотрению изменений в сфере экономики. Сразу же подчеркнем, что речь при этом не идет о точных цифрах, а лишь о примерных результатах, которые тем не менее правильно отражают основные итоги этих изменений. Если рассчитать по имеющимся достаточно достоверным данным, как изменился подушевой ВВП Новой Зеландии с 1900 по 2000 год, то окажется, что он увеличился округленно с 4300 (в ам. долл. 1900 года) до 16 с лишним тысяч, т.е. в 3,7 раза. В конце XIX века экономическое развитие Новой Зеландии во многом осуществлялось в долг, который достигал огромной по масштабам страны цифры и в расчете на душу населения был, возможно, самым большим в мире. Страна создавала свою экономику и инфраструктуру, успешно используя иностранный капитал. В 1913 г. долг центрального правительства оценивался примерно в 90 млн ф. ст., из них подавляющая часть – 73,2% – внешний. Кроме того, местные власти имели долги на 17,5 млн, из которых внешний – 7,4 млн ф. ст. В итоге выплата долгов и процентов по ним была самой большой статьей расходов правительства. Так, в указанном году все расходы центрального правительства составляли 11,1 млн ф. ст., из которых 2,7 млн шли на выплату процентов и основной суммы долга – 24,4%. Для сравнения укажем, что на образование отводилось 10,2%, оборону – 4,6%, на социальные выплаты – 5%, в том числе на пенсии по старости – 3,5%⁸.

В начале XXI века положение коренным образом изменилось. Теперь Новая Зеландия в гораздо большей степени опирается на внутренние источники накопления. В 2008 г. государственный долг Новой Зеландии составлял 38,9% ВВП и она выплачивала по долгу 3,4% всех доходов центрального правительства. Если сравнить с другими странами, то окажется, что ее выплаты были меньше, чем у них. Так, аналогичные показатели для Анг-

лии равнялись соответственно 57,5% и 5,8%, США – 53,8 и 11,6%, Франции – 67 и 5,9%, Греции – 114 и 11,1%, Португалии – 76 и 7,2%, Австралии – 19,4 и 3,5%, Австрии – 64 и 6,5%, Бельгии – 88 и 8,5%, Канады – 45,2 и 6,1%, Германии – 40,8 и 6,0%, Италии – 106,3 и 12,8%⁹. Известно, что долг Японии достигает 200% ВВП. Итак, несмотря на то что Новая Зеландия – маленькая страна, зависящая от мировой конъюнктуры и по уровню подушевого ВВП отстает от многих стран в группе государств с высокими доходами, она в конечном счете уже в новом столетии оказалась обременена внешним долгом в меньшей или даже гораздо меньшей степени, чем некоторые более богатые страны Европы и Северной Америки.

Как же изменилось положение Новой Зеландии в мире? Если иметь в виду сравнения со многими другими ныне развитыми в экономическом отношении странами, то ее положение в целом скорее ухудшилось, точнее, можно было бы сказать, что Новая Зеландия на протяжении последних 100–110 лет развивалась медленнее, чем многие другие страны Западной Европы и Северной Америки. Или, иначе говоря, эти страны постепенно обогнали ее. В начале XX века Новая Зеландия – процветающее государство с высоким уровнем подушевого дохода. По этому показателю она уступала только Великобритании. В 1900 г. величина ВВП на душу населения достигала в Новой Зеландии (в ам. долл. 1990 года) 4298, в Великобритании соответственно – 4492, Австралии – 4013, США – 4091, Канаде – только 2911. Однако ежегодные темпы роста реального подушевого ВВП в 1870–1913 гг. (1,2) были ниже, чем в Канаде (2,3), США (1,8), ниже, чем в большинстве европейских стран, за исключением Бельгии (1,0), Великобритании (1,0), Голландии (0,9), а также Австралии (1,1). Это объяснялось тем, что темпы роста численности населения в Новой Зеландии, напротив, в этот период были выше (3,2), чем у других бывших переселенческих колоний, таких как Австралия (2,5), США (2,1), Канада (1,6)¹⁰. Все эти сравнения на начало XX века базируются на расчетах отдельных исследовате-

лей или групп исследователей. И хотя в соответствующих работах приводятся данные о величине подушевого ВВП с мнимой точностью до одного доллара, это всего лишь оценки, которые в дальнейшем могут быть значительно изменены и уточнены.

Через 100 лет, т.е. в 2000 г., подушевой ВВП Новой Зеландии составлял 16 010 (в ам. долл. 1990 года), в то время как Австралии – 21 540, Канады – 22 198, США – 28 129 долл. Помимо этих стран, она также уступала по этому показателю Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Италии, Нидерландам, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Великобритании, Ирландии, Японии, Тайваню, Гонконгу, Сингапуру, Объединенным Арабским Эмиратам¹¹. В 2008 г. по уровню подушевого ВВП по паритетам валют в текущих ценах Новая Зеландия оказалась на 32-м месте, ее обогнали даже Испания и Греция¹². Впрочем, как показывают события самого последнего времени, некоторые страны Южной Европы, например Греция или Испания, оказавшись «в долгу, как шелку», испытывают острейшие финансовые проблемы, что, несомненно, в дальнейшем скажется или уже сказывается на их общем экономическом положении. Правда, в этом списке числятся некоторые микро-псевдогосударства – Сан-Марино, Люксембург, Бермуды.

Место Новой Зеландии, как и других стран, меняется год от года и от десятилетия к десятилетию, но при всех изменениях она оказывается в нулевые годы XXI века в конце второго или начале третьего десятка государств. Это означает, что более высокие показатели имеют не только основные страны Западной Европы и Северной Америки, а также Япония, но и некоторые богатейшие экспортеры нефти и газа, такие как ОАЭ, Кувейт, Бруней, города-государства Сингапур, Гонконг и др. Таким образом, 25–30 стран обогнали Новую Зеландию в экономическом развитии, но она не является в этом отношении уникальной страной. Стоит напомнить, что в конце XIX века первое место в мире по уровню подушевого ВВП занимала Великобритания, тогда как в 2008 г. она опустилась на 19–20-е место, так же как

Австралия и США, бывшие в начале XX века на 3–4-м местах, оказались через 100 с лишним лет «отодвинутыми» на 14–15-е места.

Кардинальное изменение положения страны в мировой экономической табели о рангах явилось отражением длительного структурного кризиса, который особенно резко проявился во второй половине 70-х годов. Конечно, на протяжении всего этого времени (за исключением отдельных особенно неблагоприятных лет) производство и потребление товаров и услуг в Новой Зеландии в целом повышалось, но оно повышалось медленнее, чем в других странах Запада, в Японии и быстроразвивающихся государствах Восточной Азии. Резкое, так сказать, «взрывное» ухудшение внутри- и внешнеэкономического положения Новой Зеландии было связано также и с разразившимися в 70-х – начале 80-х годов «нефтяными шоками» и другими экономическими трудностями. Последствия их оказались для Новой Зеландии, всецело зависящей от конъюнктуры мирового рынка и не имеющей достаточной энергетической базы, исключительно тяжелыми. Ситуация осложнялась и потерей (вследствие вступления Англии в ЕЭС) традиционных рынков сбыта для новозеландской сельскохозяйственной продукции.

К середине 80-х годов стало ясно, что Новой Зеландии не избежать пути, который в той или иной степени уже прошли ее западные партнеры. Ей предстояло положить конец протекционистским мерам государства в экономической и даже социальной жизни, ограничивавшим свободу рыночных отношений, и стало быть нарушить привычный при всех внешних и внутренних трудностях страны уклад. Иными словами, провести, выражаясь принятым в России термином, «перестройку» своего народного хозяйства. Благодаря созданию условий для большей свободы экономической деятельности, усиления конкурентных начал, сужения регулирующих функций государства на рынках труда, капитала, товаров и услуг страна оказалась более глубоко интегрирована в систему международных экономических отношений.

Подтверждением этого может служить изменение вектора ее международных связей. В начале XX века основным торговым партнером Новой Зеландии была Великобритания: туда шло 75–80% новозеландского экспорта, доля ее в импорте составляла примерно 60%¹³. Она занимала первое место во внешней торговле Новой Зеландии до конца 70-х годов. Но уже в начале нулевых годов XXI века основными торговыми партнерами Новой Зеландии стали Австралия, США и Япония. На долю их приходилось до 50% экспорта и импорта Новой Зеландии. Удельный вес же экспорта новозеландской продукции в Великобританию и импорта из нее составлял лишь 3–5%¹⁴. В отличие от 80-х годов XX века, когда начали проводиться экономические реформы, которые на первых порах неблагоприятно отразились на положении значительной части, а может быть и большей части населения, в 1990–2000-х годах внутреннее положение Новой Зеландии существенно изменилось в лучшую сторону.

В 1990–2000-х годах темпы роста ее ВВП достигали в среднем ежегодно 3,3%. Хотя, на первый взгляд, это не слишком высокий показатель, он значительно превышал аналогичную цифру по странам еврозоны (2,0%), а также таким странам Западной Европы, как Франция (1,9%), Германия (1,6%) или Италия (1,5%). Только в США в этот период темпы роста экономики были незначительно выше (3,6%). Такое положение сохранялось и в нулевые годы до начала мирового финансового и экономического кризиса. В 2000–2008-х годах среднегодовой темп роста ВВП Новой Зеландии составлял 3,1%, тогда как в странах еврозоны он не превышал 1,8%, во Франции – также 1,8%, Германии – 1,2%, Италии – 1%. Теперь уже и в США экономика развивалась медленнее: темпы роста ВВП снизились до 2,4%. В период мирового финансового и экономического кризиса положение Новой Зеландии резко осложнилось, но в целом на протяжении первого десятилетия XXI века усредненный ежегодный показатель экономического роста Новой Зеландии хотя и снизился, все же составил 2,6%, тогда как в государствах еврозоны – лишь

1,3%, в Великобритании, США, а также во всей группе стран с высокими доходами – 1,8%¹⁵.

По мнению экспертов МВФ, в условиях мирового кризиса Новая Зеландия оказалась в лучшем положении, чем большинство развитых государств. Это вывод подтверждают результаты опросов общественного мнения, проведенные в стране. Они показали, что жители относительно спокойно пережили рецессию, считая, что кризис проходит не так тяжело, как это предсказывали эксперты и средства массовой информации. И действительно, уже в 2010 г. экономика показала сравнительно приличный рост – 2,5% ВВП.

Итак, перед лицом глобального финансового кризиса Новая Зеландия оказалась более устойчивой, чем многие другие страны. В мировом хозяйстве она нашла свою нишу. Новая Зеландия снабжает другие государства высококачественными продовольственными товарами, что востребовано на всех стадиях развития цивилизации. Но в этой своей миссии она остается зависимой от мирового рынка. Ее положение нельзя считать стабильным. Как малая страна с ограниченными природными ресурсами, она не может создать многоотраслевое конкурентоспособное хозяйство, удовлетворяющее все или даже большую часть разнообразных потребностей общества на основе внутреннего производства. Правильнее, пожалуй, будет сказать, что большинство этих все расширяющихся потребностей и в будущем окажется возможным удовлетворять посредством многообразных прямых и косвенных связей с мировым и региональными рынками.

Подушевой доход новозеландца на протяжении столетия увеличился примерно в 4 раза. Это значит, что новозеландцы в начале XXI века живут в среднем в 3–4 раза лучше, чем в начале XIX. Конечно, это не означает, что в такой одинаковой пропорции увеличились все составляющие уровня и условий жизни населения. Так, например, современные жители страны, несомненно, лучше питаются, чем их предки, но они не стали потреблять в 4 раза больше калорий, всех продуктов, их питание стало более разнообразным, и они больше задумываются о его соответствии

оптимальным физиологическим и медицинским нормам. Что изменилось радикально, так это потребление так называемых товаров длительного пользования, большинства которых в начале XX столетия либо вообще не было, либо они только начали появляться и оказались доступными на первых порах узкому кругу богачей.

В 1900-е годы в страну впервые ввезли несколько тысяч легковых автомобилей, а в 2003 г. в Новой Зеландии было зарегистрировано уже 2042 тыс. автомобилей. Более того, оказалось, что, по данным за 2009 г., страна занимает первое место в мире по числу автомобилей на тысячу жителей – 603. Так, в Австралии этот показатель равен 550, в Великобритании – 460, Германии – 510, Голландии – 459, Италии – 596, Канаде – 420, США – 439, Франции – 496, Японии – 454¹⁶. Понятно, что при населении в 4,3 млн человек их имеет подавляющее число семей, а также большинство одиноких граждан. В современной Новой Зеландии почти все домохозяйства располагают телевизорами (99%), радиоприемниками, холодильниками, стиральными машинами и другими аналогичными товарами, которые качественно меняют повседневную жизнь людей. Практически все дома оснащены электрическими приборами, проведены водопровод, канализация, механизированы и электрифицированы уборка помещений, стирка белья и др.

За последние 20 лет широчайшее распространение получили новейшие средства информации и связи. Неслучайно современная стадия социально-экономического развития в странах Запада нередко называется не просто постиндустриальной, а информационно-инновационной. Дело в том, что появление и развитие новейших технологий оказывает воздействие не только на собственно экономику, но также ускоряет общественные и политические процессы, придает им новый динамизм. Если учесть географическую удаленность Новой Зеландии, ее относительную «оторванность» от большинства других стран, то в этих условиях новейшие средства массовой информации и особенно Интернет с

его последними достижениями приобретают для нее громадное значение. Поэтому целесообразно вкратце остановиться на них.

Одним из доступных средств информации в Новой Зеландии в конце XIX – начале XX века были газеты. Первая ежедневная газета «Отаго Дейли Таймс» появилась в 1861 г. Интересно, что по опросу, проведенному в начале нулевых годов, ее читали 91% населения в возрасте от 45 до 64 лет¹⁷. В 1910 г. число ежедневных газет достигало 67. Однако постепенно оно снижалось: 42 – в 1958 г., 32 – в 1989, 25 – в 2001. Тираж их насчитывал в последнем указанном году 980 тыс. копий. Наиболее распространенная «New Zealand Herald...» (тираж около 210 тыс.), издаваемая в Окленде, на втором месте – «The Press» (91 тыс. Крайстчёрч), на третьем «Dominion» (свыше 68 тыс., Веллингтон). Из 6 тыс. постоянных журналов, доступных гражданам, 650 публикуются в Новой Зеландии¹⁸. В стране нет неграмотных, граждане издавна тратят много времени на чтение прессы. Опрос в Отаго свидетельствовал, что в обычный день из 3,7 млн жителей, включая детей, 1,7 млн читали газету¹⁹. И хотя циркуляция газет в Новой Зеландии, так же как и в других западных обществах, в целом снижается, распространение газет в стране в начале нулевых годов XXI века было более широким, чем в Австралии и Северной Америке, но менее широким, чем в странах Западной Европы.

Газеты в первой половине XX века дополнило и отчасти потеснило радио, тогда как во второй половине XX – главным образом телевидение, а впоследствии Интернет. В среднем новозеландец тратил в день 2 часа 45 минут на просмотр телевизионных программ. Наиболее популярными оказывались спортивные передачи о любимой игре регби. В Новой Зеландии, как и в большинстве других стран, средства информации постепенно отходили от публикаций и показа политических новостей, дебатов и уделяли все больше внимания спортивным, развлекательным передачам, событиям частной жизни. Все это, несомненно, оказывало влияние на общественно-политическую жизнь, ослабляло интерес широких масс к «высокой» политике, способство-

вало процессу деполитизации и горожан, и сельских жителей. Этой же тенденции способствовала и коммерциализация средств массовой информации. Их собственники стремились прежде всего к получению и увеличению прибыли. Они прививали населению повышенный интерес к частной жизни известных людей, к смакованию криминальных подробностей, к новостям шоу-бизнеса в ущерб классической культуре и искусству. Масс-медиа ежедневно приходят в каждый дом, занимают значительную часть свободного времени и в определенной степени способствуют формированию у потребителей ценностных ориентаций, политических симпатий и антипатий, культурных предпочтений, поведенческих стереотипов и даже тех или иных бытовых привычек.

Средства массовой информации во второй половине XX века функционировали под большим влиянием государства, а затем оказывались в основном в частных руках. Как правило, лейбористские правительства стремились укрепить государственные радио- и телевизионные компании, тогда как правительства Национальной партии проводили в жизнь законодательства, открывавшие двери, во-первых, для создания частных радио- и телевизионных станций, формирования крупных холдингов и, во-вторых, разрешали приобретение и консолидацию их иностранными корпорациями, в том числе и транснациональными. Если для чтения газет необходима грамотность, радио доступно для восприятия всем, то телевидение воздействует многофункционально – это аудиовизуальное средство. Но особенно изменилась жизнь рядового новозеландца, когда появились компьютеры и стал возможным доступ к Интернету.

Раньше новозеландцы остро ощущали свою оторванность от центров цивилизации. Ведь даже на современных морских судах требуется длительное время, чтобы проделать путь в тысячи километров, отделяющие их страну от Великобритании, государств континентальной Европы или США. Теперь же оказывается возможным общение в режиме реального времени, когда можно видеть и слышать собеседников, находящихся на другом конце

земли. Это особенно важно для новозеландцев, у которых в Великобритании и других странах оставались родственники, друзья и знакомые. По официальным данным, на 100 жителей в Новой Зеландии приходится 53 компьютера, практически это означает, что они имеются в каждой семье. 71 из 100 человек, включая детей и стариков, имеют доступ к Интернету. В 2000 г. Новая Зеландия была на 6-м месте среди стран ОЭСР по числу граждан, имеющих доступ в Интернет в расчете на тысячу жителей. В итоге новозеландцы уже не чувствуют себя, как в начале XX века, относительно изолированными во времени и пространстве, в том числе и от «страны-матери». И все же в 2008 г. Новая Зеландия несколько отставала от развитых стран по числу компьютеров и доступа в Интернет в расчете на 100 жителей: она занимала соответственно 13-е и 16-е места²⁰.

Средства массовой информации стали во многом самостоятельной движущей силой: они не только способствуют формированию гражданского общества, но оказывают влияние на весь ход развития страны. Если учесть, что в Новой Зеландии (как, впрочем, и во многих других развитых странах) они все более монополизируются и глобализируются, то приходится признать, что само их распространение становится важнейшим фактором растущей включенности страны в мировые экономические, политические и идеологические процессы.

Основные достижения цивилизации в сфере жизненных условий и быта людей стали в Новой Зеландии достоянием большинства, а точнее – подавляющего большинства населения. В этой связи необходимо добавить, что они постепенно распространялись и на маорийцев, которые по укладу и условиям жизни еще в конце XIX века радикально отличались от англо-новозеландцев. Между этими двумя этносами существовали очевидные цивилизационные различия. Однако за последние 100–120 лет положение заметно изменилось. Все больше маорийцев переселялись в города, где они постепенно приобщались к достижениям современной культуры – материальной, бытовой, общественной, политической. Конечно, и ныне сохранились нема-

лые различия между англо-новозеландцами и маорийцами во всех сферах жизни. Однако разрыв в уровне и качестве жизни все более сокращается, уходит в прошлое.

Процесс улучшения жизни в Новой Зеландии не был плавным и непрерывным. В 30-е годы страну, как и весь капиталистический мир, постигла жесточайшая депрессия. В годы двух мировых войн Новая Зеландия понесла тяжелые людские потери, предоставляя в распоряжение союзников относительно больше мобилизованных солдат и офицеров, чем другие страны Содружества. В годы Второй мировой войны на Тихоокеанском театре военных действий Новая Зеландия оказалась перед угрозой японского вторжения, что потребовало серьезного напряжения сил и определенных жертв со стороны населения. Во второй половине 70-х – начале 80-х годов положение ее резко ухудшилось в связи с мировыми кризисами и потерей стабильного английского рынка. В целом периоды прямого ухудшения условий жизни в Новой Зеландии занимали в XX веке не менее двух десятилетий.

К тому же процесс улучшения условий жизни отличался противоречивостью, важным проявлением которой стали разнонаправленные сдвиги в сфере распределения доходов. Начатые в 80-х годах XX века реформы способствовали все более глубокому расслоению населения по уровню доходов. Если раньше Новую Зеландию не без основания считали относительно эгалитарной страной, ей была присуща меньшая по сравнению с другими странами неравномерность в сфере распределения собственности, товаров и услуг, то теперь это положение явно ушло в прошлое. Ныне основные индикаторы, характеризующие распределение доходов и потребления в Новой Зеландии, отличаются большей неравномерностью, чем в ряде небольших стран Западной Европы. Например, так называемый индекс Джини в Новой Зеландии в нулевые годы XXI века достигал 36,2, тогда как в Нидерландах он составлял 30,9, Австрии – 29,1, Норвегии – 25,8, Дании, Швеции и Японии – около 25²¹. Уровень концентрации доходов, которыми располагают «высшие» 10% их получателей,

в Новой Зеландии также остается более высоким, чем во многих других странах Европы или Японии. Это результат все более глубокой интеграции страны в систему международных финансовых отношений.

Так изменялись условия жизни Новой Зеландии, если рассматривать их не на протяжении отдельных лет, а в масштабе всего XX столетия. Думается, что именно этот вывод в конечном счете правильно отражает картину глубоких сдвигов, произошедших на протяжении последних трех-четырех поколений новозеландцев.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ World Development Indicator. Washington, 2012. С. 226–227.

² Там же. С. 227–228.

³ Там же. С. 226–228, 234–236.

⁴ Там же. С. 231, 227, 239.

⁵ Human Development Report (HDR). New York, 2002. С. 149; HDR, 2005. С. 219; HDR, 2009. С. 199.

⁶ См., например: Малаховский К. В. История Новой Зеландии. М., 1981; Малаховский К. В. Британия Южных морей. М., 1973. Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. М., 1981.

Глава 1

¹ Oliver W. H. The Story of New Zealand. L., 1968. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Morell W. B. New Zealand. L., 1935. С. 17.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг. М., 1962. С. 365.

⁶ Olssen Eric. Social class in New Zealand // Social class in nineteenth century. Auckland, 1977. С. 23.

⁷ Савельева Л. П. Губернаторы и поселенцы: образы власти в колонии Новая Зеландия (40–60-е гг. XIX в.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 31.

⁸ Джорж Грей дважды был губернатором Новой Зеландии: 1845–1853 гг. и 1861–1868 гг., а также премьер-министром в 1877–1879 гг.

⁹ Савельева Л.П. Губернаторы и поселенцы: образы власти в колонии Новая Зеландия (40–60-е гг. XIX в.). С. 31.

¹⁰ См. подробнее: Ковлер И. В. Некоторые особенности политического процесса в Новой Зеландии после предоставления ей самоуправления // Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. Часть 1. М., 1988. С. 64–71.

¹¹ См. подробнее: Жбанов С. В. Создание коронной колонии в Новой Зеландии и Конституционный акт 1846 г. // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Издательство Иркутского университета, 1998. Т. 2. С. 34–39.

¹² The Oxford history of New Zealand. Wellington, 1981. С. 70.

¹³ Там же. С. 117.

¹⁴ Oliver W. H. The Story of New Zealand. С. 104.

¹⁵ The Oxford history of New Zealand. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ New Zealand Official Yearbook, 1990. С. 34.

¹⁸ The Oxford history of New Zealand. С. 117.

¹⁹ Simkin Colin G. F The Instability of a dependent economy; economic fluctuations in New Zealand, 1840–1914. Oxford University Press, 1951. С. 171.

²⁰ Там же. С. 172.

²¹ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. Auckland et London, 1970. С. 148.

²² Hawke G. R. The making of New Zealand. An Economic History. L., 1985. С. 47.

²³ См.: Семенова Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. Минск, 2008. С. 143–147.

Глава 2

¹ Мижуев П. Г. Счастливая Австралия. Пг., 1918. С. 53. Цит. по: Семенова Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. С. 196.

² Сосчитано по: Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 138, 194.

³ Reeves W. P. State Experiments in Australia and New Zealand. L., 1923. Vol. 2. С. 101. Цит. по: Семенова Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. С. 116.

⁴ Таганский М. Демократическая республика Новая Зеландия. СПб., 1906. С. 9.

⁵ Чумаков Н. О народном самоуправлении в Новой Зеландии. СПб. 1906. С. 8.

⁶ Кабанов Н. О земельном законодательстве в Новой Зеландии. Ростов-на-Дону, б. г. С. 10.

⁷ Байков В. Правовое положение и земельные порядки в Новой Зеландии. М., 1917. Труд и воля. С. 31.

⁸ Simkin Colin G.F The Instability of a dependent economy; economic fluctuations in New Zealand, 1840–1914. С. 171.

⁹ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 203.

¹⁰ Lloyd N. A. Country without strike. A visit to the Compulsory Arbitration Court of New Zealand, New York, 1908.

¹¹ Семенова Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. С. 59.

¹² Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. С. 24.

¹³ Sinclair Keith. History of New Zealand. L., 1980. С. 241.

¹⁴ Oliver W. H. The Story of New Zealand. С. 171.

¹⁵ The Oxford history of New Zealand. Wellington. С. 215.

¹⁶ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 264.

¹⁷ Там же. С. 266.

¹⁸ The Oxford history of New Zealand. С. 297.

¹⁹ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 266. Оценки разнятся: У. Оливер приводит цифру в 17 тыс. (Oliver W. H. The story of New Zealand. С. 170). К. Синклер – 17 тыс. убитых и 58 тыс. раненых (Sinclair Keith. The History of New Zealand. С. 233), П. Гиббонс – 16 тыс. убитых и 45 тыс. раненых (The Oxford history of New Zealand. С. 313), в ежегоднике дана цифра 18 тыс. погибших (Official Yearbook of New Zealand. 1990. С. 39).

²⁰ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 258–259, 267–268.

²¹ Sinclair Keith. The History of New Zealand. С. 233.

²² Там же. С. 255.

²³ Там же. С. 255–256.

²⁴ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 428.

²⁵ Подробнее см. об этом: Brown, Bruce. The Rise of New Zealand Labour: a history of New Zealand Labour party from 1916 to 1940. L., 1964.

²⁶ Sinclair Keith. The History of New Zealand. С. 267.

²⁷ Sinclair Keith. Walter Nash. Dunedin, 1976. С. 194.

²⁸ Там же. С. 271.

²⁹ Цит. по: Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. С. 35.

³⁰ Там же.

³¹ Maddison Angus. The World Economy: Historical Statistics. OECD, 2003. С. 62, 63, 68, 88.

³² Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 349.

³³ Williams J. W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. New York, 1948. С. 2.

³⁴ Там же. С. 4–5.

³⁵ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 351–352.

³⁶ Там же. С. 367.

³⁷ Там же. С. 371–372.

³⁸ Там же. С. 367.

³⁹ Там же. С. 394.

⁴⁰ Williams J. W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. С. 24–25.

⁴¹ Sinclair Keith. Walter Nash. С. 198–199.

⁴² liver W. H. The Story of New Zealand. С. 240.

⁴³ Там же. С. 241.

⁴⁴ Williams J. W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. С. 28.

⁴⁵ Там же. С. 41.

⁴⁶ The Oxford history of New Zealand. С. 418, 427.

⁴⁸ Там же. С. 352.

⁴⁹ New Zealand official Yearbook, 1990. С. 44. Данные несколько отличаются в разных источниках. Sinclair Keith приводит цифру 11 600 убитых и 15 700 раненых (Sinclair Keith. The History of New Zealand. С. 284); Williams J. W. – 10 тыс. убитых и 20 тыс. раненых (Williams J. W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. С. 57); Грэм Данстолл – 11 625 убитых и 17 тыс. раненых (The Oxford history of New Zealand. С. 397).

⁵⁰ В The Oxford history of New Zealand (с. 351) приводится дата – 1943 г.

⁵¹ Williams J. W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. С. 60.

Глава 3

- ¹ Wood F. L. W. The New Zealand people at war. Wellington, 1971. С. 395.
- ² Sinclair Keith. The History of New Zealand. С. 287.
- ³ Там же. С. 291.
- ⁴ Ковлер И. В. Национальная партия Новой Зеландии после Второй мировой войны. Диссертация. М., 1985. С. 67.
- ⁵ Цит. по: Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. С. 115.
- ⁶ Там же. С. 116.
- ⁷ Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. Издательство Иркутского университета, 1995. С. 13.
- ⁸ Sinclair Keith. Walter Nash... С. 307.
- ⁹ Там же. С. 346.
- ¹⁰ Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. С. 101.
- ¹¹ Sinclair Keith. Walter Nash. С. 335.
- ¹² Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира в первый». Глава 24. Отношения с Австралией и Новой Зеландией. <http://lib.ru/memuary/singapur>
- ¹³ Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. М.: Мысль, 1978. С. 34.
- ¹⁴ Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. М.: Наука, 1987. С. 48–49.
- ¹⁵ New Zealand Official Yearbook. Wellington, 1971. С. 567.
- ¹⁶ Там же. С. 612; Pocket Digest of New Zealand Statistics. 1974. С. 155.
- ¹⁷ New Zealand Official Yearbook 1971. С. 612, 660.
- ¹⁸ Lane P. Economy in the balance. An Introduction to the New Zealand Economy. Wellington, 1976. С. 29.
- ¹⁹ Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. С. 65.

- ²⁰ Стефанчук Л. Г. Рабочий класс Новой Зеландии (численность, структура, состав) // Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М., 1981. С. 8.
- ²¹ Богомолов В. А. Некоторые проблемы экономического развития Новой Зеландии // Проблемы изучения Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М., 1976. С. 124; Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 59.
- ²² Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 58.
- ²³ Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. С. 14.
- ²⁴ The Oxford history of New Zealand. С. 409.
- ²⁵ Григорьева И. Л. Особенности развития сельского хозяйства Новой Зеландии и формирование его вертикальной интеграции с промышленностью. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1974. С. 7–9.
- ²⁶ The Oxford history of New Zealand. С. 400.
- ²⁷ New Zealand Official Yearbook. Wellington, 1979. С. 65.
- ²⁸ New Zealand Official Yearbook. Wellington, 1977. С. 55.
- ²⁹ Там же. С. 83.
- ³⁰ The Oxford history of New Zealand. С. 401.
- ³¹ Там же.
- ³² Population Census 1961, Wellington, 1961. С. 9.
- ³³ The Oxford history of New Zealand. С. 403.
- ³⁴ Там же. С. 405.
- ³⁵ Там же. С. 406.
- ³⁶ New Zealand Official Yearbook. 1977. С. 784.
- ³⁷ Подсчитано по: New Zealand population Census 1961. Vol. 4. С. 3, 60–64; New Zealand Census of Population and Dwellings 1966. Vol. 4, 1969. С. 3, 62–67. Vol. 10, 1971. С. 69; New Zealand Census of Population and Dwellings 1971. Vol. 4. С. 78–85. Vol. 12, 1976. С. 79–80.
- ³⁸ New Zealand Official Yearbook. 1977. С. 175.

- ³⁹ New Zealand Census of Population and Dwelling. 1971. Vol. 6. C. 7.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Lane P. Economy in the Balance. An introduction to the New Zealand Economy. C. 91.
- ⁴² Social Process in New Zealand. Aucland, 1969. C. 265.
- ⁴³ The Role of Women in New Zealand Society, Report of Select Committee in Women Right, June, 1975. Wellington, 1976. C. 45.
- ⁴⁴ Social Process in New Zealand. C. 187.
- ⁴⁵ New Zealand Census of Population and Dwellings 1971. Vol. 6. C. 8. Vol. 12. C. 104.
- ⁴⁶ Milne P. S. Political Parties in New Zealand. L., 1966. C. 273.
- ⁴⁷ Population Census 1956. Vol. Incomes. Wellington, 1959. C. 18–21.
- ⁴⁸ Цит. по: Roth H. Trade Unions in New Zealand. Past and Present Wellington, 1973. C. xi.
- ⁴⁹ Pool D. The Maori Population of New Zealand 1769–1971. Aucland, 1977. C. 197.
- ⁵⁰ Butterworth G. W. The Maori People in the New Zealand Economy. L., 1974. C. 24.
- ⁵¹ Там же. C. 50.
- ⁵² Hunn J. K. Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960). Wellington, 1961. C. 47.
- ⁵³ Там же. C. 18, 21, 109, 111.
- ⁵⁴ Butterworth G. W. The Maori People in the New Zealand Economy. C. 10, 13.
- ⁵⁵ Hunn J. K. Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960). C. 36.
- ⁵⁶ Social Class in New Zealand. Aucland, 1977. C. 100–101.
- ⁵⁷ Hunn J. K. Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960) . C. 28.

- ⁵⁸ Там же. С. 25.
- ⁵⁹ Подсчитано по: Lane P. Economy in the Balance. An Introduction to the New Zealand Economy. С. 6.
- ⁶⁰ Андреева В. М. Новая Зеландия. М., 1963. С. 63; New Zealand Official Yearbook, 1979. С. 62.
- ⁶¹ Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. С. 51.
- ⁶² Там же. С. 21.
- ⁶³ Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 67.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 80.
- ⁶⁶ New Zealand Official Yearbook. 1977. С. 807.
- ⁶⁷ Цит. по: Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. С. 146.
- ⁶⁸ Там же. С. 143, 239.
- ⁶⁹ Там же. С. 143.
- ⁷⁰ Цит. по: Малаховский К. В. История Новой Зеландии. С. 205.
- ⁷¹ Basset M. Third Labour Government. A Personal History. Palmerston, 1976. С. 346.
- ⁷² New Zealand. OECD. April, 1977. С. 26.
- ⁷³ Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 87–88.
- ⁷⁴ Там же. С. 90.
- ⁷⁵ Basset M. Third Labour Government. A Personal History. С. 117–118.
- ⁷⁶ New Zealand Parliamentary Debates, Wellington, 1972–1985. V. 396. С. 125–126.
- ⁷⁷ Цит. по: Labour Leads. Policies at Work. December 1972 – May 1975. С. 20.
- ⁷⁸ Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 141.

- ⁷⁹ Там же. С. 102.
- ⁸⁰ New Zealand Pocket Digest of Statistics. 1976. С. 199.
- ⁸¹ Labour in Power. Promise and Performance. Wellington, 1975. С. 66.
- ⁸² Basset M. Third Labour Government. A Personal History. С. 200.
- ⁸³ New Zealand Official Yearbook. 1977. С. 806–807.
- ⁸⁴ Цит. по: Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. С. 168.
- ⁸⁵ Там же. С. 176.
- ⁸⁶ Labour leads. Policies at work. December 1972. May, 1975. С. 14.
- ⁸⁷ Far Eastern Economic Review. 1979. V. 103. № 1. С. 123.
- ⁸⁸ New Zealand OECD Economic Surveys. 1983. С. 38.
- ⁸⁹ New Zealand Monthly Abstract of Statistics. Wellington, 1984, ноябрь-декабрь. С. 49.
- ⁹⁰ Dominion, 28.07.1983. С. 10.
- ⁹¹ Этот продукт, получаемый из сыворотки, используют для приготовления безалкогольных напитков и детского питания.
- ⁹² Dominion. 10.11.1983.
- ⁹³ Метанол – продукт, необходимый для получения синтетического бензина.
- ⁹⁴ Morning Star. 31.08.1983.
- ⁹⁵ Yearbook of Labour Statistics. Geneva, 1985. С. 496.
- ⁹⁶ New Zealand OECD Economic Surveys. 1985. С. 20–21.
- ⁹⁷ Там же. С. 9.
- ⁹⁸ New Zealand Pocket Digest of Statistics. Wellington, 1985. С. 24.
- ⁹⁹ New Zealand Parliamentary Debates. Wellington. Vol. 427. С. 44–50.
- ¹⁰⁰ New Zealand OECD Economic Surveys. 1985. С. 85.
- ¹⁰¹ Стефанчук Л. Г. Новая Зеландия. Трудные годы. С. 133–134.

- ¹⁰² Dominion, 16.03.1979.
- ¹⁰³ Ministerial Speeches. Ministry of Foreign Affairs. Wellington, 1983. Vol. 10. C. 7.
- ¹⁰⁴ New Zealand. OECD Economic Surveys. 1982. C. 45.
- ¹⁰⁵ New Zealand Tribune. 23.08.1982.
- ¹⁰⁶ Dominion, 05.03.1984.
- ¹⁰⁷ Sinclair Keith. The History of New Zealand. C. 316.
- ¹⁰⁸ New Zealand Official Yearbook. Wellington, 1977. C. 132; 1985. C. 180.
- ¹⁰⁹ Easton B. Social Policy and the Welfare State in New Zealand. Auckland, 1979. C. 148; Easton B. Pragmatism and Progress. Social Security in the Seventies. Cristchurch, 1981. C. 34; Hanson E. The politics of Social Security: The 1938 Act and some Later Development S. Auckland, 1980. C. 148–149.
- ¹¹⁰ Financial Times. 31.08.1976.
- ¹¹¹ Women in New Zealand Society. Auckland, 1980. C. 114.
- ¹¹² Dominion. 31.01.1984.
- ¹¹³ Ministerial Speeches Ministry of foreign Affairs. Wellington, 1983. Vol. 12. C. 4–5.
- ¹¹⁴ Цит. по: Анисимова Ю. Особенности взаимоотношений Австралии и Новой Зеландии со странами Океании // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Т. II. М., 1998. С. 133.
- ¹¹⁵ Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. С. 123.
- ¹¹⁶ New Zealand Official Yearbook. 1979. C. 562, 577.
- ¹¹⁷ Financial Times. 04.08.1981.
- ¹¹⁸ Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. С. 162.
- ¹¹⁹ Там же. С. 167.

¹²⁰ Рут Ричардсон, экс-министр финансов Новой Зеландии. За экономическую свободу: чему мы научились, опыт Новой Зеландии. Richardson-rus.pdf-Adobe Reader.

¹²¹ Там же. С. 12–13.

¹²² Там же. С. 17.

¹²³ Там же. С. 10.

¹²⁴ New Zealand Official Yearbook. 1990. С. 153.

¹²⁴ Richardson M. Land Rights touch new racial nerve // Pacific Defense Reporter. 1988. October. Vol. 15. № 4. С. 32.

¹²⁶ Lange D. Nuclear Free – The New Zealand Way, Auckland, 1990.

¹²⁷ Там же. С. 198.

¹²⁸ См. подробно: Игумнова Л. О. Взгляд премьер-министра Новой Зеландии Д. Лонги на американо-новозеландский конфликт середины 80-х годов (по его книге «Путь Новой Зеландии – безъядерный») // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Издательство Иркутского университета, 1998. Т. II. С. 157–161.

¹²⁹ Игумнова Л. О. Эволюция новозеландского подхода к проблемам ядерного сдерживания // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 48.

¹³⁰ New Zealand Country Report. 1990, № 1. С. 3.

¹³¹ Здесь и далее цифры взяты из Интернета. База данных Всемирного банка. WDI – on-line.

¹³² Цит. по: Levine St. The New Zealand Political System. Politics in a Small Society. Aucland, 1979. С. 71.

¹³³ Politics in a Small Society. Aucland, 1979. С. 71–74.

¹³⁴ Dominion. 13.04.1991.

¹³⁵ Ивнинг пост. 10.04.1991.

¹³⁶ Там же. 09.04.1991.

¹³⁷ WDI – on-line.

¹³⁸ Entering the 21th century. World Development Report 1999/2000. C. 251.

¹³⁹ Там же. С. 259.

¹⁴⁰ Far Eastern Economic Review, December, 9, 1999. Vol. 162. № 496. С. 55.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Dominion, 29.11.1999.

¹⁴³ Там же. 02.12.1999.

Заключение

¹ World Development Indicators (WDI). 2012. С. 130; New Zealand Official Yearbook. 2002. С. 106.

² WDI. С. 129–130.

³ Подсчитано по: Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 180; WDI. 2012. С. 42–44.

⁴ WDI. 2012. С. 212–214.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 186; New Zealand Official Yearbook. 2002. С. 116.

⁷ WDI, 2012. С. 20–21.

⁸ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 213–214, 219.

⁹ WDI. 2010. С. 262–264.

¹⁰ Для Австралии, Канады, Новой Зеландии подсчитано по: Angus Maddison. The World Economy: Historical Statistics. OECD, 2003. С. 88. Для остальных стран – С. 61–63; население см.: С. 81–82.

¹¹ Там же. С. 64–65, 69, 184–185.

¹² База данных Всемирного банка.

¹³ Prichard Muriel F. Lloyd. An Economic History of New Zealand to 1939. С. 209.

¹⁴ Подсчитано по: New Zealand Official Yearbook. 2002. С. 550–552.

¹⁵ WDI. 2012. С. 214–216, WDI. 2010. С. 226–228.

¹⁶ Россия и страны мира Официальное издание. Статистический справочник. М., 2008. С. 254; WDI. 2012. С. 194–196.

¹⁷ Wood G. A. and Rudd Christ. The politic and Government of New Zealand. Robust. innovation and challenged. Otago, 2004. С. 151.

¹⁸ New Zealand Official Yearbook. 1990. С. 343; New Zealand Official Yearbook. 2002. С. 271.

¹⁹ Wood G. A. and Rudd Christ. The politic and Government of New Zealand. Robust innovation and challenged. С. 151.

²⁰ Подсчитано по: WDI. 2010. С. 336–338.

²¹ WDI. 2010. С. 94–96.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ГУБЕРНАТОРАХ И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРАХ

Уильям Гобсон. Родился 26 сентября 1792 г. в Уотерфорде (Ирландия). В 1803 г. вступил на службу в Военно-морские силы Великобритании. Первый генерал-губернатор Новой Зеландии. Занимал эту должность с 3 января 1841 г. и до самой смерти. Основал город Окленд, который до 1862 г. являлся официальной столицей Новой Зеландии.

Умер 10 сентября 1842 г.

Роберт Фицрой – второй губернатор Новой Зеландии. Родился 5 июля 1805 г. в Амpton-Холл (графство Суффолк) в Англии. В июне 1831 г. был назначен капитаном корабля «Бигль», на котором вместе с Чарлзом Дарвиным совершил пятилетнее кругосветное путешествие. Один из основателей метеорологической службы Великобритании. 7 апреля 1843 г. был назначен губернатором Новой Зеландии. В декабре 1845 г. был досрочно отозван, поскольку не смог одержать победу над маори. Период его правления был отмечен жестокими схватками европейцев с маори, которые начались при его предшественнике У. Гобсоне.

30 апреля 1865 г. покончил жизнь самоубийством.

Джордж Грей. Родился в Лиссабоне 14 апреля 1812 г. Военный и колониальный деятель Великобритании. Губернатор Южной Австралии, дважды губернатор Новой Зеландии, губернатор Капской колонии (Южная Африка), 11-й премьер-министр Новой Зеландии. Его называют самой влиятельной фигурой периода европейской колонизации. Во время первого губернаторского срока (1845–1853) деятельность его была особенно плодотворной. Ему удалось наладить отношения с маори. Он заверил туземцев, что их земельные права будут полностью соблюдены. В районе Таранаки маори очень неохотно продавали свои земли, но и здесь Грей добился значительного успеха: у маори было приобретено около 130 тыс. кв. км земли, в результате чего английские поселения быстро расширились. Грей оказал влияние на окончательную редакцию Конституционного закона Новой Зеландии 1852 г., после того как Закон 1846 г. был заморожен по его требованию. Грей кон-

тролировал создание первых провинций Новой Зеландии. Впоследствии он был против создания централизованного государства.

В 1861 г., вскоре после предоставления колонии самоуправления, Грей вновь был назначен губернатором Новой Зеландии и занимал этот пост до 1868 г. Его второй срок на этом посту был менее успешным, поскольку его деятельность ограничивали выборный парламент и «ответственное правительство». После короткого губернаторства в Капской колонии он в 1874 г. вновь появился на политической карте Новой Зеландии и около 20 лет был членом палаты представителей, в 1877–1879 гг. занимал должность премьер-министра. Многие из его идей казались современникам радикальными и не были осуществлены при жизни. Но они не пропали бесследно. Их отзыв ощущался в социально-политических реформах правительства либералов. Дж. Грей много сделал для распространения образования не только среди маори, создавая школы для них, но и для белых поселенцев, помогая открывать колледжи. Он изучил язык маори и оставил после себя коллекцию записей их легенд, верований и обычаев.

Умер Джон Грей 19 сентября 1998 г. в Лондоне.

Генри Сьюэлл. Родился 7 сентября 1807 г. в небольшом городке Ньюпорт на острове Уатт (Великобритания). По образованию юрист, он в 1848 г. поступил на работу в британскую компанию, которой была поручена колонизация современного новозеландского региона Кентербери. Приехав в Новую Зеландию в 1853 г., был избран депутатом парламента от г. Крастчёрча. В 1856 г. стал колониальным секретарем (должность считалась эквивалентной посту премьер-министра). Правительство Г. Сьюэлла продержалось всего две недели. Его идеи централизации не находили поддержки у новозеландцев. При новом правительстве занимал пост казначея, неоднократно избирался в парламент. Занимал посты атторней-генерала (1861–1862), министра юстиции (1864–1865, 1869–1872) и колониального секретаря (к тому времени эта должность стала самостоятельной и не имела отношения к посту премьер-министра). Он играл важную роль в распределении доходов между провинциальными властями и центральным правительством. Пытался пересмотреть земельную политику. Сьюэлл выступал за мирное разрешение конфликтов с маори, предлагал выкупать земли коренных жителей по более справедливой цене. Дважды безуспешно выдвигал законопроекты о создании маорийского органа, который контролировал бы

все земельные сделки маори. Позже Сьюэлл опубликовал памфлет «The New Zealand native rebellion», в котором изложил свои взгляды на причины и пути разрешения земельных конфликтов с коренными жителями Новой Зеландии.

Умер 14 мая 1879 г. в Великобритании, в г. Кембридже.

Джулиус Фогель. Родился в Лондоне 24 февраля 1835 г. В период золотой лихорадки эмигрировал в Австралию, затем в Новую Зеландию. Поселился в Отаго, где стал активно заниматься политикой, основал газету «Отаго Дейли Таймс». Занимал посты министра финансов, почты, таможи и телеграфа. Дважды избирался премьер-министром страны (1873–1876). Прославился своей политикой внешних займов, которые тратил на освоение новых земель, развитие инфраструктуры, финансирование общественных работ и поддержку иммиграции, упразднил советы провинций. Новая Зеландия стала централизованным государством. С 1879 г. по 1893 г. был депутатом парламента. В области внешней политики стремился к аннексии тихоокеанских островов.

Умер 12 марта 1899 г. в Отаго.

Роберт Стаут. Родился в г. Леруике (Шотландия) 20 сентября 1844 г. В 1863 г. переехал в Новую Зеландию в провинции Отаго. Работал учителем, юристом. Был избран в совет провинции В 1875 г. стал независимым депутатом палаты представителей. В 1878 г. был членом кабинета Дж. Грея. Занимал посты министра земель и иммиграции, а также главного прокурора. В 1879 г. из-за разногласий с Греем Стаут покинул парламент. Вернулся туда в 1884 г. в качестве премьер-министра. Занимал этот пост до 1887 г. В 1893 г. вновь вернулся в парламент, завоевав место на дополнительных парламентских выборах. Активно участвовал в проведении земельной и административной реформ. Много занимался вопросами народного образования, особенно университетского. Р. Стаут добился проведения через парламент закона об избирательном праве для женщин. В 1898 г. Стаут оставил политическую деятельность. Через год был назначен Верховным судьей и занимал этот пост до 1926 г.

Умер 19 июля 1930 г. в Веллингтоне.

Джон Балланс. Родился в графстве Антрим (Северная Ирландия) 27 марта 1839 г., в семье фермеров. В 1866 г. переехал в Новую Зеландию.

дию, в Уангануи, где стал владельцем и редактором газеты, освещавшей местные новости. В 1875 г. был избран в парламент, с 1877 г. – член кабинета. Занимал посты министра таможен, образования, казначея. После разногласий с тогдашним премьер-министром Дж. Греем ушел из правительства. В 1884 г. Балланс вернулся в кабинет министров, который возглавил его друг и соратник Роберт Стаут. Стал министром земель и иммиграции и министром обороны, а также министром по делам маори. В отличие от других политических деятелей того времени отстаивал права маори на свои земли. Джон Балланс – основатель Либеральной партии. Она явилась первой в Новой Зеландии политической партией. После победы ее на парламентских выборах 1890 г. Джон Балланс стал премьер-министром либерального правительства. Он боролся за равноправие женщин. Его правительство ввело прогрессивные подоходный и земельный налоги.

Умер 27 апреля 1893 г. в Веллингтоне после тяжелой хирургической операции.

Ричард Джон Седдон. Родился 22 июня 1845 г. в семье учителей в Ланкашире (Англия). В 1866 г., после работы на золотых приисках Австралии, перебрался в Уэст на золотые прииски Новой Зеландии. Занимался политикой, участвуя в работе различных местных органов. Приобрел известность, защищая права шахтеров. В 1879 г. стал депутатом парламента. В 1893 г. – премьер-министром первого либерального правительства и оставался им в течение последующих 13 лет. Историк Кейс Синклер считает его одним из величайших лидеров Новой Зеландии. Возглавляя правительство, сосредоточил в своих руках множество постов: министра финансов, труда, образования, обороны, министра по делам туземцев и иммиграции. За свою авторитарность получил прозвище «Король Дик». Провел через парламент многие законы (о пенсиях по старости, сокращении рабочей недели, минимальном уровне заработной платы, об арбитраже и др.), заложив тем самым основы «государства всеобщего благоденствия». В то же время на посту министра иммиграции Дж. Седдон ограничил в 1881 г. въезд в Новую Зеландию китайцев, а позднее, в 1889 г. – вообще представителей азиатских стран. Вначале он протестовал против предоставления женщинам избирательных прав. В области внешней политики отстаивал имперские интересы Великобритании, выступал за тесные военные и торговые

связи с метрополией. Хотел видеть в Новой Зеландии «Британию южных морей» и пытался присоединить к ней острова Самоа и Фиджи.

Умер, возвращаясь из Австралии на корабле «Освестри Гранд», 10 июня 1906 г. Похоронен в Веллингтоне.

Джозеф Уорд. Родился 26 апреля 1856 г. в Мельбурне. В 1863 г. его семья переехала на юг Новой Зеландии в г. Блафф. Начав заниматься политикой, он в 1878 г. был избран в городской совет Блаффа, а позже стал мэром. В 1887 г. был избран в парламент. Исполнял обязанности главы почтового ведомства и казначея. Проявлял большие способности как финансист. Привлек (подобно Фогелю) крупные зарубежные займы для программы социальной защиты либерального правительства. В 1901 г. участвовал в создании первого в мире Министерства здравоохранения. В августе 1906 г., после внезапной смерти Ричарда Седдона, Уорд возглавил правительство либералов. В марте 1912 г., разочарованный результатами выборов, Уорд подал в отставку. В 1915 г. принял предложение премьер-министра Мэсси, возглавляющего Партию реформ, создать на время войны совместную администрацию, которая и просуществовала до 1919 г. Второй раз вступил в должность премьер-министра в 1928 г., будучи лидером новой Объединенной партии. Покинул этот пост в связи с болезнью в 1930 г.

Умер 8 июля 1930 г. в Веллингтоне.

Уильям Мэсси. Родился в Лимаведи (Северная Ирландия) 26 марта 1856 г. в фермерской семье. В 1870 г. переехал в Новую Зеландию. В 1894 г. был избран в парламент. В 1909 г. основал и возглавил Партию реформ, которая отстаивала свободное предпринимательство и землевладение. В 1912–1925 гг. занимал должность премьер-министра. Выступал против либералов и лейбористов, защищал интересы фермеров. Для борьбы с забастовочным движением сформировал военные отряды, прозванные «казаками Мэсси». Во внешней политике стремился сохранять крепкие связи с Великобританией.

Умер 10 мая 1925 г. в Веллингтоне.

Джозеф Гордон Коутс. Родился 3 февраля 1878 г. в Новой Зеландии на полуострове Хукатере в семье фермеров. Политикой начал заниматься с 1905 г., будучи членом, а затем и председателем Окружного совета Отаматеа. В 1911 г. стал независимым депутатом парламента,

поддерживающим Либеральную партию. Отошел от Либеральной партии, не разделяя ее политики по земельным вопросам. В 1914 г. вступил в Партию реформ. В 1916 г. ушел на фронт, где проявил себя героем, заслужив Военный крест. С 1919 г., будучи самым молодым министром, занимал различные министерские должности в кабинете Мэсси: был министром юстиции, связи, телеграфа, общественных работ, путей сообщения, по делам маори. В 1925 г., после смерти Мэсси, возглавил правительство и оставался на этом посту до 1928 г. – поражения Партии реформ на парламентских выборах. В 1936 г., когда сформировалась Национальная партия, был ее депутатом в парламенте. В годы Второй мировой войны входил в объединенный военный кабинет.

Умер 27 мая 1943 г. в Веллингтоне.

Джордж Уильям Форбс. Родился 12 мая 1869 г. в Литтелтоне. Занимался фермерством. Прошел в кандидаты парламента от либералов в 1908 г. В 1912 г., когда Либеральная партия пришла к власти, он исполнял обязанности спикера парламента и занимал эту должность вплоть до 1921 г. После выборов 1928 г. и победы Объединенной партии Форбс получил портфель министра земель и сельского хозяйства. В 1930 г. стал премьер-министром и министром финансов. Его правление пришлось на годы депрессии, и для поддержания экономики ему приходилось принимать крайне непопулярные меры. В 1935 г. после сокрушительной победы над своими соперниками правительство сформировала Лейбористская партия. Форбс непродолжительное время был лидером Национальной партии, созданной на базе Либеральной партии и Партии реформ. Оставался членом парламента до 1943 г.

Умер 17 мая 1947 г. на своей ферме в Чевиота (к северу от Крайстчёрча).

Майкл Джозеф Сэвидж. Родился 23 марта 1872 г. в Татонге (штат Виктория, Австралия) в фермерской семье. В 1907 г. переехал в Новую Зеландию. Сменил множество профессий: был шахтером, переработчиком льна, складским рабочим, пока не занялся профсоюзной деятельностью. Один из организаторов Оклендской стачки 1912 г. В 1913–1915 гг. неоднократно возглавлял забастовки. Во время Первой мировой войны выступал против воинской мобилизации. Возглавлял Новозеландскую федерацию труда, известную как Красная федерация. В 1910 г. выступал против создания Лейбористской партии, считая ее

недостаточно социалистической, однако позднее, в 1916 г., участвовал в ее становлении. Под его руководством партия превратилась в одну из ведущих политических сил страны. В 1919 г. был избран депутатом парламента. После победы партии на выборах 1935 г. он стал премьер-министром. Принятые при нем закон о социальном обеспечении, экономические меры для выхода страны из Великой депрессии заслужили ему право считаться выдающимся политиком. При нем в 1940 г. Новая Зеландия присоединилась к Великобритании в борьбе с фашизмом.

Умер 27 марта 1940 г. в Веллингтоне.

Питер Фрезер. Родился 28 августа 1884 г. в деревне ФиэРН (Шотландия). Сын сапожника. В 1910 г. эмигрировал в Новую Зеландию. Занялся профсоюзной деятельностью. Один из руководителей Веллингтонской стачки 1912–1913 гг. Во время Первой мировой войны выступал против отправки войск на фронт. Участвовал в создании Лейбористской партии. В 1918 г. стал членом парламента. Завоевал популярность как организатор борьбы с послевоенной эпидемией «испанки». После прихода к власти лейбористов в 1935 г. занимал посты министра образования, здравоохранения, военно-морского флота и полиции. В апреле 1940 г. стал премьер-министром. Во время Второй мировой войны ввел воинскую повинность, считая ее неизбежным злом в борьбе с фашизмом. Уделял особое внимание тому, чтобы военные формирования Новой Зеландии оставались под ее контролем. В 1944 г. ратовал за принятие Вестминстерского статута 1931 г., но столкнулся с сильной оппозицией со стороны депутатов от Национальной партии. После войны принимал активное участие в создании ООН. В 1947 г. занял также пост министра по делам маори и принял ряд мер по ликвидации расового неравенства. В 1949 г. после поражения лейбористов на выборах возглавил оппозицию.

Умер 12 декабря 1950 г. в Веллингтоне.

Сидней Джордж Холланд. Родился 18 октября 1893 г. в Гриндейле (район Кентербери). Он — сын известного новозеландского политика Гарри Холланда, первого лидера Лейбористской партии, «ярого» социалиста. После его смерти в 1935 г. Сидней Холланд был избран в парламент, но в качестве депутата от Национальной партии. Долгие годы возглавлял оппозицию и занял пост премьер-министра, а также министра финансов, когда в 1949 г., после 14-летнего правления лейбо-

ристов, Национальная партия пришла к власти и сформировала первое национальное правительство. Оно в 1950 г. отменило за «ненадобностью» верхнюю палату парламента: с тех пор и до наших дней парламент страны однопалатный. С. Холланд ввел жесткие меры против профсоюзного движения, подавил в 1951 г. забастовку докеров, расширил полномочия полиции. При его правлении Новая Зеландия вступила в военные блоки АНЗЮС и СЕАТО.

Умер 5 августа 1961 г. в Веллингтоне.

Уолтер Нэш. Родился 12 февраля 1882 г. в Киддерминстере (Англия). В 1909 г. эмигрировал в Новую Зеландию. Здесь подружился с такими видными социалистами, как Майкл Сэвидж и Гарри Холланд. Всю жизнь оставался «христианским социалистом» и убежденным пацифистом. В 1918 г. участвовал в создании в Нью-Плимуте местного отделения Лейбористской партии и вошел в состав ее руководства. Был избран в парламент в 1929 г., после победы Лейбористской партии в 1935 г. получил портфель министра финансов и провел ряд важных реформ, в частности национализировал Резервный банк Новой Зеландии, вел торговые переговоры с Англией. За свою умеренную прагматичную экономическую политику подвергался нападкам как слева, так и справа. Вторую мировую войну, будучи пацифистом, принял как неизбежное зло. Во время войны был дипломатическим представителем Новой Зеландии в США. У. Нэш принимал участие в конференциях по созданию ООН, рекомендовал Новой Зеландии вступить в Международный валютный фонд. В 1949 г. лейбористы проиграли выборы, но Нэш сохранил свое место в парламенте.

С приходом Лейбористской партии к власти (1957–1960) Уолтер Нэш стал премьер-министром. Его премьерство не было успешным. Население раздражало, что он часто отсутствовал, занимаясь международными делами, ввел дополнительные налоги на пиво, сигареты, бензин. Возмущение в стране вызывали его действия во время формирования сборной по регби для участия в ЮАР. По настоянию властей ЮАР спортсмен-маори не включили в сборную, а Нэш не воспрепятствовал этому, ссылаясь на то, что данный вопрос находится в компетенции спортивного руководства.

После короткого перерыва Национальная партия снова пришла к власти и У. Нэш стал лидером оппозиции. В 1963 г. он ушел с этого

поста. До самой смерти оставался депутатом парламента. Активно протестовал против войны во Вьетнаме. Дважды побывал в СССР.

Умер 4 июня 1968 г. в Веллингтоне.

Кит Джакка Холиок. Родился в Мангамуту, недалеко от Пахиа-туа (Новая Зеландия) 11 февраля 1904 г. Активно участвовал в различных фермерских организациях. В 1932 г. стал членом парламента от Партии реформ. Сыграл важную роль в преобразовании коалиции Партии реформ и Объединенной партии в Национальную. В 1949 г., когда партия пришла к власти, занял посты министра сельского хозяйства и руководителя департамента научных и промышленных исследований. В 1957 г. стал премьер-министром, но был вынужден покинуть этот пост, поскольку в результате выборов на три года к власти пришли лейбористы. С 1960 г. по 1972 г. К. Холиок – снова премьер-министр и министр иностранных дел. В период его правления были внесены изменения в Уголовный кодекс страны, в частности одно из наиболее важных – отмена смертной казни. Было введено свободное членство в профсоюзах. В области внешней политики он сторонник ориентации на США и участия Новой Зеландии в военных блоках АНЗЮС и СЕАТО. Его правительство послало в 1965 г. ограниченный контингент войск в Южный Вьетнам.

После парламентских выборов 1975 г., когда националисты вернулись во власть, К. Холиок занимал специально созданный для него новый премьером Р. Малдуном пост государственного министра. В 1977 г. по представлению Р. Малдуна был назначен генерал-губернатором и вследствие этого покинул парламент. Из-за преклонного возраста К. Холиок пробыл на новом посту не пять, а только три года и проявил при этом «безупречную беспристрастность».

Умер 8 декабря 1983 г. в Веллингтоне.

Норман Эрик Кёрк. Родился 6 января 1923 г. в Уаимате (округ Кентерберри). Происходил из рабочей семьи и сам поменял множество рабочих профессий. В 1943 г. вступил в Лейбористскую партию. В 1957 г. стал депутатом парламента. Кёрк придерживался социалистических убеждений, выступал за социально ориентированное государство. В 1972–1974 гг. занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел в третьем лейбористском правительстве. Его внешнеполитическая деятельность была активной и плодотворной. При нем были выве-

дены новозеландские войска из Вьетнама. Он выступал против ядерных испытаний Франции в Тихом океане. Н. Кёрк способствовал развитию связей Новой Зеландии с внешним миром, в частности с Азией и Африкой, установил дипломатические отношения с КНР. Н. Кёрк много сделал для улучшения положения маори, отменив ряд пунктов в законе о маори 1967 г., в частности те, что облегчали отчуждение маорийских земель. При нем была проведена подготовительная работа для создания Трибунала Вайтанги. Будучи ярким противником расизма, он не допустил в Новую Зеландию сборную команду по регби из ЮАР, где проводилась политика апартеида.

Умер 31 августа 1974 г. в Веллингтоне.

Уоллес Эдвард Роулинг. Родился 15 ноября 1927 г. в г. Мотуэка (Южный остров). Его отец возглавлял местное отделение Лейбористской партии. У. Роулинг был избран в парламент в 1962 г. В 1969 г. стал вице-президентом Лейбористской партии. В 1972 г., когда лейбористы победили на выборах, вошел в правительство в качестве министра финансов. После смерти Н. Кёрка стал премьер-министром страны и занимал этот пост до прихода в 1975 г. к власти Национальной партии. В своей деятельности У. Роулинг столкнулся с большими финансовыми трудностями, поскольку его правление пришлось на годы кризиса. Старался, и небезуспешно, сдерживать рост безработицы. На посту лидера оппозиционной партии оставался до 1983 г. В 1985–1988 гг. был послом Новой Зеландии в США; в 1990–1995 гг. – президентом Новозеландского института международных отношений.

Умер 31 октября 1995г. в Нельсоне.

Роберт Дэвид Малдун. Родился 25 октября 1921 г. в Окленде. Во время Второй мировой войны, проходя военную службу в Италии, получил там бухгалтерское образование и стал первым в стране квалифицированным специалистом в этой области. После войны активно занимался политикой. В 1947 г. вступил в молодежное крыло Национальной партии. В 1960 г. был избран в парламент. В 1963 г. занял пост заместителя министра финансов, в 1967 г. – министра финансов. Сыграл значительную роль в победе националистов на выборах 1969 г. В 1972–1975 гг. страной правили лейбористы. После возвращения националистов во власть Р. Малдун стал премьер-министром, оставив за собой и портфель министра финансов. Малдун пытался справиться с экономи-

ческими трудностями, галопирующей инфляцией, проводя то кейсианскую, то монетаристскую политику. Он призывал новозеландцев «мыслить масштабно» и осуществлять крупные затратные проекты, которые, правда, не принесли желаемого эффекта. В результате при нем на два года были заморожены цены и заработная плата, что негативно сказалось на экономике страны, положении рабочих и служащих. Эту меру, введенную в целях борьбы с инфляцией, он сам впоследствии считал политической ошибкой. Р. Малдун ввел антизабастовочный закон, отменил обязательное членство в профсоюзах. Раскол в обществе, демонстрации протеста вызвало решение Р. Малдуна допустить в страну сборную ЮАР по регби.

В своей внешней политике Р. Малдун поддержал Великобританию в фолклендской войне, направив новозеландский фрегат в Атлантический океан. В 1984 г. он объявил досрочные выборы, спровоцировав конституционный кризис. Лейбористская партия с огромным перевесом победила Национальную партию. Так закончился 9-летний период правления Р. Малдуна – одного из самых противоречивых политиков Новой Зеландии. Почти до самой смерти он оставался членом парламента. Занимался журналистской деятельностью, участвовал в телевизионных и радиошоу, оставил после себя автобиографические записки.

Умер 5 августа 1992 г. в Окленде.

Дэвид Рассел Лонги. Родился 4 августа 1942 г. в Отахуку (пригород Окленда). Получил юридическое образование. В 1977 г. был избран в парламент от Лейбористской партии. В феврале 1983 г. Д. Лонги стал лидером оппозиционной Лейбористской партии. В 1984 г. после победы лейбористов на очередных парламентских выборах он стал в сорок один год самым молодым премьером Новой Зеландии в XX веке. Одновременно он занимал посты министра иностранных дел и министра образования. Это была харизматическая личность, блестящий оратор, остроумный, смелый человек. Четвертое лейбористское правительство, которое возглавлял Д. Лонги, прославилось тем, что вопреки традиционным взглядам и принципам лейбористов, отказалось от модели патерналистского государства, коим долгие годы была Новая Зеландия, и открыло дорогу рыночным отношениям. В результате такой перестройки Новая Зеландия превратилась в одну из самых свободных экономик мира. В своей внешней политике он проявил себя как последовательный борец против ядерного вооружения. Он запретил американским

судам с ядерным оружием на борту появляться в портах Новой Зеландии, что в итоге привело к развалу АНЗЮС. Свой взгляд на проводимую им антиядерную политику он выразил в книге «Путь Новой Зеландии – безъядерный». После своей отставки в 1989 г. занимал посты генерального прокурора, а также государственного министра. В 1996 г. из-за тяжелой болезни покинул парламент.

Умер 13 августа 2005 г. в Окленде. Оставил после себя мемуары «Моя жизнь».

Джеффри Уинстон Рассел Палмер. Родился 21 апреля 1942 г. в Нельсоне. В 1964 г. получил степень бакалавра искусств, 1966 г. – бакалавра права, в 1967 г. – доктора права. Преподавал в университетах США, Австралии и Новой Зеландии. На дополнительных выборах в 1979 г. был избран в парламент от Лейбористской партии. В 1984 г. Дж. Палмер стал заместителем премьер-министра Дэвида Лонги в четвертом лейбористском правительстве. Занимал также посты генерального прокурора, министра юстиции, после 1987 г. – министра по делам окружающей среды. После серьезных разногласий между премьером Д. Лонги и министром финансов Робертом Дагласом по ходу экономических реформ, результатом которых стала отставка Д. Лонги, Дж. Палмер в 1989 г. становится премьер-министром. За два месяца до очередных парламентских выборов в 1990 г. лейбористы, считая, что Дж. Палмер не обладает харизмой, заменили его на посту премьера Майклом Муром, полагая, что у последнего больше шансов на победу. Дж. Палмер вышел из парламента и вернулся к преподавательской и научно-исследовательской работе. За время своей парламентской деятельности он занимался конституционными проблемами, разработал новую смешанно-пропорциональную систему выборов в парламент, которая была одобрена референдумом только в 1993 г. В области экологии, которой он всегда интересовался, Дж. Палмер – автор Закона об управлении ресурсами. Его перу принадлежит множество публикаций, касающихся конституционных вопросов, прав человека, отношений между политической и судебной властью, системы компенсаций при несчастных случаях, а также защиты окружающей среды, в частности китов.

Майкл Кеннет Мур. Родился 28 января 1949 г. в Вакатене (Северный остров). В 1972 г. стал самым молодым депутатом парламента Но-

вой Зеландии от Лейбористской партии. В 1984 г. получил сразу три министерских портфеля: министра международной торговли и маркетинга, министра туризма, спорта и отдыха, министра пропаганды. В 1990 г. Майкл Мур стал премьер-министром Новой Зеландии и одновременно министром иностранных дел. После поражения лейбористов на очередных парламентских выборах в 1990 г. он – лидер оппозиции (1990–1993). В 1999–2002 гг. Мур возглавлял Всемирную торговую организацию (ВТО), став ее третьим по счету генеральным директором. В 2003 г. Майкл Мур назначен во Всемирную комиссию ООН по международной миграции. Он также является членом Комиссии ООН по расширению правовых возможностей бедных слоев населения. В 2010 г. его назначают послом Новой Зеландии в США. М. Мур – автор многих книг, самая известная – «Мир без преград».

Джеймс («Джим») Брендан Болджер. Родился 31 мая 1935 г. (Таранаки, Новая Зеландия) в семье фермеров – эмигрантов из Ирландии. В 1972 г. Джим Болджер стал депутатом парламента от Национальной партии. В кабинете Р. Малдуна (1975–1984) занимал посты министра рыболовства и помощника министра сельского хозяйства (1977), а затем, после выборов 1978 г. – министра труда. В 1990 г. в результате оглушительной победы Национальной партии на выборах Джим Болджер стал премьер-министром. При нем вместо мажоритарной была введена смешанно-пропорциональная избирательная система. Правительство Болджера продолжало экономические и социальные реформы, начатые лейбористами в 1984 г. В области внешней политики оно также проводило антиядерный курс лейбористов. В декабре 1994 г. правительство США признало запрет, введенный Новой Зеландией на заход в порты страны судов с ядерным оружием на борту. В 1995 г. Джим Болджер встречался с президентом Клинтоном во время своего визита в США. Это был первый официальный приезд главы правительства Новой Зеландии в страну с 1984 г. Вернувшись в 1997 г. из зарубежной поездки, Дж. Болджер обнаружил, что лишился поддержки большинства коллег по партии, недовольных его политикой, и подал в отставку. На посту премьер-министра его сменила Дженни Шипли.

В 1998 г. Болджер покинул парламент и был назначен послом Новой Зеландии в США. В 2001 г. вернулся и стал председателем государственной Почты Новой Зеландии и входящего в ее состав Кивибанка. 14 февраля 2007 г. Болджер был избран канцлером Университета

Вайкато. Возглавляет многие компании: «Express Couriers Ltd.», «Trustees Executor Ltd.», «Gas Company Ltd.», а также наблюдательный совет Всемирного сельскохозяйственного форума в Сент-Луисе, Совет США–Новая Зеландия и совет директоров фонда «Ian Axford Fellowships in Public Policy».

Дженнифер («Дженни») Мэри Шипли. Родилась 4 февраля 1952 г. в городе Гор (Новая Зеландия) в фермерской семье. Получила среднее педагогическое образование и до 1976 г. преподавала в начальных классах. В 1975 г. вступила в Национальную партию. В 1976 г. стала помощником депутата парламента. В 1987 г. была избрана в парламент. После победы Национальной партии на выборах в 1990 г. заняла посты министра социального обеспечения и министра по делам женщин. В 1993 г. стала министром здравоохранения. Сокращение ею государственных пособий, попытка реформировать систему здравоохранения на рыночных началах вызывала споры, а подчас и протесты однопартийцев. Тем не менее во время поездки Джима Болджера в Шотландию ей удалось убедить своих коллег поддержать ее в стремлении стать лидером партии. 8 декабря 1997 г. она заменила Дж. Болджера, который ушел в отставку, и возглавила партию и правительство. Она стала первой женщиной, занявшей в Новой Зеландии этот пост, и первой женщиной – лидером Национальной партии, но положение Шипли было непрочным. Начались конфликты внутри коалиции (при новой смешанно-пропорциональной избирательной системе, впервые опробованной в 1996 г., ни одной партии не удалось править единолично, без союза с другими партиями). В результате партнер по коалиции У. Питерс – глава партии «Новая Зеландия, прежде всего» был выведен из правительства. Стараясь расширить электорат Национальной партии, Дж. Шипли приняла участие в параде представителей сексуальных меньшинств, дабы заручиться их поддержкой. На парламентских выборах 1999 г. Национальная партия потерпела поражение, и Дж. Шипли стала лидером оппозиции. На этом посту она оставалась до 2001 г., затем покинула парламент. В 2007 г. начала работать в финансовой компании «Sentinel». Дженни Шипли является членом Совета международной организации, объединяющих женщин – глав государств и правительств, которые выступают за решение общих проблем женщин во всем мире, за равноправие.

Хелен Элизабет Кларк. Родилась 26 февраля 1950 г. в Гамильтоне (Новая Зеландия) в семье фермера и учительницы. Изучала политологию в Оклендском университете, где затем и преподавала в 1973–1981 гг. В 1973 г. вступила в Лейбористскую партию. В 1981 г. была избрана в парламент. Работала в правительственных кабинетах Д. Лонги, Дж. Палмера и М. Мура, занимая посты министра строительства, здравоохранения, а затем и вице-премьера. С 1993 г. по 2008 г. Х. Кларк – лидер Лейбористской партии. В 1999 г. в коалиции с партией «Альянс» Хелен Кларк возглавила пятое лейбористское правительство, одновременно будучи министром культуры. Она вторая (после Дж. Шипли) женщина-премьер-министр в Новой Зеландии и первая, избранная на этот пост непосредственно электоратом (Дж. Шипли стала премьером в результате верхушечного переворота в руководстве Национальной партии). Сферой основных интересов Х. Кларк в первый срок правления (а она оставалась премьером в течение 9 лет) было улучшение социального обеспечения, а также внешняя политика, в русле которой она отстаивала безъядерный статус Новой Зеландии. В 2008 г. Национальная партия победила лейбористов, правительство возглавил Джон Кей. Хелен Кларк ушла с поста лидера оппозиционной партии, уступив место Филлу Гофф. В апреле 2009 г. она стала администратором Программы развития ООН, заместителем Генерального секретаря ООН. Х. Кларк, так же как и Дж. Шипли, является членом Совета международной организации, объединяющей женщин – мировых лидеров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные публикации. Справочная литература

- База данных Всемирного банка (Интернет).
Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.
Новая Зеландия. Справочник. М., 1974.
Развитые капиталистические страны. Социально-экономический справочник. М., 1979.
Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сборник документов. Издательство Иркутского университета, 1995.
Backgrounder. 1975–1985.
Bulletin of Labour Statistics. Geneva. 1975–1985.
Encyclopaedia of New Zealand. 1966.
Human Development Report. New York, 2002, 2005, 2009.
Hunn J. K. Report on Department of Maori Affairs with Statistical Supplement (24 August 1960).
Labour Leads. Policies at Work. December 1972 – May 1975.
Ministerial Speeches. Ministry of Foreign Affairs. Wellington, 1971–1986.
Modern Encyclopaedia of Australia and New Zealand. Sydney – Melbourne, 1964.
Muldoon R. Budget. Wellington, 1981.
National Accounts Statistics of OECD Countries. P., 1975–1985.
National Development Conference. Wellington, 1969.
New Zealand. Census of Population. Wellington, 1971–1983.
New Zealand. Industrial Production. Wellington, 1974.
New Zealand. Monthly Abstract of Statistics. Wellington, 1970–1986.
New Zealand. OECD Economic Surveys. P., 1975–1985.
New Zealand. Official Yearbook. Wellington, 1970–2002.
New Zealand. Parliamentary Debates. Wellington, 1972–2005.
New Zealand. Pocket Digest of Statistics. Wellington, 1970–1986.
New Zealand. System of National Accounts. Concepts and Design 1971–1972 to 1980–1981. Wellington, 1983.
Reserve Bank of New Zealand Economy-Six-Monthly Review. November 1976. Bulletin.

- The Role of Women in New Zealand Society, Report of Select Committee on Women's Rights, June, 1975. Wellington, 1976.
- Speeches and Documents on New Zealand History. Qxf., 1971.
- Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. Bangkok, 1980.
- UNESCO. Statistical Yearbook. P., 1975–1985.
- Who's Who in New Zealand. Wellington, 1978.
- World Development Indicators. Washington, 1999–2012.
- World Development Report. Washington, 1985–2010.
- Yearbook of Labour Statistics. Geneva, 1975–1985. Yearbook of National Accounts Statistics. N. Y., 1975–1985.

Литература

- Австралия и Океания. М., 1974, 1978.
- Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М., 1984.
- Андреева В. М. Новая Зеландия. М., 1963.
- Байков В. Правовое положение и земельные порядки в Новой Зеландии. М.: Труд и воля, 1917.
- Бахта В. М. Аотероа. М., 1965.
- Бельчук А. И. Экономические кризисы современного капитализма: циклические, промежуточные и структурные. М., 1981.
- Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. М., 1978.
- Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология, политика, международные отношения. М., 1974.
- Восток и Россия: взгляд из Сибири (Тезисы конференции). Иркутск, 1996.
- Железнова И. Л., Лебедев И. А. Киви. М., 1966.
- Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг. М., 1962.
- Кабанов Н. О земельном законодательстве в Новой Зеландии. Ростов-на-Дону, б.г.
- Ковлер И. В. Национальная партия Новой Зеландии после второй мировой войны. Диссертация. М., 1985.
- Корф С. А. Автономные колонии Великобритании. СПб., 1914.
- Куприянова Л. Австралия и Новая Зеландия. М., 1981.

Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира в первый». Глава 24. Отношения с Австралией и Новой Зеландией. URL: <http://lib.ru/memuary/singapur>.

Малаховский К. В. История Новой Зеландии. М., 1981.

Малаховский К.В. Британия Южных морей. М., 1973.

Мартынов А. И., Русакова О. К. Актуальные проблемы внешней политики Новой Зеландии. М., 1981.

Мижухев Л. Г. Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия. 3-е изд. СПб., 1905.

Мишин А. А. Государственный строй Новой Зеландии. М., 1960.

Научные конференции по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. М., 1983–1988.

Проблемы изучения Австралии и Океании. М., 1976.

Проблемы истории Океании. Иркутск, 1987.

Пути развития Австралии и Океании. М., 1981.

Россия и Восток: взгляд из Сибири. 1998, 2004, 2010.

Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия (Тезисы конференции). Иркутск, 2000.

Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Тезисы конференции). Иркутск, 1994.

Рут Ричардсон, экс-министр финансов Новой Зеландии. За экономическую свободу: чему мы научились, опыт Новой Зеландии. Richard-son-rus.pdf-Adobe Reader

Семенова Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. Минск, 2008.

Современный капитализм: политические отношения и институты власти. М., 1984.

Таганский М. Демократическая республика Новая Зеландия. СПб., 1906.

Федоров С. Двухпартийная система в государственном механизме современной Великобритании. М., 1957.

Чумаков Н. О народном самоуправлении в Новой Зеландии. СПб., 1906.

Basset M. Third Labour Government. A Personal History. Palmerston, 1976.

Bedggood D. Rich and Poor in New Zealand. A Critique of Class Politics and Ideology. Auckland, 1980.

Beltway H. Agricultural organization in New Zealand. Melbourne, 1936.

Brown, Bruce. The Rise of New Zealand Labour: a history of New Zealand Labour party from 1916 to 1940., L., 1964.

Butterworth G.W. The Maori People in the New Zealand Economy L. 1974.

Condliffe I. B. The Welfare State in New Zealand. L., 1959.

Easlon B. Social Policy and the Welfare State in New Zealand. Auckland, 1979.

Easton B. Pragmatism and Progress. Social Security in the Seventies. Christchurch, 1981.

Figge A. Introduction to Economic Policies in New Zealand. Wellington, 1972.

Franklin S. H. Trade, Growth and Anxiety; New Zealand beyond the Welfare, Wellington, 1978.

Gustafson B. Social Change and Party Organization. The New Zealand Labour Party Since 1945. L., 1976.

Hanson E. The Politics of Social Security: The 1938 Act and some Later Developments. Auckland, 1980.

Hawke G. R. The Making of New Zealand. An Economic History. L., 1985.

Howe K. R. Race Relations. Australia and New Zealand: A Comparative Survey 1770's–1970's. Wellington, 1977.

Jackson K. New Zealand Politics of Change. Wellington, 1973.

Labour and Industrial Relations in New Zealand. N. Y., 1974.

Labour in Power. Promise and Performance. Wellington, 1975.

Lane P. Economy in the Balance. An Introduction to the New Zealand Economy. Wellington, 1976.

Lange D. Nuclear Free – The New Zealand Way. Auckland, 1990.

Levine St. The New Zealand Political System. Politics in a Small Society. Auckland, 1979.

Lipson L. The Politics of Equality. Chicago, 1948.

Lloyd N. A. Country without strike. A visit to the Compulsory Arbitration Court of New Zealand. New York, 1908.

Maddison Angus. The World Economy: Historical Statistics. OECD, 2003.

McLean I. The Future for New Zealand Agriculture: Economic Strategies for the 1980s. Wellington, 1978.

Metge J. The Maoris of New Zealand. L., 1967.

Milne P. S. Political Parties in New Zealand. L., 1966.

- Mitchell A. Government by Party. Parliament and Politics in New Zealand. Auckland, 1966.
- Morell W. B. New Zealand. L., 1935.
- New Zealand at the Polls. The General Election of 1978. Wellington, 1980.
- New Zealand Politics: a Reader. Cheshire, 1975,
- O'Keefe J. A. B., Fernandes W. L. Introduction to New Zealand Law. Wellington, 1976.
- Oliver W. H. The Story of New Zealand, L., 1960.
- Olssen Eric. Social class in New Zealand – «Social class in nineteenth century». Auckland, 1977.
- Oram C. A. Social Policy and Administration in New Zealand. Wellington, 1969.
- The Oxford History of New Zealand. Wellington, 1981.
- New Zealand Politics: a Reader. Cheshire, 1975.
- Palmer G. Unbridled Power? An Interpretation of New Zealand's Constitution and Government. Wellington, 1979.
- Prichard M. F. L. An Economic History of New Zealand to 1939. Auckland, 1970.
- Readings in New Zealand Government. Wellington, 1972.
- Reeves W. P. State Experiments in Australia and New Zealand. L., 1923.
- Rostow W. The World Economy Historical Prospect. L., 1978.
- Roth B. Trade Unions in New Zealand. Past and Present. Wellington, 1973.
- Simkin Colin G.F The Instability of a dependent economy; economic fluctuations in New Zealand, 1840–1914. Oxford University Press. 1951.
- Scott C. D. Local and Regional Government in New Zealand; Function and Finance. Auckland, 1979.
- Scott K. J. The New Zealand Constitution. Oxford, 1962.
- Sinclair K. A History of New Zealand. L., 1980.
- Sinclair K. Walter Nash. Auckland, 1976.
- Social Class in New Zealand. Auckland, 1977.
- Social Process in New Zealand. Auckland, 1969.
- Sutch W. The Quest for Security in New Zealand, 1840 to 1966. Wellington, 1966.
- Sutch W. The Responsible Society in New Zealand. Christchurch, 1971.

Wards I. The Shadow of Land: a Study of British Policy and Racial Conflict in New Zealand 1832–1852. Wellington, 1968.

Williams J.W. The New Zealand economic in War and Reconstruction. New York, 1948.

Women in New Zealand Society. Auckland, 1980.

Wood F. L. W. The New Zealand people at war political and external affairs. Wellington, 1958.

Wood G. A. and Rudd Crest. The politic and Government of New Zealand and robust, innovation and challenged. Otago, 2004.

Периодические издания

Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ).

Международная жизнь.

Мировая экономика и международные отношения.

Новое время.

Проблемы мира и социализма.

Dominion.

Evening Post.

Far Eastern Economic Review.

Morning Star.

Financial Times.

New Zealand Geographer.

New Zealand Herald.

New Zealand Journal of History.

New Zealand Tribune.

Pacific Islands Monthly.

Pacific Defense Reporter.

People's Voice.

Round Table.

Quarterly Economic Review of New Zealand.

The Press.

Times.

Wall-Street Journal.

SUMMARY

The development of New Zealand during the last hundred years, its major periods and events are described in this book. A brief historical excursus into the 19th century is made, when the foundation of the state was laid down, which won for the country the fame of “the most advanced democracy in the world”.

Political parties struggle, the reforms conducted by them are analyzed in the main part of the book. The author pays a particular attention to the successful transformation of the New Zealand' economy, that started in the middle of 80ies and basically changed the traditional character of its society: the state paternalism was substituted for a market economy.

The place of New Zealand in the world economy was determined on the basis of extensive statistical materials.

Научное издание

Стефанчук Людмила Григорьевна

ИСТОРИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ. XX ВЕК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М. С. Баландина
Корректор Л. В. Хохлова
Верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 22.12.2014
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 300 экз. Зак. № 126

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru. Генеральный директор С.Г. Жвирбо